

**Может ли верить и молиться современный
человек
митрополит Сурожский Антоний (Блум)**

Жизнь и молитва

Жизнь и молитва совершенно нераздельны. Жизнь без молитвы – это жизнь, в которой отсутствует важнейшее ее измерение; это жизнь «в плоскости», без глубины, жизнь в двух измерениях пространства и времени; это жизнь, довольствующаяся видимым, довольствующаяся нашим ближним, но ближним как явлением в физическом плане, ближним, в котором мы не обнаруживаем всей безмерности и вечности его судьбы. Значение молитвы состоит в том, чтобы раскрывать и утверждать самой жизнью тот факт, что все имеет меру вечности и все имеет измерение безмерности. Мир, в котором мы живем, – не безбожный мир: его профанируем мы сами, но в существе своем он вышел из рук Божиих, он любим Богом. Цена его в глазах Божиих – это жизнь и смерть Его Единородного Сына, и молитва свидетельствует, что мы знаем это, – знаем, что каждый человек и каждая вещь вокруг нас священны в очах Божиих: любимые Им, они становятся дороги и для нас. Не молиться – значит оставлять Бога за пределами всего существующего, и не только Его, но и все, что Он значит для созданного Им мира, того мира, в котором мы живем.

Нам часто кажется, что трудно согласовать жизнь и молитву. Это заблуждение, совершеннейшее заблуждение. Происходит оно от того, что у нас ложное представление и о жизни, и о молитве. Мы воображаем, будто жизнь состоит в том, чтобы суетиться, а молитва – в том, чтобы куда-то уединиться и забыть все и о ближнем и о нашем человеческом положении. И это неверно. Это клевета на жизнь и клевета на самую молитву.

Чтобы научиться молитве, надо, прежде всего, сделаться солидарным со всей реальностью человека, всей реальностью его судьбы и судьбы всего мира: до конца принять ее на себя. В этом – сущность акта, совершенного Богом в Воплощении. В этом вся полнота того, что мы называем предстательством. Обычно мы воспринимаем молитвенное предстательство как вежливое напоминание Богу о том, что Он забыл сделать. В действительности же оно заключается в том, чтобы сделать шаг,

ставящий нас в самый центр трагической ситуации, шаг, подобный шагу Христа, Который сделался человеком раз и навсегда. Мы должны сделать шаг, который поставит нас в центр ситуации, откуда никогда больше мы не сможем выйти; солидарность христианская, Христова направлена одновременно к двум противоположным полюсам: воплотившийся Христос, истинный человек и истинный Бог, до конца солидарен с человеком, когда человек в своем грехе обращается к Богу, и до конца солидарен с Богом, когда Он обращается к человеку. Эта двойная солидарность делает нас, в каком-то смысле, чуждыми обоим лагерям и, в то же время, едиными с обоими лагерями. В этом основа положения христианина.

Вы скажете: «Что же делать?» Так вот, молитва рождается из двух источников: либо это наше восторженное изумление перед Богом и делами Божиими: нашим ближним и окружающим нас миром, несмотря на его тени; либо это чувство трагичности – нашей и особенно чужой. Бердяев сказал: «Когда я голоден, это явление физическое; если голоден мой сосед, это явление нравственное». И вот трагичность, которая предстает перед нами в каждое мгновение: мой сосед всегда голоден; это не всегда голод по хлебу, иногда это голод по человеческому жесту, ласковому взгляду. Здесь-то и начинается молитва – в этой отзывчивости на изумительное и на трагичное. Пока есть эта отзывчивость, все легко: в восторге нам легко молиться, и легко молиться, когда нас пронзает чувство трагизма.

Ну, а в другое время? Так вот, и в другое время молитва и жизнь должны быть одно. У меня нет времени говорить об этом много, но я хотел бы просто сказать вот что: встаньте утром, поставьте себя перед Богом и скажите: «Господи, благослови меня и благослови этот начинающийся день», а потом относитесь ко всему этому дню как к дару Божию и смотрите на себя как на посланца Божия в этом неизвестном, что представляет собой начинающийся день. Это означает попросту нечто очень трудное, а именно: что бы ни случилось за этот день – ничто не чуждо воле Божией; все без исключения – обстоятельства, в которые Господь вас пожелал поставить,

чтобы вы были Его присутствием, Его любовью, Его состраданием, Его творческим разумом, Его мужеством... И, кроме того, всякий раз, когда вы встречаетесь с той или иной ситуацией, вы – тот, кого Бог туда поставил, чтобы нести служение христианина, быть частицей Тела Христова и действием Божиим. Если вы будете так поступать, то легко увидите, что в каждое мгновение вам придется поворачиваться к Богу и говорить: «Господи, просвети мой ум, укрепи и направь мою волю, дай мне сердце пламенное, помоги мне!» В другие моменты вы сможете сказать: «Господи, спасибо!» И если вы разумны и умеете благодарить, вы избежите глупости, которая называется тщеславием или гордостью, состоящей в том, что мы воображаем, будто совершили что-то, чего могли бы и не делать. Это сделал Бог. Бог подарил нам замечательную возможность сделать это. И когда вечером вы снова станете перед Богом и быстро переберете в памяти прошедший день, вы сможете восхвалять Бога, славить Его, благодарить Его, плакать о других и плакать о себе. Если вы начнете таким образом соединять жизнь с вашей молитвой, между ними никогда не будет разрыва и жизнь станет горючим, питающим в каждое мгновение огонь, который будет разгораться все больше и становиться все ярче, и преобразит постепенно вас самих в ту горящую купину, о которой говорит Писание.

МУЖЕСТВО МОЛИТЬСЯ

Пер. с франц. Название оригинала «La Priere» (“Молитва”). Русское название заимствовано из английской версии текста. В самиздате встречался перевод именно с этой (слегка сокращенной) версии.

Молитва – одновременно искание Бога и встреча с Ним, которая перерастает в общение. То есть молитва является и деятельностью, и состоянием, а также определенным взаимоотношением с Богом и определенным отношением к тварному миру. Она рождается из осознания того, что мир, в котором мы живем, не просто двухмерный мир, жестко ограниченный временем и пространством, «плоский» мир, где мы встречаем то, что нас окружает, лишь как поверхность, однообразную толщу, под которой – пустота. Молитва рождается, когда мы открываем, что мир имеет глубину, что мы не просто окружены видимым, но погружены в невидимое и пронизаны им. И это невидимое – одновременно Присутствие Божие, высшая и предельная реальность, и глубинная сущность человека. Видимое и невидимое не противостоят друг другу, но и не просто накладываются; они присутствуют одновременно, взаимопроникая, как огонь и раскаленное железо. Они взаимодополняются в той тайне, которую английский писатель Чарльз Уильямс называет «со-присущностью»: присутствие вечности во времени, будущего в настоящем мгновении; но также непреходящее присутствие мгновения в вечности, в эсхатологическом совпадении прошедшего, настоящего и будущего, которые содержатся одно в другом, подобно тому, как дерево содержится в семени. Жить лишь видимым – это жить поверхностно, не замечая или отстраняя не только Бога, но и глубины тварного мира. Такая поверхностная жизнь обрекает нас и в видимом мире замечать лишь то внешнее, на чем останавливается наш взор. Если пытаться проникнуть дальше, то мы обнаруживаем отсутствие содержания; в конечном итоге, в сердцевине вещей мы достигаем точки равновесия, конечной, никуда не ведущей точки. За пределом этой сердцевины нет

ничего; внутри геометрического объема нет глубины. Это последний предел. Мир внешних форм может расширяться, но не способен углубляться. Однако "сердце человека глубоко" (Пс. 63,7). Когда мы достигаем той точки, откуда ключом бьет жизнь, мы обнаруживаем, что источник ее – еще глубже. В сердце человека есть глубина, которая открывается на невидимое, – не на невидимое глубинной психологии, а на бесконечность, на творческое Слово Божие, на Самого Бога. Войти в себя не означает погрузиться, подобно интроверту, в собственные глубины, а выйти за пределы своей ограниченности. Святой Иоанн Златоуст говорит: «Найди двери собственного сердца, и ты увидишь, что это дверь в Царство Небесное». Это обнаружение своего глубинного «я» происходит одновременно с признанием того, что и другой человек, каждый, кто рядом с нами, также имеет свою неизмеримую глубину безмерности и вечности. Я сознательно употребляю слово «безмерность»: оно указывает, что глубину эту нельзя измерить – не потому что на это не хватит наших мерок, а потому что ее сущности чуждо самое понятие измеримости. Эта глубина соразмерна призванию человека стать «причастником Божественной природы» (2Пет.1,4); обнаруживая собственную глубину, человек тем самым открывает Бога, Того, Кого можно было бы назвать «незримым Ближним»: Он – Дух, Христос, Отец. А в окружающем нас мире предметов и живых тварей мы обнаруживаем то, что, наряду с человеческими глубинами, принадлежит безмерности и вечности. На этой грани и устанавливается молитвенное отношение: признание, что мир имеет три измерения, – он расширяется в пространстве, течет во времени и обладает устойчивой, но вместе с тем бесконечно изменчивой глубиной.

Следовательно, молитва – отношение, которое устанавливается между человеком, между видимым и лежащим в его основе невидимым – целым глубинным миром, который включает все существующее, *перед лицом ситуации, где живет и действует человек*. Вот почему я сказал, что молитва – искание, исследование этой области невидимого и мира наших собственных глубин, который ведом одному только Богу,

который только Он и может нам открыть. И через молитву, сначала на ощупь, в проблесках нового видения, мы ищем и открываем Бога и человека в их взаимосвязи. Позднее, когда в ярком сиянии света нам открывается то, что мы способны познать о невидимом и о преображенном видимом, которое стало светоносным, просияло собственной безмерностью и вечностью в Боге, молитва становится состоянием, хотя не перестает быть тем, о чем я говорил в начале. В мире поиска, частичной слепоты и частичного прозрения, наши первые шаги в молитве состоят из восторженного изумления, благоговейного трепета и чувства трагичности. Изумления, когда мы открываем себя самих, познаем Бога, изумления при виде того, как мир разворачивается перед нашим взором до пределов Божественной бесконечности. Благоговейный трепет, внезапное озарение, охватывающее нас радостью и ужасом, когда мы оказываемся в присутствии святости и красоты Божией. Но также и чувство трагичности – нашей личной и всеобщей: трагично быть слепым, трагична наша неспособность непрестанно жить в полноту своего призвания, все время ощущать себя пленником своей ограниченности, ослепления. Трагично видеть мир сбившимся с пути, безбожным, колеблющимся между жизнью и смертью и неспособным выбрать раз и навсегда жизнь, раз и навсегда уйти от смерти. Восторженное изумление и чувство трагичности – вот два источника молитвы. Оба они рождаются из нашей встречи с глубинами мира, которые стали прозрачными, до конца проницаемыми. Без этой встречи мир предметов, мир стихийно бушующих сил, непонятный и часто уродливый мир, в котором мы живем, может породить в нас страх, недоумение, ужас.

Итак, в сердцевине того основного взаимоотношения, которое мы называем молитвой, – тема встречи. Эта тема – основоположная категория откровения; ведь само откровение есть та встреча с Богом, которая дает новое видение мира. Всё – встреча, как в Священном Писании, так и в жизни. Эта встреча одновременно личная и универсальная, единственная и показательная. Она всегда двойственна: встреча с Богом и, в Нем, со всем творением; встреча с человеком, с глубинами

человека, укорененного в творческой воле Божией, устремленного к последнему завершению, когда «Бог будет все во всем» (1Кор.15,28). Это встреча личная, потому что каждый должен пережить ее сам: ее невозможно познать извне или понаслышке. Она принадлежит нам лично; но вместе с тем имеет и всеобщее значение, потому что в ней мы перерастаем свое поверхностное и ограниченное «я». Эта встреча единственная, потому что при глубоком подходе мы незаменимы и единственны как для Бога, так и для других; каждая тварь знает Бога по-своему, каждый из нас знает Бога так, как никто другой Его никогда не познает, кроме как через нас. И одновременно, поскольку каждый из нас принадлежит всечеловеческой природе, каждая встреча показательна: она есть откровение для всех того, что каждый знает лично.

К этой встрече мы должны отнестись внимательно, потому что, если не знать ее внутренних законов, мы ее упустим. Она всегда требует взаимности. Она всегда есть откровение не только другого, но и нас самих; она происходит в рамках взаимосвязи. Можно бы сказать, что лучший образ всякой встречи – витраж. Свет, льющийся через него, являет его линии, краски, сияние, красоту, смысл; но одновременно невидимый потусторонний свет нам явлен этим витражом, его линиями, красками, красотой, смыслом. То есть открытие того и другого происходит, становится возможным во взаимоотношении света и витража. Бог открывается в Своем не возмущаемом, бесстрастном, державном величии, но и в Муже скорбей, в воплощенном Слове, и это является также откровением величия человека. Если мы обнаруживаем глубины человека, то мы, значит, превзошли эмпирического человека и признали в нем назначение, призвание не индивидуальное, но личное; такое призвание, которое делает его не просто экземпляром человеческого рода, а членом таинственного тела, всецелым Человеком, который призван быть местом Присутствия Божия.

Тем не менее, когда человек пускается в этот поиск, в начале он одинок и должен сначала признать существование другого. Это признание должно произойти во взаимной связи, а не по отношению к себе самому; и это различие важно. Всё, что

мы познаём, мы познаём во взаимоотношении; пока между нами нет связи, ничто и никто не существует для нас. Но в том, чтобы познавать вещи и людей только по отношению к себе, есть большая опасность. Такое познание смещает центр вселенной, сводит все к нам самим и тем самым искажает объекты познания, представляет их мелкими, мелочными, столь же незначительными, каковы мы сами, каковы наши желания, стремления. И значит, когда мы беремся за дело и готовы признать существование другого, мы должны быть готовы войти во взаимоотношение, которое неизбежно будет раздирающе мучительно, оно потребует от нас перерасти себя, отказаться от себя, умереть себе в результате того, что мы открыли другого со всеми его требованиями, его правом на существование, на независимость, на свободу вне нас. Мы должны признать неумолимую «инаковость» другого. Что бы мы ни делали, как бы глубоко мы его ни знали, как бы тесна ни была связывающая нас приобщенность (и это еще более верно во взаимоотношениях человека с Богом, чем с другим человеком), в сердцевине взаимоотношения всегда останется тайна, мы никогда в нее не проникнем. В Священном Писании, в книге Откровения есть замечательное место, где святой Иоанн Богослов нам говорит, что те, кто войдет в Царство Божие, получают от Творца белый камень; и на этом камне написано имя, которое знает только Бог и тот, кто получит этот камень. Это имя – не прозвище, под которым мы себя знаем, которое отличает нас в этом тварном мире времени и пространства; наше подлинное имя, вечное имя в совершенстве совпадает с нашей личностью, с нашим существом; оно их в совершенстве определяет и выражает. Его знает только Бог, и Он нам его открывает. Никто другой не может его знать, потому что оно выражает неповторимые отношения, связывающие нас с Творцом. Как часто человеческие отношения бывают разрушены желанием одного открыться за пределами возможного или стремлением другого проникнуть в эту священную область, которая принадлежит только Богу. Желание тщетное, попытка столь же обманчивая, как попытка ребенка найти начало

источника, точку, где рождается вода, которой не было за миг до того. Обнаружить это нельзя, можно лишь разрушить эту точку.

Но недостаточно просто признать право другого на существование, принять его как неумолимо другого. Нужно уметь видеть, слышать и оценивать. Только при этих условиях встреча может пронести плоды.

Христос говорит о чистом оке, чистом зрении, которое необходимо для того, чтобы увидеть вещи, как они есть, не набрасывая на них потемнение нашего зрения или тени и неверные очертания, которые искаженный взор создает в нашем воображении. Но чистого ока недостаточно. Нужно еще найти правильную позицию. Нужно найти расстояние, откуда взгляд охватывает весь предмет и не ослеплен им. Ведь таково главное правило, которое мы должны соблюдать, если хотим увидеть произведение искусства. Картину, скульптуру нельзя рассматривать ни подойдя слишком близко, ни отступив слишком далеко. Существует некая наилучшая точка, которая позволяет нам видеть произведение таким, каким его замыслил художник, в его полноте, не утопая в деталях. То же самое касается человеческих отношений. Нужно найти расстояние, которое определяется не пространством и временем, а внутренней свободой, – такой свободой, которая нас тесно соединяет, но не связывает по рукам и ногам. Быть может, то, что я хочу сказать, лучше пояснить на примере, чем долгими рассуждениями. В книге английского писателя Чарльза Уильямса, есть героиня по имени Лестер, которая погибла при авиационной катастрофе. Ее душа освободилась от тела и открывает новый мир, которого она никогда не замечала и в который только что попала: мир невидимого стал для нее единственной подлинной реальностью. А видимый мир ускользает от ее взора, от видения сердцем. В какой-то момент она оказывается на берегу Темзы. Она видела реку много раз, видела ее воду – грязную, жирную, отяжелевшую всеми отбросами Лондона, и эта вода вызывала в ней отвращение. Но теперь она освободилась от тела и больше не связывает все на свете лично с собой, и она **видит** воды Темзы как бы впервые. Она видит их как нечто, вполне отвечающее тому, чем они

должны быть, чем должна быть река, проходящая через большой город. Да, эти воды густые, грязные, они несут к морю все отбросы города. Но такими они и должны быть, они соответствуют своей роли, они подлинны. И как только она их видит как факт, принимает их полностью, как только она не реагирует на них эмоционально и не может испытывать к ним физического отвращения, поскольку у нее нет тела, которым она могла бы в них погрузиться, нет губ, которыми могла бы этой воды напиться, она прозревает глубину этих вод. Через первый слой сгущенности она начинает различать слой за слоем более чистой воды. Чем глубже она видит, тем они становятся прозрачнее, до момента, когда где-то в сердцевине этой воды (которая казалась Лестер непроницаемой, пока она отбрасывала на нее собственную потемненность) она видит чистый ручей, видит первичную воду, какой ее сотворил Бог, и в самой ее сердцевине – сверкающую, чудесную струю – воду, которую Христос предложил самарянке. Освободившись от самой себя, Лестер стала способна видеть то, к чему она раньше была слепа. Сквозь менее плотные слои она обнаруживает все более блистательную, светоносную прозрачность.

Так бывает и с нами. Если бы мы умели видеть, освободившись от самих себя, в той внутренней свободе, которую Отцы Церкви называют *apatheia*, «бесстрастие», то есть отсутствие страстности, когда человеком не движет, не управляет ничто внешнее, и он в царственной свободе действует изнутри – мы тоже могли бы в окружающей нас плотности различать светоносные глубины людей и предметов. Мы также могли бы в этом мире, который нам кажется таким непроницаемым и густым, видеть отблеск Присутствия Божия, благодати Его, действующей везде и во всем.

Но недостаточно видеть; надо еще и слышать. Слышание – акт неослабного внимания. Чтобы услышать, надо не только напрячь слух, но за пределом услышанных слов стремиться уловить смысл, направленность того, что было произнесено или осталось невысказанным. Слышать означает смиренно склониться, стать способным принять то, что другой сеет на

поле нашего ума, на поле нашего сердца. В этом подлинный смысл латинского слова *humilitas*, смирение: оно происходит от *humus*, «плодородная земля». Эту землю мы не замечаем, потому что привыкли, что она всегда тут, под ногами. Это безмолвная, безропотная земля, которая умеет обогатиться всем, что мы выбрасываем в нее, которая способна все превратить в богатство, принять в себя любые семена и дать им плоть, дать им жизнь, позволить им взойти, стать в полноте самими собой, никогда не навязывая семенам своих законов. Наша способность слышать начинается со смирения. Мы должны предложить себя Другому, как эта земля, богатая, безмолвная и полная творческих возможностей.

Но смирение означает также и послушание. Латинское слово *obaudire* имеет два значения: «прислушиваться» и «повиноваться». Прислушиваться с тем, чтобы услышать, понять и принести плод. Основные условия, чтобы нам предстать перед Богом – полное внимание, рождающееся из того, что мы, во что бы то ни стало, хотим услышать, и желание, решимость принять услышанное и принести плод, то есть преобразиться, измениться, из того, что мы есть, стать тем, чем мы призваны быть. Это основоположное состояние человека в молитве может быть проиллюстрировано на примере человека, который любит наблюдать птиц. Он встает ранним утром, так как должен успеть в поле, в лес до пробуждения птиц, чтобы его приход остался незамеченным. Он затаивается молча и без движения, он весь – слух, весь – внимание. Все его существо прозрачно и восприимчиво, готовое принять печать каждого звука, каждого движения. Он слушает, смотрит; но услышит и увидит он то, что происходит вокруг него, только при условии, что свободен от предвзятости, готов услышать все, что пошлет ему Бог. Его отношение одновременно пассивное и активное: пассивное в том смысле, что он, как земля, *humus*, до конца открыт; активное в том, что он напряженно готов отозваться на всякий вызов, любой призыв Божий. Разве не ясно, что в таком случае, если мы хотим, чтобы наша встреча с Богом стала возможной, если хотим видеть и слышать, недостаточно просто

иметь уши и глаза? В нас должен быть порыв, желание, мы должны стремиться услышать и увидеть.

А для этого нужна любовь, хотя бы малая. На первой странице той книги, которую я уже цитировал, Чарльз Уильямс показывает нам душу своей погибшей героини на одном из лондонских мостов, где ее настигла смерть. Она стоит там уже некоторое время. Она ничего не замечает вокруг, кроме самой себя, той точки земли, где стоит, и самолета, который, разбившись, убил ее. Она ничего не видит, потому что сердцем ни с чем не связана. Мост она видит пустым, хотя на самом деле по нему беспрерывно снует толпа. Дома по обоим берегам Темзы для нее – хмурые стены с серыми глазницами; окна то освещаются, то гаснут, но ничего не значат для нее, в них нет ни смысла, ни содержания. У нее нет ключа к тому, что ее окружает, потому что она никогда ничего не любила и чужда этому обыденному миру. И вдруг по мосту проходит ее муж, теперь овдовевший. Они замечают друг друга. Он – потому что любит ее, хранит ее в сердце, оплакивает ее и ищет ее в незримом. Лестер видит его, потому что он – единственный, кого она когда-либо любила своей жалкой, эгоистичной любовью. Он – единственный, кого она способна увидеть. Она видит его. Он проходит. Но в этот миг ее сердце проснулось, и через мужа она осознает все, что с ней связано: мужа, их дом, всех, кто им обоим нравился. И постепенно через это таинство любви она начинает меняться и открывает для себя тот мир, в котором жила, не зная его, и одновременно тот огромный, глубокий мир, в котором живет теперь. Эти два мира взаимно проникают один в другой, соприсущи друг другу: вот суть философской теории Ч. Уильямса. Потому что мы видим только то, что любим. Нам кажется, будто бы видим то, что нам ненавистно; на самом деле ненависть нам представляет искаженные образы, уродливые карикатуры. А безразличие, равнодушие – слепы.

Но чтобы достичь глубинного, истинного познания, чтобы видение реальности соответствовало своему предмету, недостаточно видеть, слышать или даже любить: надо еще иметь чистое сердце, способное различить Бога за слоями

окружающей потемненности, которые Его скрывают. Потому что подобно тому, как око, потерявшее чистоту, ясность, отбрасывает на все, что видит, свое потемнение, так сердце, потерявшее цельность, не может ни оценивать, ни улавливать реальность вещей, как ее видит Бог. Это ясно показывает эпизод из жизни Отцов пустыни. Один из них с учениками подходит к воротам Александрии. По дороге навстречу приближается прекрасной внешности женщина. Ученики покрывают лица плащамантиями, чтобы не впасть в искушение. Они, возможно, избежали искушения плоти, но не любопытства: из-под плащеймантий они наблюдают за своим наставником и с возмущенным изумлением видят, что он во все глаза рассматривает женщину. Когда она входит в город, они опускают плащмантии и спрашивают: «Как же ты поддался искушению смотреть на эту женщину?» И тот с печалью отвечает им: «Как же нечисто ваше сердце! Вы увидели в ней только предмет искушения, а я увидел в ней чудное творение Божие».

Итак, каждая встреча, будь то с человеком, будь то с Богом, требует не просто специфических условий. Когда мы ищем Бога, она требует любви к человеку, когда мы обращаемся к человеку, она требует любви к Богу. Один русский старец рассказывает в письме, как однажды ему поставили вопрос: «Каким образом работники, которые тебе поручены, работают так усердно и честно, хотя ты за ними не следишь? А наши, за которыми мы следим, все время пытаются нас обмануть?» И его ответ был таков: «Когда я утром прихожу раздать им работу, меня охватывает жалость к ним, – как же они, должно быть, бедны, если оставили свои деревни и семьи ради грошового заработка! И, раздав им задание, я ухожу в келью и молюсь о каждом из них. Я обращаюсь к Богу и говорю: Господи, посмотри на Николая! Он так молод. Он оставил свою деревню; его молодой жене всего-то девятнадцать лет, он оставил новорожденного ребенка, потому что слишком бедно было дома, он не мог их прокормить. Вспомни его, огради его от дурных мыслей. Подумай о ней и будь ей защитником!.. И так я молюсь (говорит он); но постепенно, по мере того как молитва становится

горячее, нарастает чувство близости Божией, и наступает момент, когда оно так сильно, что я уже не могу различить ничего земного. Земля исчезает, остается только Бог. И я забываю Николая, его жену, ребенка, его деревню, его бедность, и меня уносит в глубины Божии. И в этих глубинах я нахожу божественную любовь, и в ней – Николая, его жену, ребенка, их нужды; и любовь Божия, как поток, меня уносит и возвращает на землю, чтобы молиться и молить о них. И то же самое повторяется: нарастает чувство Бога, земля отходит, меня снова уносит в божественные глубины, где я снова нахожу этот мир, который так возлюбил Бог». Встреча с Богом, встреча с человеком возможны лишь в той мере, в какой Бог и человек так любимы, что молящийся может забыть о себе, освободиться от себя; остается лишь его порыв «к» ним, ради них. Это одно из основных свойств заступнической молитвы.

Мне хотелось бы поговорить о встрече еще с некоторых точек зрения и прежде всего, подчеркнуть, что эта встреча с Богом и с человеком **опасна**. Не случайно восточное предание дзен называет то место, где мы можем найти Того, Кого ищем, «логовом тигра». Искать встречи с Богом нас побуждает дерзновение, если только этот поиск – не акт глубочайшего смирения. Встреча с Богом всегда – кризис, а по-гречески это слово означает **суд**. Эта встреча происходит в восхищении и смирении; она может случиться в обстановке ужаса и осуждения. Поэтому неудивительно, что православные руководства к молитве очень мало места уделяют вопросам техники и методики; а советы относительно нравственных и духовных условий, делающих молитву возможной, бесчисленны. Вспомним некоторые из них. Во-первых, евангельская заповедь: «если принесешь дар твой к жертвеннику и вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, пойдй примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф.5:23–24). Этой заповеди так четко, так прекрасно вторит святой Симеон Новый Богослов, который говорит нам, что если мы хотим молиться от всего сердца, то должны примириться с Богом, с нашей совестью, с нашим ближним и даже с

окружающими нас предметами. Иначе говоря, условие молитвенной жизни – жизнь по Евангелию, жизнь, при которой евангельские заповеди и заветы станут нашей второй природой. Потому что недостаточно исполнять их, как раб или наемник исполняет волю своего господина; мы должны возжелать их всем сердцем, подобно сынам, детям Царствия, которые искренне желают, чтобы исполнилась их молитва: *«да святится Имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя»*.

Рассмотрим теперь встречу с Богом на ряде конкретных ситуаций: встреча в смирении, встреча в правде, встреча в отчаянии, встреча среди сумятицы, встреча в жизни, встреча в безмолвии и встреча в богослужении.

Если бы мы помнили, что всякая встреча с Богом, как всякая глубокая встреча с человеком, есть суд и кризис, мы искали бы Бога сердцем более цельным, но гораздо более осмотрительно. Мы не огорчались бы, если эта встреча не происходит немедленно; мы шли бы к Богу трепетным сердцем. Так мы избежали бы многих разочарований, многих бесплодных усилий, потому что Бог не открывается нам, если встреча может оказаться губительной для нас. Порой Он готовит нас к встрече долгим ожиданием. Евангелие дает нам примеры духовного поведения, которым надо следовать. Евангелист Лука представляет нам десять прокаженных, которые ищут исцеления. Они идут ко Христу, останавливаются на расстоянии, потому что знают о своей нечистоте. И из глубины своего несчастья они взывают к Господу со всей верой, всей надеждой, на которые способны, но не осмеливаются приблизиться к Нему. И Господь ни шагу не делает к ним навстречу, Он просто повелевает им пойти показаться священникам. Он ничего им не обещает, Он посылает их к исцелению. И исцеление им дается в их вере и надежде, в их смиренном послушании. Насколько отличается их послушливое смирение от нашего «смирненного» приближения, которое должно бы совершаться в благоговейном трепете – а так часто бывает полно высокомерия, дерзости!

Вспомним пример апостола Петра, который, прозрев через откровение слова и чудесный лов рыб Божество пришедшего к нему Наставника, упал к Его ногам и воскликнул: «Выйди от меня, Господи... я человек грешный!» (Лк.5,8) Видение святости и славы Божией подвигло его не искать близости, которой он не смог бы вынести; он попросил Господа отойти. Господь Сам захотел остаться.

Мы находим в Евангелии и рассказ о сотнике, который просил Христа исцелить его слугу; и когда Господь сказал: «приду, исцелю» (Мф.8,7), тот ответил: «Нет, Господи, я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово» (Мф.8,8) Полная вера, совершенное доверие и такое смирение, при виде которого мы должны были бы устыдиться: ведь мы недостаточно сознаем себя грешниками, недостойными, чтобы просить Господа не утруждать Себя, и в то же время знать, что Он все может для нас сделать.

Однако именно это и есть основное положение: пока мы не перестанем искать осязаемого, ослепительного присутствия Господа, мы устремляемся навстречу собственному осуждению. Если Господь приходит к нам, с какой радостью, с каким смирением должны мы открыться Ему! Но нам не следует дерзновенно искать мистического опыта, когда нам приличествует только покаяние, когда мы должны сначала обратиться, то есть повернуться к Богу. Наша молитва должна начинаться с крика: «Господи, сделай меня тем, кем я должен быть, во что бы то ни стало перемени меня, любой ценой!» И произнеся эти опасные, страшные слова, мы должны быть готовы к тому, что Бог их услышит. А слова эти опасны, потому что любовь Божия беспощадна. Бог хочет нашего спасения со всей непреклонностью, всей решимостью, каких оно стоит. Как говорится в «Пастыре» Ерма, «не оставит тебя Бог, доколе не сокрушит либо сердце твое, либо кости твои».

Второй аспект встречи – встреча в правде. Встреча бывает истинная, только когда оба ее участника истинны. С такой точки зрения, мы все время вносим искажения в эту встречу. Мы не только сами не умеем быть правдивыми, но и Бога представляем себе в ложном образе. На протяжении дня в

различных положениях мы бываем целым рядом личностей, часто неузнаваемых и нам самим, и другим. И когда наступает время молитвы и мы хотим встать перед Богом «в духе и истине» (Ин.4,24), мы порой теряемся, не зная, какая из них – наша подлинная человеческая личность, потому что не ощущаем нашего глубинного «я». И различные личности, которые мы последовательно ставим перед Богом, не являются подлинными. В каждой есть частица нас самих, но цельности в них нет. И поэтому молитва, которая могла бы с силой вырваться из сердца нашей подлинной личности, не может пробить себе путь среди подставных личин, которые сменяют друг друга перед Богом. Каждая из них что-то произносит, что частично истинно, поскольку отчасти выражает наше существо в целом, и бессмысленно для всех подставных личностей, сменявших друг друга на протяжении дня. Чрезвычайно важно нам научиться находить цельность, основное, глубинное единство нашего существа; иначе мы никогда не встретим Бога в правде. Этого достигают долгим трудом. Мы должны постоянно следить за собой, чтобы ни движением, ни словом, ни внутренним настроением, несовместимым с цельностью, не разбивать ту основоположную цельность нашей личности, которой ищем. Нам надо отыскать наше подлинное «я» («сокровенный сердца человек» – 1Пет.3,4), внутреннее сокровенное «я», которое одновременно – зачаток будущего человека и единственная вечная реальность, уже качественно в нас. Поиск этот трудный, потому что различные составные части самих себя нам приходится разыскивать среди множества подставных личностей. Моментами пробивается что-то подлинное; моментами, когда мы забываем о себе, эта глубинная реальность становится конкретной. Это бывает в мгновения, когда радость охватывает нас до такой степени, что мы забываем следить за собой как бы извне; или в мгновения раздирающего душу горя, когда также мы не наблюдаем за тем, как живем, забываем и о тех, кто смотрит на нас, судит нас; в мгновения углубленности, когда нас охватывает чувство трагичности или восхищения. В такие моменты мы улавливаем в себе что-то подлинное. Но едва оно мелькнет, как очень часто

– слишком часто! – мы отворачиваемся, не хотим встретиться с ним лицом к лицу: нам страшно, оно нас отталкивает.

И однако, это единственное, что в нас есть подлинного. И Бог может спасти наше подлинное «я», как бы уродливо оно ни было, но Он не может спасти воображаемую личность, которую мы пытаемся поставить перед Ним или играем целыми днями перед другими людьми и перед самими собой. За пределами этих случайных, мимолетных проявлений нашего подлинного «я», нам надо систематически искать в глубинах, что мы такое перед Богом; искать Бога в себе, искать себя в Нем. Это требует постоянного размышления, изо дня в день, всю жизнь.

Начать можно с простого. Читая Священное Писание, если мы честны, мы признаем, что некоторые места нас мало трогают, не задевают; мы готовы согласиться с Богом, потому что ничто не побуждает нас возражать Ему. Мы готовы принять ту или другую заповедь или действие Божие, потому что они не задевают нас непосредственно, и мы еще не видим, чего они от нас потребуют. Другие места, если говорить откровенно, нас отталкивают. Если бы у нас хватило мужества, мы бы сказали Богу: «Нет!» Эти места надо тщательно отметить. Они позволяют нам измерить расстояние между нами и Богом; но также – и это, вероятно, еще важнее для нашей цели – они позволяют измерить расстояние между нашим теперешним «я» и тем, во что мы могли бы вырасти в конечном итоге. Потому что Евангелие – не перечень формальных заповедей, это ряд внутренних образов. И всякий раз, когда мы говорим Евангелию «нет», мы отказываемся быть человеком в полном смысле этого слова.

И наконец, есть в Евангелии места, от которых сердце загорается в нас, которые освещают наш ум, подвигают всю нашу волю; они дают жизнь и собранность всему нашему духовному и телесному существу. Эти места указывают, в чем Бог и Его образ в нас уже совпадают, места, где мы уже хотя бы на мгновение, хоть в слабой степени, но являемся тем, чем мы призваны стать в конечном итоге. Эти редкие и драгоценные места надо отмечать еще тщательнее, чем предыдущие. Это – точки, где образ Божий уже проступает в чертах нашего падшего

человечества. И начиная с этих проблесков, мы можем стать тем, что заложено в нас как возможность, что понемногу растет в нас, чем (как мы чувствуем) мы хотим и должны быть. Нужно хранить верность этим откровениям, хотя бы в этом мы должны всегда остаться верными. Если мы будем так поступать, этих мест будет становиться все больше, евангельский призыв будет охватывать все большую область в нас, он станет конкретным, все более требовательным, и постепенно из тумана проступит и проявится образ нашей подлинной личности. Тогда мы можем стоять перед Богом в истине. Однако наряду с этой основоположной, сущностной истиной есть и неполная, частичная истина каждого мгновения.

Как часто нашу молитву искажает то, что мы пытаемся стать перед Богом не такие, каковы мы есть, а такие, какими, как мы воображаем, Он хочет нас видеть: мы приходим к Нему, словно ряженые, втиснутые в рамки взятых напрокат отношений. Очень важно, прежде чем мы начнем молиться, дать себе время прийти в себя, оглянуться на себя и осознать, в каком расположении духа мы пришли к Богу. Бывают дни, когда сердце наше открыто Ему и мы могли бы сказать: «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое...» (Пс.56,8; Пс.107,2) «Как лань желает к потокам вод, так желает душа моя к Тебе...» (Пс.41,2) Но очень часто мы плетемся к Нему унылым усилием воли. Мы исполняем долг, не вкладывая сердца; мы принуждаем себя внешне быть тем, чем, как мы знаем, являемся в самых наших глубинах, но чего сейчас не ощущаем; источник живой воды иссяк в песке, который остался сухой и горячий. Мы так и должны сказать Тому, Кто есть Истина: «Господи, я пришел к Тебе сухим сердцем, но я заставляю себя предстать перед Твоим лицом по глубокому убеждению. Я Тебя люблю, я поклоняюсь Тебе в самых моих глубинах, но сегодня эти глубины не выходят на поверхность». Иногда мы обнаруживаем, что стоим перед Богом не из глубины убеждения, а что нас привел перед Его лицо почти суеверный, а не благоговейный страх: если не помолюсь, Бог не защитит... Надо признаться Богу в этом недоверии, которое ставит под сомнение Его любовь и Его верность. Мало ли в каких еще

состояниях мы предстаем перед Богом. Мы должны отдавать себе отчет, что можем молиться Богу изнутри этих состояний, а не поверхностно. Иначе наша молитва не будет содержать даже истины данного мгновения. Она будет от начала до конца предательством, как ветхого Адама, так и нового Адама в нас. Она не будет истинна ни по отношению к тому, что в нас есть устойчивого и вечного, ни к состоянию данного момента, в котором мы находимся.

Но встреча зависит не только от того, что один из собеседников истинен; Другой так же важен. Бог, навстречу Которому мы идем, должен быть столь же истинен, как ищущий Его человек. Вы скажете, что Бог всегда истинен, всегда является Самим Собой, Он неизменен. Да, разумеется; но нашу молитву определяет не только Бог, Каков Он есть, но еще в большей степени тот образ Божий, который мы создаем себе, потому что наше отношение к Нему зависит не только от того, чем Он является на самом деле, но от того, каким мы Его представляем. Если мы предстаем перед ложным образом Бога, мы будем приспосабливать свою молитву и свое внутреннее отношение к этому образу, а не к искаженной им Реальности. Так что очень важно на протяжении всей жизни, изо дня в день, учиться познавать Бога, какой Он есть; не в Его частичных проявлениях, когда мы представляем Его то неумолимым Судией, то благодным Спасителем, а во всей многогранности Его личности. Следует также быть осторожным и не вообразить, будто вся полнота человеческого знания о Боге может составить подлинный образ Живого Бога. Бог, даже открываясь в Священном Писании, не открывается окончательно и полно; и если мы пытаемся стать перед образом Божиим, составленным из всего того, что знаем из откровения, из опыта Церкви, из собственного опыта, нам грозит опасность поставить перед собой образ, который ложен, потому что претендует на полноту, а на самом деле является лишь жалким приближением, и из-за этого, по слову святого Григория Богослова, становится идолом. Вот почему Отцы Восточной Церкви постоянно настаивают на том, что необходимо подходить к Богу, ничего не воображая, не представляя. Все,

что мы знаем о Боге, должно нас привести к Нему; но в тот миг, когда мы встаем перед ним, мы должны отбросить все наше знание, как бы оно ни было богато и верно, и стоять перед Богом неведомым, перед тайной, перед Божественным мраком, перед Его светом, готовые встретить Бога таким, каким Он захочет явить нам Себя сегодня. Иначе перед нами окажется вчерашний Бог, то есть наш собственный опыт Бога, а не истинный Бог; тогда как цель нашего искания – подлинный Бог, единственный наш Собеседник в подлинной молитве. Эта встреча в истине с самого начала исключает возможность построить искусственное присутствие, потому что мы ищем не плодов этой встречи: радости, переживаний, внутреннего волнения, а самой встречи.

В этом же контексте встречи в правде следует признать, что Бог может отсутствовать. Разумеется, это отсутствие субъективное, в том смысле, что Бог всегда присутствует. Но Он остается невидим, неосязаем, Он ускользает от нас. Здесь нам должно помочь то, что уже было сказано о встрече во смирении: когда Бог не дается, когда Его присутствие неосязаемо, мы должны уметь ждать в трепете и благоговении. Но в этом субъективном отсутствии Бога есть и другая сторона. Отношения бывают истинны, только если строятся во взаимной свободе. Мы слишком склонны воображать, будто достаточно нам стать на молитву – и Бог обязан предстать перед нами, обратить на нас внимание, дать нам ощутить Свое присутствие, дать нам уверение, что слышит нас. В таком случае отношения были бы принудительные, словно механическая связь, из них были бы исключены радость и непосредственность. Это позволило бы также предположить, что мы в любой момент способны встретить Бога. Альфонс де Шатобриан в замечательной книге о молитве «Ответ Господа» говорит, что кажущееся отсутствие Бога чаще всего – следствие нашей собственной слепоты. Я хотел бы проиллюстрировать его слова примером.

Как-то пришел ко мне человек, который уже много лет искал Бога, и со слезами сказал мне: «Отец Антоний, я не могу жить без Бога. Покажите мне Бога!» Я ему ответил, что не могу этого

сделать, но если бы и мог, думаю, он сам был бы неспособен Его видеть. Он с удивлением спросил меня: почему? Тогда я поставил ему вопрос, который я часто ставлю приходящим ко мне людям: «Есть ли в Священном Писании какое-нибудь место, которое вас волнует до глубины сердца, которое вам дороже всего?» – «Да, – ответил он: это рассказ о грешнице в восьмой главе Евангелия от Иоанна». Тогда я спросил: «Кем вы видите себя в этой сцене? Женщиной, которая вдруг осознала свой грех и стоит перед судом, зная, что над ней висит суд жизни или смерти? Или вы заодно со все понимающим Христом, Который ее простит, чтобы она жила дальше, теперь уже новой жизнью? Ожидаете ли вы Его ответа с надеждой на прощение, как, вероятно, ждали апостолы? Или вы в толпе, один из старейших, кто, сознавая собственные грехи, уйдет среди первых; или вы один из молодых людей, кто постепенно осознает свою греховность и выпускает камень, уже зажатый в руке? Где вы, кто вы в этой прекрасной, волнующей сцене?» После минутного раздумья этот человек ответил: «Я себя вижу как единственного еврея, который не ушел и побил камнями эту женщину». Я ему тогда сказал: «Вот и ответ: вы не можете увидеть Бога, Которому вы до такой степени чужды».

Нет ли чего-то подобного в опыте каждого из нас? Нет ли в каждом из нас сопротивления, отказа, отрицания Бога? Не ищем ли мы Бога по собственному образу, подходящего нам Бога? Не отвергнем ли мы истинного Бога, если найдем Его? Готовы ли мы к встрече с Богом, Каков бы Он ни был, даже если эта встреча нас осудит и перевернет все наши ценности? Не является ли часто отсутствие Бога в нашей жизни и в нашей молитве результатом того, что мы Ему чужды, и даже встретившись с Ним лицом к лицу, не видим Его, не узнаём? Разве не это случилось в то время, когда Христос проходил по дорогам Иудеи и Галилеи? Сколько Его современников встретили Его и пошли мимо, совершенно не узнав, не заподозрив, что Он не просто прохожий? Не таким ли Его видели толпы, которые спешили на Голгофу, когда Его вели на казнь? Он преступник, нарушитель общественного порядка, ничего больше. Не таким ли мы видим Бога, даже в те моменты,

когда мы более чутки и способны уловить, ощутить Его присутствие? Не отворачиваемся ли мы от Него, потому что предчувствуем, что Он разрушит строй нашей жизни, перевернет все ее ценности? В таком случае мы не можем рассчитывать на встречу с Ним в молитве. Скажу больше: мы должны благодарить Бога от всего сердца за то, что Он не предстает перед нами в этот миг, потому что мы сомневаемся в Нем, но не так, как Иов, мы сомневаемся сомнением неразумного разбойника на Голгофе; и встреча с Ним была бы нам судом и осуждением. Мы должны уметь оценить это отсутствие Божие и осудить себя, чтобы Он не осудил нас.

Другой аспект такого «отсутствия» может быть прояснен следующим рассказом. Несколько лет назад молодая женщина, которую поразила неисцельная болезнь, написала мне: «Я так благодарна Богу за эту болезнь! По мере того как мое тело слабеет, мне кажется, что оно становится все доступнее воздействию Божию». Я ей ответил: «Благодарите Бога за то, что Он вам дает, но не надейтесь, что такое состояние будет продолжительно; придет момент, когда это естественное истощание перестанет вести вас к все большей прозрачности; тогда вам придется полагаться только на милость Божию» (благодать?) Через несколько месяцев она написала мне снова: «Я так слаба, что не могу устремляться к Богу. Единственное, что мне доступно – пребывать в безмолвии, предаться отчаянной надежде, что Бог Сам придет ко мне». И она добавила – и эти-то ее слова и относятся к нашей теме: «Молите Бога, чтобы Он дал мне мужество никогда не попытаться построить Его мнимое присутствие, чтобы заполнить ужасающую пустоту Его отсутствия».

Думаю, эти два рассказа не нуждаются в пояснениях. Мы должны положиться только на Бога. Важно, чтобы мы не рассчитывали ни на свои силы, ни на свою слабость. Встреча с Богом – свободный акт, где Бог самовластен; и лишь когда смирение, то есть полная, предельная отданность, соединится в нашем сердце с начатком любви к Богу, мы становимся способными перенести Его отсутствие и даже обогатиться благодаря ему.

Я употребил выражение «отчаянная надежда». Это еще одна возможность встретиться с Богом. Примеры этого мы видим в Евангелии и в житиях святых. В десятой главе Евангелия от Марка мы находим рассказ о слепом Вартимее, сидевшем у ворот Иерихона, и в этом рассказе о его исцелении есть ряд моментов, существенных для понимания молитвы. Мы слишком часто удивляемся, что молитва наша не услышана. Нам кажется, что достаточно нам произнести ее – и Бог обязан сразу обратить на нее внимание. На деле, если мы строго рассмотрим, что побудило нас к молитве, чего мы требуем, мы увидим, что не всегда просим необходимого, что часто просим излишнего. Легкость, с какой мы оставляем молитву, когда не бываем услышаны тотчас же, доказывает, что даже когда мы просим у Бога того, без чего не можем жить, у нас недостает терпения, постоянства, настойчивости; и в конечном итоге мы предпочитаем жить без необходимого, чем отчаянно бороться за него. Один из Отцов Церкви говорит, что молитва подобна стреле. Она, конечно, может лететь, достичь цели и поразить ее. Но полетит она, только если сильная рука пошлет ее к цели из лука. Она попадет в самую цель, только если зрение стрелка остро и напряжено. А нашей молитве чаще всего недостает именно бодрости духа, напряжения, чувства отчаянной, абсолютно трагичной нужды, в какой мы находимся и откуда должны выбраться во что бы то ни стало, любой ценой.

Вартимей слеп. Мы не знаем, постепенно ли погас свет в его очах, постепенно ли для него погрузился во мрак привычный, столь любимый мир, или он родился слепым. Одно ясно: взрослый человек сидит в придорожной пыли и просит подаяния. Сколько за свою жизнь, за все ее годы, этот человек делал отчаянные усилия вернуть себе зрение! Сколько раз он обращался к врачам, священникам, целителям, просил молитв и помощи всех тех, кто, по его мнению, мог ему помочь. Сколько раз зарождалась надежда – на человека, на разум, на опыт, но также на любовь и сострадание, на человеческую отзывчивость и братство, и, еще не раскрывшись до конца, гасла. И теперь мы видим его на обочине, у ворот города, сломленного жизнью; он больше не пытается обрести зрение,

лишь выжить благодаря безразличному милосердию прохожих. Его надежда – не на пламенное, полное любви милосердие, а холодная милостыня, подаваемая без сострадания, – мимоходом брошенная монета, которая накормит голодного, хотя сам он так и останется безымянным, едва замеченным. А прохожий так же слеп, как нищий у дороги, и его слепота, возможно, еще страшнее, потому что это слепота сердца, слепота совести: человеку чуждо братство людей. Но дело происходит во времена Христа. Слепец, должно быть, слышал о человеке, появившемся в Галилее, который проходит теперь дорогами Иудеи и всей Палестины, творя чудеса. Говорят, этот человек исцелял и слепых, даже слепорожденного.

Не возродило ли это недоступное присутствие Бога, Который обладает целительной силой, и надежду и отчаяние? Надежду – потому что Богу все возможно, а отчаяние – потому что сам слепец ничего не может. Если бы Бог пришел к нему, он мог бы исцелить. Но как слепому найти на дорогах Галилеи или Иудеи этого неуловимого Чудотворца, Который постоянно странствует, появляется и сразу исчезает? Это приближение Бога к нам, от которого рождается последняя надежда и глубочайшее отчаяние, известно на опыте не только Вартимею. Мы постоянно оказываемся в этой ситуации. Присутствие Божие, словно меч, отделяет свет от тьмы, но так часто отбрасывает нас в потемки, которые кажутся еще темнее, гуще, потому что нас ослепил проблеск Божественного Присутствия. Бог рядом, вечная жизнь возможна – и именно поэтому мы с таким отчаянием воспринимаем перспективу прозябать и дальше временной, преходящей жизнью.

Однажды Вартимей, сидя у дороги, слышит, как мимо идет толпа. Его обостренный слух уловил что-то необычное в шагах проходящих, в их разговорах, во всей атмосфере этой толпы. Это не просто крикливая толпа, шумное, беспорядочное шествие; в ее центре кто-то... Он спрашивает у одного из прохожих: «Кто это?» И ему отвечают: «Иисус из Назарета». И в этот миг все отчаяние целой жизни и вся безумная надежда его души оживают с новой силой: все душевные силы в нем достигают высшего напряжения. Он – в глубочайшем мраке и в

ослепительном свете. Он может быть исцелен, потому что Бог проходит мимо. Но нужно не упустить миг, мгновение; Иисус будет рядом всего несколько шагов. Сейчас Он будет проходить, погруженный в беседу с кем-то другим. Через миг Он удалится, пройдет мимо навсегда. И Вартимей кричит в отчаянной надежде: «Иисус, Сын Давидов, помилуй меня!» Это уже исповедание веры. Должно быть, оно глубоко продумано за прошедшие месяцы, когда слепой переживал воображением все рассказы об исцелениях, совершенным Господом. Для него Иисус не просто странствующий пророк, Он – Сын Давидов. Так называет Его слепой, обращаясь со своей мольбой; и вокруг раздаются голоса, приказывающие ему замолчать: как он смеет прерывать беседу Учителя с учениками? Как он дерзнул обратиться с такой низкой, мелкой нуждой к Тому, Кто говорит о небесном? Но он-то знает, что вся его жизнь, радость и отчаяние целой жизни – в его слепоте и в возможности исцеления. И он взывает, и чем сильнее его заставляют молчать, тем отчаяннее он кричит. И Господь его призывает, Бог его исцеляет и открывает перед ним новую жизнь; он услышан потому именно, что молит и просит о том единственном, что для него имеет абсолютное значение.

Какой богатый урок для нас! Мы должны очень серьезно подходить к молитве, если хотим, чтобы она была в уровень нашего человеческого призвания и достойна Того, Кто в Своем смирении готов нас выслушать. Отчаяние, голод по Богу, крайняя нужда в том, чего мы просим: вот условия, чтобы стрела нашей молитвы была пущена из натянутого лука сильной рукой и метким глазом.

В этом рассказе есть особенность, на которой я хотел бы остановиться – это окружающая молитву сумятица. Встреча Вартимея с Богом произошла при двойном смятении: внутреннем смятении борющихся в нем противоположных чувств – надежды и отчаяния, страха и порыва; и внешней сумятице голосов, которые приказывали ему замолкнуть, потому что Господь занят вещами более достойными Его величия и святости. И не только Вартимей встречает Господа среди шума и суеты. Вся наша жизнь – непрерывное волнение,

чередa ситуаций, которые требуют нашего участия, чередa чувств, мыслей, движений сердца и воли, то согласных, то противоборствующих, то сливающихся, то расходящихся; и в этом внутреннем и внешнем смятении наша душа тянется к Господу, зовет его, в Нем ищет себе успокоения. И мы так часто воображаем, что было бы легко молиться, если бы нам ничто не мешало, а между тем самое это смятение может стать опорой нашей молитве.

Но как молиться среди смятения? Я хотел бы дать несколько примеров, которые помогут нам понять глубинную возможность этого; я бы даже сказал: преимущество такого смятения, которое, как неровности в скале, помогает нам восходить к вершине, когда мы неспособны взлететь. Первый рассказ взят из житий святых. Некий отшельник встречается в горах другого подвижника молитвы. Завязывается беседа, в ходе которой посетитель, пораженный молитвенным состоянием своего собеседника, спрашивает: «Отче, кто тебя научил непрестанной молитве?» И тот, прозревший в нем духовно опытного человека, отвечает: «Не каждому я бы так ответил, но тебе скажу истину: бесы научили». Пустынник говорит ему: «Я думаю, что понимаю тебя, отче, но можешь ли пояснить подробнее, как это было, чтобы я знал, что не ошибся». И тот рассказал следующее. «Когда я был молод, я был неграмотный, жил в деревне. Однажды в храме я услышал, как дьякон читает Послание апостола Павла, где дается заповедь «непрестанно молиться» (1Фес.5,17). Эти слова озарили меня радостью и светом; по окончании службы я с ликующим сердцем оставил деревню и ушел в горы, чтобы жить одной молитвой. В таком состоянии я провел несколько часов. Потом стало смеркаться, холодать, стали раздаваться вокруг меня пугающие звуки: шаги, вой зверей; чьи-то глаза засверкали, хищные звери стали выходить из своих логовищ в поисках пищи себе от Бога. На меня напал страх; он все возрастал по мере того, как темнота сгущалась. Вся ночь прошла в ужасе от шорохов в лесу, теней, сверканья глаз, чувства собственного бессилия и сознания, что неизвестно где искать помощи. И я начал взывать к Богу единственными словами, которые родились из трагичности

моего положения, из охватившего меня ужаса: *«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного!»*

Так прошла первая ночь. Утром страхи немного рассеялись, но меня начал терзать голод; я искал себе пищи в кустах и на полянах, и едва мог его утолить. А когда день стал клониться к вечеру, и я почувствовал, что ночные ужасы снова окружают меня, я стал взывать к Богу в страхе и надежде. Так прошли дни, месяцы. Постепенно я привык к окружавшим меня природным опасностям; но по мере того как я продолжал борьбу за непрестанную молитву, появились новые искушения и испытания. Бесы, страсти начала нападать на меня со всех сторон; и когда ночные хищники перестали быть источником ужаса для меня, темные силы ополчились на мою душу. И еще сильнее я кричал к Богу те слова, которые вырвались из моего сердца в первый миг ужаса: *«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного!»* Эта борьба продолжалась годами. Однажды я дошел до предела своих сил. Я непрестанно взывал к Богу из глубины своего отчаяния и тоски и не получал ответа; и мне представилось, что Бог неумолим. И в момент, когда последняя ниточка надежды оборвалась в моей душе, когда я сдался и сказал Богу: «Ты молчишь, Ты безразличен к тому, что происходит со мной, но Ты мой Бог и Господь, и я умру на месте, скорее, чем перестану искать Тебя», – внезапно Господь явился мне, и покой сошел не только на мою душу, но на все, что меня окружало. Прежде все казалось мне покрытым тьмой, теперь я все видел в божественном свете, в блистании благодати Присутствия Божия. И тогда в порыве любви и благодарности я воззвал к Богу единственной молитвой, которая выражала все мои чувства: *«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного!»* И с тех пор в радости и тоске, в искушении и борьбе, или в момент, когда сходит на меня покой, эти слова непрестанно рождаются в моем сердце. Они – песнь ликования, они и призыв к Богу, они и мой покаянный вопль».

Этот пример безвестного подвижника нам показывает, как подлинная тоска, реальное отчаяние, смятение, когда мы боремся с ним, естественно рождает в нас молитву; и тогда

молитва – отчаянный крик, который рождается из надежды более сильной, чем отчаяние, который питается отчаянием и его преодолевает.

Часто нас окружает волнение гораздо менее трагичное, чем то, что пережил этот молодой подвижник, но мы поддаемся ему, впускаем его в себя, и в этом наше поражение. Наша молитва непрочна, колеблется, потому что сама пронизана смятением, неуверенностью, ей недостает постоянства. Не это ли мы находим в евангельском рассказе о буре на море Галилейском? Господь с учениками на море. На середине плавания их застигает буря. Смерть реет вокруг них, воды разверзаются, готовые поглотить лодку, ветер их бьет. Они изо всех сил борются за спасение жизни, а Господь в это время спит на корме лодки, подложив что-то под голову, спокойным (как им кажется) сном. И ученики не могут перенести этого покоя, будто бы безразличия Божия, и из глубины своей отчаянной нужды оборачиваются ко Христу, будят Его; они хотят принудить Его осознать, что происходит: «Господи, не видишь ли, что мы гибнем?» Чего же они на самом деле добиваются? Обращаются ли они к Господу, чтобы Он успокоил бурю? И да и нет. В первую очередь им хочется, чтобы Господь разделил их ужас, непосильное им внутреннее смятение. Им кажется, что Господь им не поможет, если Сам не будет вовлечен в это бореие. И Господь поднимается, Он отказывается поддаться смятению их мыслей, их сердец, Он отказывается впустить в Себя внешнюю бурю. Он поднимается в свойственном Ему невозмутимом покое. К ученикам Он оборачивается с упреком: "Малoverы! Сколько Мне быть с вами..." (Мф.8,26) И, повернувшись к буре, Он проливает на нее Свой собственный внутренний покой. Он приказывает волнам успокоиться, ветру утихнуть, и Его внутренний покой покрывает все, что Его окружает. Все успокаивается, и ученики припадают к Его ногам: кто Он?.. Они все еще в сомнении.

Часто мы совершаем эту же ошибку: вместо того, чтобы искать божественного покоя, мы просим Бога разделить наше смятение. Конечно, Он входит в него, но со Своим покоем. Такое смятение, большое или малое, дисгармонию, разлад,

расстройство мы постоянно находим в нашей внутренней и внешней жизни; она состоит из событий, которые мы не умеем понять, и из человеческих действий, которые сами лишены стройности. Это и есть основная проблема: связь, которую мы должны установить между суетой жизни и внутренней молитвой, между смятением и покоем. С самого начала мы должны отдавать себе отчет в том, что при каждом столкновении внутреннего покоя с яростным натиском жизни победа заранее принадлежит смятению, потому что молитва наша хрупка, а жизнь жестка. Жизнь беспощадна, она ни перед чем не останавливается, а наша молитва, внутренняя устойчивость, покой, молчание, весь внутренний мир, который принадлежит Богу, уязвим и хрупок. Если мы хотим, чтобы он устоял, если хотим, чтобы он пронизал жизнь и победил ее, то этого следует достигать не открытым противостоянием и борьбой; покой должен охватывать наш земной мир, как вода проникает в почву и размывает ее. Святые Отцы говорят, что вода – образ смирения: она уходит в глубину, но она же неодолима. Когда она достигает самых глубин, куда ее влекло, и начинает подниматься, никто не может ее остановить. То же самое должно произойти с нашей молитвой.

Молиться в течение целого дня трудно. Иногда мы пытаемся себе это представить; и тогда мы думаем либо о богослужебном строе монастыря, где ведут созерцательный образ жизни, либо о молитвенной жизни отшельника. Мы мало задумываемся о такой молитвенности, которая тесно связана с жизнью, где все становится молитвой, все – повод для молитвы. А ведь осуществить такую молитву очень легко. Но она крайне требовательна, и нам следует быть очень осторожными, чтобы не перенапрячь свои силы. Встанем утром и поставим себя перед Богом; мы пробудились от сна, который отделяет нас от нашего прошлого; пробуждение ставит нас перед новой реальностью, перед днем, которого никогда в истории не было, перед неведомым еще временем и пространством, которые простираются перед нами, словно снежная равнина, еще не запятнанная ничьими следами. Попросим у Бога, чтобы Он благословил этот день и наш путь в

нем. И потом станем относиться серьезно и к собственной просьбе и к полученному нами безмолвному ответу. Бог благословил нас, Его благословение будет с нами неотлучно во всех обстоятельствах, какие могут принять это благословение; мы лишимся его только в те моменты, когда сами отвернемся от Бога; хотя и тогда Бог останется с нами, оберегая нас, готовый прийти на помощь, готовый вернуть нам благодать, которую мы презрели, стремясь поступать по-своему. Нам дано «всеоружие Божие» (Еф.6,13), как говорит апостол Павел в шестой главе Послания к ефесянам. Вера, надежда, любовь – вот наше оружие; и в то же время – призыв к нам. Мы вступаем в этот день в благодати и славе, с Крестом Господним, нося в себе «мертвость» Христову (2Кор. 4,10).

Но этот день благословлен Богом. Разве это не означает, что все, что произойдет за этот день, все, что с нами случится, будет по воле Божией, содержится в этой воле? Верить в случай, верить в удачу означает неверие Богу. Если все, что бы ни случилось, кто бы нам ни встретился, мы примем в таком расположении духа, мы увидим, что в каждом случае призваны поступить по-христиански. Всякая встреча происходит в Боге и у Него на глазах. Мы посланы к каждому, кто встретится на нашем пути, чтобы либо что-то дать, либо что-то принять, порой, не сознавая того. Иногда – в счастливом изумлении, что даем то, чем сами не обладаем, порой – в напряженном усилии, вплоть до пролития крови. Однако надо уметь и принимать. Для этого надо уметь встречать ближнего, как мы пытались определить встречу в начале: уметь видеть, уметь слышать, внимать в молчании, уметь любить и отвечать от всей души на то, что нам предлагается – будь то горечь или радость, трагичный или чудесный дар. Мы должны быть уязвимы до предела естественных сил и до конца гибки в руке Божией. События нашей жизни, если мы их примем как дар Божий, предоставят нам в каждый миг возможность творческого делания: быть христианином.

Христиане слишком привыкли, как только встает проблема, как только возникает опасность, обращаться к Богу с криком: «Господи, заступи, спаси, защити меня!» Как часто, вероятно,

Господь глядит на нас с грустью и неслышно отвечает нам на том языке, который мог бы коснуться нашего сердца, если бы оно не было так озабочено собственным страхом: «Я же **тебя** послал в эту ситуацию, **ты** должен сражаться за Меня; разве ты не принадлежишь войску, авангарду Царства Небесного, которое Я послал на землю? Не сказал ли Я Своим ученикам: «Как Меня послал Отец, так Я посылаю вас – жить и умирать?» (Ин.20,21) Неужели вы забыли пример и заветы апостолов?» **Мы** должны быть присутствием Христовым на земле, то победоносным, то распинаемым, всегда отдающимся, никогда не стремящимся избежать этого пути. В силе Христовой все нам возможно, но пролить кровь должны мы сами; **мы** должны трудиться и действовать, а не Он должен снова проходить весь крестный путь. Не в этом ли смысл диалога Христа с Петром, который встречает Его у ворот Рима, откуда уходит, чтобы избежать гонения: «Куда идешь, Господи? Quo vadis, Domine?» – “Иду в Рим пострадать вместо тебя...” Наше призвание – быть там, где мы нужны, а не укрываться в безопасном месте. На протяжении дня, начатого во имя Божие, мы не раз будем задаваться вопросом о его содержании, значении различных его событий. Мы должны суметь размышлять в безмолвии, вдумываться в канву событий, в которых не умеем разобраться до конца – пока вдруг не увидим в них руку Божию. Наша ошибка почти всегда в том, что мы думаем, будто человеческая мудрость, подкрепленная назойливо-просительной молитвой, позволит нам разрешать проблемы вечности. Потому что все, вплоть до самой незначительной детали, как бы является частью вечности, становления мира, частью которого мы являемся. На самом деле человеческая мудрость должна уступить место способности вглядываться, погружаться взором в стоящую перед нами тайну, пытаться различить незримый след Божий, Его премудрость, столь отличную от людской умудренности; божественную мудрость, живущую в сердце человека. Мы должны научиться в сумятице жизни быть местом покоя, устойчивости, должны уметь дожидаться момента, когда вдруг до нас дойдет понимание. Английская писательница Эвелин Андерхилл сравнивает совершенного христианина с

собакой пастуха, с овчаркой. «Овчарка, – говорит она, – как только слышит голос хозяина, замирает на месте, смотрит ему в глаза, прикидывает к его взгляду и голосу, чтобы угадать его волю. Затем, как только она поняла, без малейшего колебания она бросается исполнять волю своего хозяина. И (добавляет Э. Андерхилл) у нее есть свойство, редкое среди христиан: она без усталости виляет хвостом».

Мы должны уметь путем созерцательного молчания, в молитвенном ожидании различить в основе нашей жизни, в ее сумятице, ее видимом беспорядке – Божий замысел. Мы должны научиться в молитве же находить мужество, силу, вдохновение и необходимое руководство. Так весь день станет непрестанной молитвой. Но это – идеальное состояние, в которое мы не можем вступить сразу, потому что не привыкли к молитве, к постоянному вниманию, мы не умеем сохранять трезвение среди окружающей нас жизни, которая пронизывает нас, вливается в нас. Мы должны вступать на этот путь постепенно, начиная с нескольких часов, иногда и того короче, потому что если будем принуждать себя слишком долго и напряжено сосредотачивать свое внимание, наступит момент, когда наши силы истощатся; это не значит, что благодать привела нас к ошибкам, а что человеческий инструмент еще слишком хрупок. Тогда нас отхватит отвращение, усталость от молитвы; самые живые слова станут пеплом у нас на устах *засохнут*, окажутся сухим песком, нам будет казаться, что этот день мы живем не в Боге и не для Бога. В такие моменты, когда мы раздавлены, потому что жили не в свою меру, надо уметь смиренно признать свое поражение, признать, что мы не доросли до того, чтобы жить в постоянном Присутствии Божиим. Тогда следует уметь проявить духовное воздержание и ограничить свои молитвенные порывы, особенно словесное их выражение; надо знать, что, раз испросив Божие благословение на этот день и стараясь жить не рассеянно, без суеты, мы пребудем в том состоянии молитвенности, о котором говорилось выше. А затем постепенное, внимательное воспитание нашего сердца и ума позволит нам проводить целые дни не только в этой молитве для начинающих, уже сплетшейся

с жизнью, но еще не имеющей силы ее преобразить, но и в молитве гораздо более осознанной, более глубокой, о которой мы еще поговорим.

Все это приводит нас к проблеме, которую трудно разрешить начинающим: о роли усилия, месте подвига, трудничества в молитвенной встрече. Легко молиться в восторге, легко молиться в тоске; гораздо труднее молиться в обычные, тусклые дни, когда к этому нет ни внешнего, ни внутреннего побуждения. Тогда надо уметь принуждать себя к молитве. Почему? Потому что наша молитвенная жизнь должна быть выражением не только наших непосредственных чувств, но и наших постоянных, прочных, неотъемлемых убеждений. Это относится ко всем нашим душевным состояниям. Бывают моменты, когда, обессилев от усталости, мы неспособны ощущать глубоко привязанность к самым любимым нами людям; если бы нас о ней спросили, мы могли бы с уверенностью ответить, что она есть, но слишком далеко ушла в глубины, мы ее не ощущаем, а усталость – вот она, одолевает. Чувство есть, но порой жизненный напор, сила, способность отозваться как будто погасли. Нашей жизнью движет только воля. А воля в сочетании с ясными убеждениями, к которым мы относимся ответственно, с порывом, свободным от страсти – главный двигатель жизни. Если усилие основано только на общественных условностях, оно мертвит, а не животворит душу. Усилие, впрочем, состоит не только из жесткости, оно не безжалостно, оно может сочетаться с большим пониманием себя и других, с большим милосердием. Что касается молитвы, усилие возникает, когда живому чувству недостает интенсивности и яркости, чтобы собрать все душевные силы. Тогда мы должны стать перед Богом актом чистой веры; мы знаем, что Он есть, и знаем, кто Он. Мы идем поклониться Ему с благоговейным страхом, без которого невозможно приблизиться к святости. Собранным, постоянным усилием надо вкладывать в эту встречу все внимание, всю глубину, каких она заслуживает, и прежде всего, надо принуждать себя к этой встрече, потому что цель всякой встречи с Богом – не столько непосредственная радость этой встречи,

сколько радость, которая постепенно рождается от длительного труда, по мере того как общение с Богом преображает нас, и мы начинаем жить божественной жизнью, как бы переливающейся через край из Его природы. То есть надо, не пытаясь обманывать себя, еще менее – Бога, встать перед Ним и приносить Ему каждое слово, каждое выражение нашей молитвы из глубины цельного убеждения ума и воли.

Это означает две вещи. С одной стороны, что мы ищем не радости этой встречи, а глубокого преображения, которое только Бог может совершить в нас; что мы готовы, по слову Отцов Церкви, *дать кровь, чтобы принять Дух*. И с другой стороны, что слова нашей молитвы выражают с предельной точностью наши подлинные убеждения. Когда мы молимся собственными словами, молитва наша должна быть трезва, внимательна, безыскусна, она должна выражать как реальность данного момента во всей ее наготе и убожестве, так и наши четкие убеждения и твердую устремленность. Это требует большого, напряженного самоотречения, но само оно – один из существенных элементов этой встречи. Если мы употребляем «готовые» молитвы (а они родились из чувства трагичности и живого порыва великих душ), мы должны быть внимательны, чтобы не солгать Богу под тем предлогом, будто приносим Ему достойные Его молитвы.

На периоды сухости нам надо иметь в запасе молитвы, которые мы в другое время глубоко пережили, на которые отозвались умом, волей и сердцем; такие молитвы, которые выражают наши глубины, можно принести Богу. Однако порой нам придется выбирать среди них: есть выражения, которые мы можем употреблять в светлые периоды жизни и не можем повторить просто актом веры в самих себя. Когда сердце наше двоится, когда все колеблется внутри нас и вокруг, мы не можем сказать Господу: «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое...» (Пс.56,8) Многие выражения в какие-то моменты превосходят реальность. Тогда надо их разнообразить, даже изменять, чтобы говорить Богу только правду. Надо найти равновесие и уметь выражать твердые убеждения и одновременно избежать опасности исказить наше истинное

состояние данного момента. И еще очень важно научиться употреблять эти молитвы, чтобы пробуждать задремавшую душу, вернуть ее к жизни. Потому что слово Божие животворит. На периоды упадка можно посоветовать две вещи. Первое – начать с чтения Священного Писания. Когда душа тусклая, жизнь как будто погасла, можно, тем не менее, сеять слово, и возможно, душа наша более, чем нам казалось, готова принять его, отозваться и принести плод. И здесь надо выбрать среди текстов Священного Писания те, которые нас обычно трогают, над которыми мы много размышляли, на которые душа наша отзывалась живо, которые связаны с нашей внутренней жизнью, которые проникли в нее, как те три меры дрожжей, какие женщина бросает в тесто, чтобы оно поднялось. В периоды, когда в душе темно, надо перечитывать, снова продумывать такие места; надо, отталкиваясь от них, возносить молитву, быть может, и холодную, как будто безжизненную, но которая правдива. Кстати, так поступать можно не только в периоды трудничества. Священное Писание – это слово, с которым Бог обращается к нам; начать с него и отозваться бывает очень плодотворно для внутренней жизни; но в моменты упадка душевных сил поступать так тем более оправданно, что слово Божие сильно и действенно, это творческое слово, оно звучит и проникает глубже, чем доступные, поверхностные слои души, оно потрясает самые ее глубины, потому что слово Божие – жизнь и может вернуть нам жизнь присущей ему силой, потому что это слово Самого Бога, Который обращается к нашей душе.

Если мы пользуемся молитвами, сложенными святыми (как я уже сказал, у нас должен быть некоторый их запас), готовыми выручить нас, главное затруднение, с которым мы столкнемся в эти моменты внутренней мертвости, в том, что мы не знаем, куда обратиться. Куда направить молитву: Бог как будто отсутствует; небо пусто, и нам кажется, что наш крик отчаяния никто не слышит. Вспомните строки Верхарна:

Ночь в небо зимнее свою возносит чашу.
И душу я взношу, скорбящую, ночную,
О Господи, к Тебе, в Твои ночные дали!
Но нет в них ничего, о чем я здесь тоскую,

И капля не падет с небес в мои печали.
Я знаю: Ты – мечта! И все ж во мраке ночи,
Колени преклонив, Тебе молюсь смиренно...
Но Твой не внемлет слух, Твои не видят очи,
Лишь о себе самом я грежу во вселенной.
О, сжался, Господи, над бредом и страданием,
Я должен скорбь излить здесь, пред Твоим молчаньем.
Ночь в небо зимнее свою возносит чашу· .
или Клоделя:
Я здесь, ее здесь нет, дышит ужасом тишина.
Мы пропали: нас, как зерна, трясет в своем решете Сатана.
Я страдаю, страдает она, – и она от меня далека,
От нее не дотянется ко мне ни слово, ни рука.
Все, чем связаны мы, – это мрак, прерывающий всякую
связь,
Цепенящий мрак и чудовищная, безнадежная страсть.
Вслушиваюсь: рядом нет никого, и страх овладевает мной,
Мне чудится ее голос, ее крик в темноте ночной.
Веет слабый ветер, и я, похолодев, молю, уже не веря:
Боже, спаси ее от гибели, вырви из пасти Зверя.
Вновь я чувствую этот вкус, эту горечь смерти во рту,
Вновь осилить не могу эту резь, эту лютую тошноту.
Всю ночь я был один: я топтал виноград в давяльне, шагая
От стены к стене, взрываясь безумным смехом, изнемогая.
Тому, кто создал глаза, нужны ли глаза, чтобы видеть меня?
Тому, кто создал слух, нужны ли уши, чтобы слышать меня?
Как грех ни велик, милость Твоя все же больше, ибо Ты
благ.

Нужно молиться: в этот час торжествует всемогущий Враг.
Тогда надо направить острие нашей молитвы не к Богу,
Которого мы не умеем встретить, не к пустому бездонному небу,
не к огромности пространства, от которой мы теряемся и
исполняемся отчаяния, а на самих себя. Каждое слово молитвы
следует обратить к собственной дремлющей, унылой,
подавленной, как будто мертвой душе. Надо поступить со своей
душой, как мать поступает с упрямым ребенком: она
сажает его на колени и рассказывает ему сказку; сначала

ребенок слушает невнимательно, но постепенно начинает вслушиваться все с большим вниманием. Так бывает и с нами: мы должны произносить каждое слово, пытаюсь охватить его умом, не углубляясь мыслью в его смысл, не делая его предметом размышления, а в его простом значении, в его семантической четкости. Произнести слово, приникнуть к нему умом, направить его на собственное сердце, повторить, если надо, фразу или часть ее раз и два и три, пытаюсь соединить ее с тем, что еще живо в нас, чтобы разжечь пламя, тлеющее под пеплом. Надо попытаться не связывать свою волю, а напротив, дать ей расслабиться, успокоиться. Потому что покой – также один из элементов подвига: способность расслабиться и стать гибким, отдаться не пассивно, а доверчиво, и слушать всем умом, отзываться без напряжения теми силами, что еще живы в нашем сердце, на слова, ставшие привычными; эти глубокие слова в свое время родились среди пустыни в сердцах подвижников молитвы, которые жили в Боге. Если мы в простоте, без напряжения, не прилагая новой усталости к той, что уже давит нас, не добавляя нового усилия к тому, что нас уже гнетет, будем слушать эти слова, повторять их, стараться до конца насытиться ими, найти в них смысл, вкус, то часто после какого-то (может быть, и продолжительного) времени эти слова вернут жизнь сначала нашему сердцу, потом и воле, вернут нам способность подняться и действовать той высшей активностью, какой является молитва.

В таком случае наше тело, которое усталостью, расслабленностью или отказом участвовать в порывах души так часто бывает нам помехой в нашей внутренней жизни, сможет оказать нам огромную помощь. Это тело, которое есть частица тела Христова, которое таинственно питается Святыми Дарами, может вернуть жизнь нашей душе. Ведь тело участвует во всех событиях внутренней жизни. Явно или неприметным образом оно участвует в каждом движении души, будь то чувство, отвлеченная мысль, сознательное действие или даже сверхчувственный опыт. Тело отзывается двояким образом: оно участвует в усилии человека обрести внимание и приспособливается к предмету внимания. Этот двойственный

процесс протекает не случайно, в нем участвуют различные части тела в соответствии с предметом внимания, и тот же предмет, в зависимости от того, переживается ли он в мысли или в чувстве, побуждает ли к действию или остается бездейственным, в зависимости от большей или меньшей степени аскетической чистоты, затрагивает различные центры сосредоточения внимания. Тема «прокладывает себе путь». Только блуждающая мысль, не связанная с определенным душевным состоянием, лишена физического места. Она жужжит в голове, неспособная собраться, подобная, по слову Феофана Затворника, «беспорядочной стае мошек» (по Рамакришне: «произвольным прыжкам обезьян с ветки на ветку»).

Как только появляется господствующая мысль или всеподавляющее чувство, вся душевная деятельность объединяется вокруг них, приобретает большую целостность, большую связность; поле сознания суживается и озаряется, и немедленно обнаруживается телесно-душевное «место», центр внимания и характерные для него душевно-телесные явления.

Трудничество, телесный подвиг – вот единственные средства придать молитве полную устойчивость. Спонтанная молитва, родившаяся из восторга или чувства трагичности, зависит от слишком многого; лишь молитва, родившаяся из убеждения, приносимая твердой волей, может поставить нас перед лицом Божиим. В Православной Церкви молитвой устойчивости по преимуществу является так называемая Иисусова молитва: *«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!»*

Встреча человека с Богом в устойчивой молитве непременно приведет к безмолвию, молчанию. Следует сразу различить два рода безмолвия: безмолвие Божие и внутреннее безмолвие человека. Молчание Бога, часто более тяжелое, чем был бы Его отказ, молчание-отсутствие, о котором мы уже говорили, и, с другой стороны, внутреннее безмолвие человека, более глубокое, чем слова, более живое, более богатое общением с Богом, чем какое бы то ни было его выражение. Безмолвие Бога в ответ на молитву может быть недолгим, но может показаться нам и окончательным. Молчание, которым

Христос встретил мольбы хананеянки, и которое заставило ее собрать всю веру, всю надежду, всю человеческую любовь, какая у нее была, и принести ее Богу, чтобы и вне избранного народа смогли осуществиться условия Царствия. Такое молчание, вызывающее ответ, безмолвие, благодаря которому человек вырастает в полную свою меру, будь оно преходящим или долговременным, в зависимости от наших сил и нашей верности, приводит нас к более глубоким, более богатым отношениям с Богом, чем легкая встреча. Но порой молчание кажется окончательным и потому ужасным. Вспомните строки Альфреда де Виньи:

О, если правда то, что в ночь пред страшной тайной
Сын человеческий те произнес слова
И что, презрев наш мир, как выкидыш случайный,
Слепа, глуха, нема над нами синева, –
Путь справедливости: презрительным сознанием
Принять отсутствие, и отвечать молчаньем
На вечное молчанье Божества.

Не такое ли впечатление многие христиане выносят из чтения трагического отрывка – рассказа о Гефсиманском саде? Это молчание ставит перед нами и проблему, которая требует разрешения, проблему молитв оставшихся без ответа. Читая Евангелие, мы видим, что из всех молитв, обращенных к Богу, осталась без ответа единственно Христова молитва Отцу в Гефсиманском борении. Очень важно осознать это, потому что слишком часто мы пытаемся истолковать молчание Бога человеческим недостойнством или Божиим бессилием. Пытаясь оправдать Бога, мы говорим: моя вера, наша вера недостаточна, чтобы Бог отозвался на нее чудом... Когда наша вера колеблется, мы говорим: может быть, Бог не мог ответить по бессилию или по безразличию... То, что молитва Самого Христа осталась безответной, исключает такие объяснения. Вера Христа, Сына Божия, была совершенна и полна; любовь Божия ко Христу – вне сомнений: не свидетельствует ли Он Сам, что и в этот час Отец мог послать Ему на помощь двенадцать легионов ангелов? Он оставлен, потому что Бог предусмотрел для нас нечто лучшее – ценой Его жизни.

Из евангельского контекста безответной молитвы ясно, что молитва бывает бесплодна, когда не подкреплена верой. Вспомните место в Евангелии, где говорится, что Христос не смог совершить никакого чуда в Назарете, потому что не нашел там веры. Как только есть вера, налицо – условие чуда, то есть присутствия Царства Божия, пришедшего в силе. И в ответ на наши молитвы Христос помогает нам, спасает нас, не вторгаясь, а поступая со властью, просто потому что Он – Хозяин в Своем Царстве. Но когда наша вера глубоко укоренена в Нем, когда мы способны разделить с Ним Его заботу о мире, тогда мы разделяем одиночество Христа перед лицом безмолвия Божия. Очень важно осознать, что порой молчание Бога либо вызывает к действию все дремлющие силы нашей души, либо Бог взвесил наши сила и дает нам участвовать в искупительном деле Христовом.

Молчание Бога, отсутствие Бога, но также молчание и отсутствие человека. Встреча бывает глубока, достигает совершенства, лишь когда оба ее участника способны пребывать вместе в безмолвии. Пока для поддержания контакта требуется поток слов, движений, пока, чтобы не потерять друг друга из вида, требуются словесные выражения, мы можем с грустной уверенностью сказать, что наши отношения еще не достигли искомой близости и глубины. Нам всем знаком опыт безмолвия, которое сходит на нас, окутывает и соединяет с тем, с кем мы находимся в данный момент. Молчание, которое пронизывает душу до глубин, открывает в душе еще неведомые глубины. Молчание требовательное, бездонное, внутренне, которое приводит нас к встрече с Богом и, в Нем, с нашим ближним.

Когда такое безмолвие сходит на нас, нам не нужны слова, чтобы почувствовать тесную близость с нашим собеседником, чтобы приобщиться в самых наших глубинах и даже еще глубже тому, что нас объединяет. И когда это безмолвие достаточно глубоко, из его глубин можно начать говорить, но как бережно, как трезво, как внимательно мы тогда говорим, чтобы не разбить молчание шумом или сумбуром слов. Наша мысль тогда становится созерцательна; наше сознание, вместо того, чтобы пытаться, как ему свойственно, создавать множество образов,

силится выделить в глубинах нашего сердца предельно простые, светоносные образы. Сознание исполняет свое назначение, его роль служебная, оно лишь выражает что-то, что его превосходит. Наш взор погружается тогда в большие глубины и робко, благоговейно, со страхом пытается выразить увиденное. И пока слова остаются глубоки, пока они не умствуют и не отделяются от всецелого опыта, они не нарушают молчание, а выражают его. Есть замечательные строки у одного средневекового монаха-картезианца; он говорит, что если Христос действительно – Слово Божие, то мы имеем право сказать, что Отец – то творческое, бездонное молчание, из которого только и может вырваться Слово, до конца и в совершенстве выражающее это молчание.

Нечто подобное мы испытываем в минуты безмолвия. Порой оно сходит на нас, как чудо, как дар Божий; чаще же нам приходится учиться этому внутреннему безмолвию. Один из его видов – вера; устойчивость, надежда, которая избавляет нас от неуверенности, колебаний – тоже его аспект; оно же – тот внутренний покой, который греческие Отцы называют *исихией*. В созерцании главное – безмолвие, покрывающая все трепетная, чуткая тишина, которую нельзя определить ни как пассивность, ни как активность. Это спокойная бдительность. И мы должны научиться путем душевно-телесного подвига помогать нашей молитве достичь той совершенной формы, какой является внутреннее молчание.

Поиск безмолвия проходит одновременно в плане человеческом и в плане божественном. С одной стороны, его надо искать, с другой – оно дается. Человеческий поиск этого постоянного внутри пребывания, «хождения перед лицом Божиим» замечательно описан в писаниях средневекового автора, Брата Лаврентия. На гораздо более скромном уровне я могу привести пример пожилой женщины, которая годами молилась и никогда не могла ощутить присутствие Божие – и обнаружила его в молчании. Вскоре после моего рукоположения я был послан служить на Рождество в старческом доме. Ко мне подошла очень старая женщина и сказала, что уже годами твердит Иисусову молитву, но никогда не ощутила Присутствия

Божия. По своей неопытности я нашел простое решение ее проблемы. «Где же Богу вставить слово, – сказал я ей, – если вы все время говорите? Дайте Ему возможность: помолчите!» – «Но как это сделать?» И я ей дал совет, который с тех пор не раз повторял, потому что тогда он пригодился. Я посоветовал ей после завтрака прибрать комнату, навести в ней уют, сесть так, чтобы видеть ее целиком, с окном и видом на сад, с иконами и лампадкой. «Когда так устроитесь, – сказал я, – отдохните четверть часа в присутствии Божиим, но только не молитесь. Будьте так спокойны, как только можете, а поскольку вы, вероятно, не умеете сидеть без дела, возьмите вязание и вяжите перед лицом Божиим; потом расскажете мне, что произойдет». Через несколько дней она пришла, счастливая: она ощутила, что Бог тут. Я с любопытством спросил ее, что же произошло. Она объяснила, что поступила точно так, как я ей посоветовал: устроилась удобно и огляделась молча, спокойно, зная, что она вправе ничего не делать и не молиться; и впервые за многие годы заметила, что комната ее тихая, уютная, удобная. Она увидела эту комнату будто впервые. Произошла встреча между нею и тем местом, где она жила годами, никогда его не замечая. Потом она прониклась окружающим ее миром и покоем, который подчеркивало тиканье часов и постукивание спиц по ручкам кресла. И постепенно это внешнее безмолвие стало перетекать внутрь, проникать в нее; молчание охватило ее и открыло ей что-то большее, молчание более «насыщенное», которое было не просто отсутствием шума, а богатым, сущностным молчанием, в сердцевине которого она различила Присутствие. И как только она ощутила это Присутствие, в ней родилось желание молитвы – но на этот раз из самых глубин молчания, не потоком слов, не в вихре мыслей, а спокойно, выбирая каждое слово из глубин этого молчания и принося его Богу тихо, спокойно. Сама молитва стала выражением внутреннего молчания, частью того поистине Божественного безмолвия, которое она ощутила. Такой способ доступен всем. Конечно, придется бороться с кружением мыслей, с колебаниями сердца, с порывами плоти, с неустойчивостью воли. Для этого существует множество

упражнений, которые относятся одновременно к психологии и к подвижничеству; но и помимо этих упражнений нам быстро поможет, если мы спокойно расслабимся перед лицом Божиим, в простой уверенности, что Он тут, и в той мере безмолвия, которая нам уже доступна.

Иногда это безмолвие сходит на нас еще ощутимее. Безмолвие и покой в Боге подаются нам и мы их воспринимаем, когда ничто, казалось бы, этого не предвещало. Молиться за других – это кровь проливать (это слова старца Силуана), и пролитие это идет до истощения всех жизненных сил в любви и сострадании. Но молиться за других означает также идти путем Христовым, стать выражением Его предстательства, соединиться с Ним в Его молитве и Его Воплощении; это значит жить «неизреченными воздыханиями Духа» (Рим.8,26) в наших сердцах. И чем живее наша человеческая любовь, чем глубже мы отождествляемся через сострадание с теми, за кого молимся, тем совершеннее наше общение с Премилосердным Господом; наша молитва, родившаяся из человеческой трагедии, уносит нас в сердцевину Божественной тайны. Сначала мы остро сознаем земное страдание, но по мере того как продолжается наша молитва, все явнее становится Присутствие Божие, и наступает момент, когда мы теряем землю из вида, нас уносит в глубины Божии – в покой, безмолвие, мир, и здесь, в сердцевине тайны любви, мы вновь встречаем тех, сострадание к которым коснулось нашего сердца, кто погружен в Божественную любовь. И тогда Дух Божий, Дух любви пронизывает нас до конца и возвращает к сознанию тварного – но теперь в нем сплетается полная земная ответственность и все углубляющееся созерцание Живого Бога, Бога любви.

Это безмолвие приводит нас к встрече с Богом в покое, в простоте веры, встрече через то, что порой называют «молитвой просто взглядом», которую так прекрасно выразил крестьянин из Арса. Его святой пастырь, «Арский кюре» спросил, что он часами делает, сидя в церкви, даже не перебирая четки. «Я гляжу на Него, Он глядит на меня, и нам так хорошо вместе», – был ответ. Я смотрю на Него, Он смотрит

на меня, и мы счастливы вместе. Но такая молитва без слов – не только молитва, но преображающая сила.

Существует рассказ о том, как созерцательная молитва, просто взгляд, обращенный к Богу, сумел преобразить не только внутренне, но даже внешне ребенка, который отдался со всей непосредственностью такому созерцанию.

Это произошло в горной деревушке, затерянной у подножия огромной горы, высившейся гранитной массой, на которой игрой сил природы был изображен огромный человеческий лик. Этот образ господствовал над всей округой не только колоссальными размерами, но и своим царственным, величественным образом. У подножия горы едва заметная горстка домишек казалась не больше птичьего гнезда. Но вот какой рассказ любили передавать под кровлей этих человеческих жилищ.

В деревушке рассказывалось, что однажды там появится чудесно прекрасный человек, как две капли воды похожий на образ, высеченный в скале. Он принесет совершенное добро, неслыханные благодеяния. Это рассказывалось долгими вечерами в назидание детям, либо в утешение старикам, словно прекрасное предание, либо когда больным требовалось укрепиться надеждой.

Однажды маленький мальчик, который, как все, услышал чудесное предсказание, так живо воспринял его в свое сердце, что не переставал размышлять о нем и не сводил глаз с неподвижного огромного лица. Он часто сидел у дома, сунув палец в рот, и смотрел на гиганта, так мало походившего на людишек, копошащихся внизу. Часто и среди игры он уносился своей юной душой к тайне прекрасного обетования: каковы будут его благодеяния?.. Какие сокровища польются из рук этого замечательного героя?.. Он все больше любил огромную каменную фигуру; и сам того не сознавая, все больше походил на нее.

Прошло много лет, так много, что он превратился в мужчину. Однажды он шел по деревенской площади, и его друзья и соседи, взглянув на него, были потрясены: тот, чей приход обещало старинное предание – среди них!

Пример Старца Силуана показывает нам, что молитва позволяет охватить одновременно Бога и человека, человека и Бога. Как было сказано в начале, видение глубины вещей позволяет нам познать их реальность, реальную сущность – как нашего видимого ближнего, так и Незримого нашего Ближнего.

Это приводит нас к последнему в исследовании этой встречи: встреча среди человеческого сообщества. Человеческое сообщество предстает нам в двух очень различных аспектах. С одной стороны, это секулярное общество, весь окружающий нас мир людей, неотъемлемой частью которого являемся и мы; с другой стороны – церковное общество, к которому мы тоже принадлежим. В светском обществе присутствие христианина должно быть присутствием Христа. Это предполагает полную самоотдачу. Основоположный акт домостроительства спасения – Воплощение Слова Божия: действие, которым трансцендентный и свободный Бог становится одним из нас, солидаризируется с нами навсегда, навеки. Таков должен быть и христианин. Разве Христос не сказал: **«Как Меня послал Отец, так и Я вас посылаю...»** (Ин.20,21), и добавил: **«как овец среди волков...»** (Мф.10,16) Он сказал нам, что мы должны быть в мире, но не от мира. Это обязывает нас идти навстречу миру в его полноте, встречать каждого члена человеческого сообщества лично, но по-своему: перед лицом Божиим, в Боге, и оценивать все по-новому, по примеру Бога, Который пришел не судить мир, но спасти мир, Бога, Который так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного для спасения мира. В Евангелии, при встрече Бога с человеком происходит полная переоценка ценностей и суждений. Это не значит, что добро и зло потеряли свое значение; но зло открывается нам как рана, как болезнь, которая постигла нашего ближнего, нас самих. Мы можем ненавидеть зло, без памяти любя ближнего, любя его ценой собственной жизни или смерти. Епископ, пострадавший в России, сказал, что для христианина умереть мучеником – преимущество, потому что только мученик сможет в день Суда встать перед Богом в защиту своих преследователей и сказать: «Господи, в Твое имя и по Твоему примеру я их простил. Тебе

больше нечего взыскать с них». Такая переоценка обусловлена таинством Креста, тем, что невинный погиб за виновного. На Голгофе мы видим три креста: двух разбойников и воплощенного Сына Божия. Разбойник, распятый слева от Господа, судит по человеческим меркам: если незаконный человеческий суд мог допустить преступное распятие Невинного, такой суд не имеет права называть правым, преступник может восстать против него, проклясть его, отвергнуть, отрицать. Он умирает бунтарем. Разбойник, распятый справа от Господа, видит, что человеческий суд в своей глубинной неправде может осудить Невинного: тем более может он осудить виновного. Он принимает свое страдание и свое осуждение, потому что страдает и Невинный; он примиряется и входит в Рай. С тех пор как Господь Иисус Христос претерпел страсти, с тех пор как Бог, пришедший в мир спасти грешников, имел вид преступника, мы не можем судить преступника так, как его судил древний мир, мы больше не можем доверять безотчетно нашим чувствам и разуму.

В свете Божиим мы можем видеть и осуждать дурные поступки – и быть готовыми отдать жизнь за того, кто их совершает. Когда мы становимся их жертвой, мы получаем дополнительную власть, божественную власть простить во времени и в вечности. Это означает, что молитва приводит нас в положение, в котором главное – ежеминутная встреча с миром, ставшим чуждым Богу, и мы делаемся в буквальном смысле слова священнослужителями. Мы должны принести в жертву наше собственное «я»; мы – народ священный, призванный все привести к святости. Когда мы видим зло, мы его осуждаем; но тот, кто творит зло – наш брат, и нам надлежит молиться, жить и умирать за него. И здесь встает тема молитвенного предстательства, которую мы рассмотрим чуть дальше.

Откровение Бога во Христе происходит в среде церковной общины. Встреча в христианском понимании, если она подлинна, обнимает одновременно все пространство этого видимого мира и его глубокое содержание, но также и Бога над этим миром, во всей невидимой реальности того, что Его окружает и в Нем содержится; встреча должна быть в уровень

всего сущего. К сожалению, неверующий слеп к незримому. Еще трагичнее то, что часто и христианин как будто слеп к незримому, а порой даже воображает, что есть добродетель в том, чтобы ослепить себя и больше не воспринимать видимое, историю, трагическое становление. Христианское сознание должно охватывать все человеческое сообщество с его проблемами, его вечным и временным становлением; и христианская молитва должна шириться, свободно раскрываться и охватывать все. Если бы мы чаще осознавали значение каждой вещи, если бы мы отдавали себе отчет в том, что в мире нет ничего неосвященного, что мы сами профанируем его, лишаем качества священного, мы бы меньше рассеивались в молитве. Одна из проблем, смущающих молящегося, состоит в том, что между Богом и ним, между спокойной, радостной близостью, свободной от всего видимого, и ним самим ложится тень мира, в котором мы живем; заботы, которые кажутся слишком приземленными. Слишком часто, когда встает забота, мешающая нам встретить Бога лицом к лицу в углубленном безмолвии или в богато раскрывшейся молитве, мы пытаемся отстранить предмет заботы, беспокойства, потому что нам кажется, что этот предмет стоит преградой между Богом и нами. Нам кажется почти кощунственным, что что-то может привлечь наше внимание, когда мы находимся в присутствии Божию. Думаю, очень часто наша встреча с Богом могла бы произойти в этой общей заботе, связывающей нас с Богом, и вместо того чтобы непрестанной борьбой отстранять вполне законные заботы, нам следует представить их Богу во всех подробностях, конкретно, точно, но и трезво. Представить, как мать может принести больного ребенка к врачу, которому доверяет. Представить заботы Богу и сказать: «Смотри, вот что я могу Тебе о них сказать; а теперь Ты, всеведущий, посмотри Сам, рассуди Сам...»

И когда мы, таким образом, представили Богу человека или ситуацию, мы должны уметь отрешиться от них. Здесь вступает вера; и то, насколько легко мы сумеем отрешиться от нашей заботы, позволяет нам измерить нашу веру. Если мы можем сказать: «Господи, я все Тебе сказал, теперь сердце мое

успокоилось, и я могу тихо побыть с Тобой», – и если сердце наше действительно мирно, наш ум действительно не смущается больше предметом нашей заботы, значит, вера наша полная, цельная. Мы сложили свою ношу к ногам Божиим, теперь Он принял ее на Свои мощные плечи. Приведенный выше рассказ о монахе, который молился за ближних и постепенно терял из вида землю, потому что проникался сознанием Неба, и в следующий миг находил своих ближних в самой сердцевине Божественной любви, мог бы нас научить тому, как легко встретить Бога, если мы приносим свою заботу Ему, если мы делаем это с искренней любовью, а не сосредотачиваясь на себе. Потому что Бог, Которому мы молимся, есть Бог Истории, Он создал нас, пожелал прожить человеком, стать человеком в самом полном и трагичном, самом богатом и самом низком смысле слова, для того чтобы нас спасти и привести к нашей подлинной мере. Это молитвенное предстательство подразумевает полное принятие всего человеческого состояния, столь же полное и окончательное, как действие Бога в Воплощении, принятие ответственным актом, который поддерживает нашу молитву и делает ее истинной. Молитва без действия – ложь. И это приводит нас к самой сути, природе предстательства. Предстательствовать не означает напоминать Богу о том, что Он забыл сделать. Смысл предстательства в том, чтобы сделать шаг, который поставит нас в сердцевину ситуации, в точку наибольшего напряжения, как бы заставит вклиниться между двумя противостоящими сторонами с предельной отдачей, ответственностью.

Вот пример времен Первой мировой и Гражданской войны в России, смутной эпохи внешней борьбы и междоусобицы. В небольшом провинциальном городке, который только что перешел из одних рук в другие, оказалась в западне Зоя, молодая женщина лет тридцати с двумя детьми. Ее муж принадлежит противоположному лагерю, она не сумела убежать вовремя, она прячется, надеется спасти жизнь себе и детям. В страхе проходят сутки, затем еще день; к вечеру дверь домушки, где она прячется, открывается и входит соседка,

женщина ее же лет, простая, ничем не выделяющаяся среди других женщина. Она спрашивает: «Вы – такая-то?» Мать в страхе отвечает: «Да». – «Вас обнаружили, – говорит соседка, – сегодня ночью за вами придут и расстреляют, вам надо бежать». Мать смотрит на детей и отвечает: «Куда же я уйду? Как бежать с малышами? Они не смогут идти быстро, они не уйдут далеко; да и как меня не узнать – женщину с двумя детьми, которую ищут?» И эта соседка, за миг до того незнакомая, вдруг перестает быть соседкой и становится тем великим, величественным, что Евангелие называет *ближним* – самым близким, тем, кто ближе всех; она становится *ближней* этой матери и ее детям и говорит ей с улыбкой: «Вас не будут искать, потому что я останусь вместо вас». Мать, вероятно, возражает: «Но вас расстреляют!» И та отвечает: «Да, но у меня нет детей; вы **должны** уйти». И мать уходит.

Я рассказываю не о простой жертвенности; я хочу подчеркнуть некоторые моменты этого поступка, которые дают ему ценность и значение во Христе, которые через Крест приводят нас к понятию Воскресения и Жизни Того, Кто велик в малых сих.

Мать ушла, и эта молодая женщина (ее звали Наталья) осталась. Я не пытаюсь представить, что происходило в эту ночь, я хотел бы только провести некоторые параллели, которые, мне кажется, мы вправе провести. Наступала ночь, холодало; осенняя, сырая ночь быстро окутывала ее одиночеством. Эта молодая женщина, одна, оторванная от всех, которой нечего ожидать, кроме смерти, находится перед лицом этой неминуемой смерти, – смерти, которой она никак непричастна: она молода, она жива, и убить должны были не ее. Вспомните Гефсиманский сад. Здесь тоже в холодной, плотной ночи, неподалеку от ближайших друзей, уснувших от усталости и печали, был Человек, тоже молодой, около тридцати лет, Который ждал прихода смерти, ждал, что Его убьют за других, потому что Он согласился на смерть, чтобы человек, друг Его, и каждый человек в отдельности – вы, я, ты, и она, и они, и мы – чтобы каждый был спасен, чтобы каждый избежал этой ночи, которой Он был пленником. Мы знаем из

Писаний, как в тоске Он воззвал к Отцу, знаем о кровавом поте, знаем, что, не выдержав одиночества перед грядущей смертью, Он пошел к ученикам: не бодрствует ли кто из них? – и вернулся одиноко, чтобы встретить лицом к лицу смерть, чужую, заимствованную, невозможную, немыслимую смерть. Вот первый образ: Наталья во Христе.

Верно, Наталья не раз подходила к двери, смотрела и думала: стоит открыть дверь – и я уже не Зоя, я снова Наталья, я не обречена на смерть, никто меня не тронет... Но она не вышла. Мы можем измерить, что означает эта тоска, этот ужас, вспомнив двор в доме Каиафы. Петр – камень, Петр, крепчайший апостол, который заявил Христу, что не отречется от Него, даже если все остальные отрекутся, пойдет с Ним на смерть, – Петр сталкивается с молодой женщиной, служанкой, и достаточно этой служанке сказать: «И ты от них», чтобы он отошел: «Нет, не знаю я этого Человека!» Он отходит; снова отрекается: и в третий раз запечатлевает свой отказ; и затем оборачивается и встречается взором со Христом. Наталья тоже могла бы отречься, сказать: «Я не хочу умереть, я отказываюсь, уйду на свободу». Но она этого не сделала. Эта хрупкая женщина двадцати семи или тридцати лет силой Христовой смогла устоять там, где вся человеческая крепость Петра не устояла, – прежде Воскресения, прежде победы Божией за нас и в нас.

Кроме того, эта молодая женщина, должно быть, задавалась вопросом, не напрасна ли будет ее смерть. Умереть, чтобы мать с детьми спаслись – да, можно; но какая ужасная, трагическая нелепость, если и их схватят, и ее расстреляют... Вспомните величайшего из рожденных женами, Иоанна Крестителя. В конце жизни, тоже перед лицом неминуемой смерти, Иоанн Креститель посылает двух учеников спросить у Христа: «Ты ли Тот, Кого мы ожидали, или ждать нам другого?» Сколько трагизма в этой фразе, которая кажется простым, незначительным вопросом! Иоанн умрет, потому что был Предтечей, Пророком и Крестителем Христа; и перед грядущей смертью вдруг у него возникает сомнение: а вдруг я ошибался, вдруг Тот, Кого я возвещал, еще должен прийти,

вдруг Тот, Кому я принес свое свидетельство во имя Самого Бога – не Он? Напрасны тогда все годы подвижнической, нечеловеческой жизни в пустыне, отказ от себя, вследствие которого Писание называет его «гласом вопиющего в пустыне» (Ис.40,3), даже не пророком, говорящим во имя Божие, но голосом Божиим, который звучит через человека, настолько отождествившегося с этим голосом, что уже неважно, Иоанн то или кто-то иной, – говорит лишь Бог. А теперь это стояние перед смертью: если Иисус из Назарета действительно Тот, все это стоило делать; но если Он не Тот, тогда Иоанн обманут Самом Богом... Как и Наталья, окутанная безмолвием ночи и одиночеством, Пророк не получил никакого ответа, вернее, получил ответ, достойный пророка: «Пойдите, скажите Иоанну, что вы видели... – слепые видят, хромые ходят... нищие благовествуют, блажен, кто не соблазнится о Мне» (Лк.7,22–23). В темнице, где его ждет смерть, он должен стать перед лицом всего своего прошлого и всего настоящего, грядущей своей смерти, одиноко, с полной, самовластной ответственностью человека, во всем величии этого слова. Наталья тоже не получила никакого ответа. Теперь-то я мог бы ей сказать, что Зоя была спасена, что ее детям теперь за пятьдесят лет, многое еще мог бы ей сказать. Но она этого никогда не узнала и была расстреляна среди ночи.

Но в акте предстательства есть еще нечто помимо жертвенности: кроме Голгофы и Гефсиманского сада есть Воскресение – в меру нашего участия в тайне Христовой, но и в меру нашего человеческого убожества. Вы, наверное, помните место у апостола Павла, где он говорит: «Уже не я живу, но живет во мне Христос...» (Гал.2,20) И моментами мы задумываемся: что значат эти слова, что они охватывают? Зоя и ее дети твердо знают одно: что они живут чужой жизнью, взятой взаймы, их собственная жизнь кончилась с Натальей, ее жизнь продолжается в их земном бытии. Они живы – потому что она умерла, она взяла на себя их смерть, она отдала им свою жизнь. Они живут жизнью, которая целиком принадлежит ей.

Здесь мы можем понять, может быть, на человеческом уровне, в миниатюре, что-то очень великое, когда речь идет

действительно о человеческой трагедии и о тайне спасения. Мы можем понять также самое жестокое, четкое, требовательное значение предстательства. Мы часто предстествуем перед Богом, прося Его покрыть Своей милостью, любовью, Своей властью тех, кто в этом нуждается; но предстательство – нечто большее. Interceder по-латински значит «сделать шаг, который поставит нас в самую сердцевину ситуации» – подобно человеку, который видит, что двое других готовы вступить в драку, и становится между ними, солидаризируясь с обоими. Первый образ, какой приходит на ум, это слова страдальца в девятой главе книги Иова: «Нет между нами посредника, который положил бы руку свою на обоих нас» (Иов.9,33), то есть: «Где тот, кто станет между мной и Судьей моим?» Где тот, кто в этом споре между Богом Живым и Его жалким созданием осмелится сделать шаг и встать посредником, разделить их и вновь соединить? Разделить их противостояние, которое делает их пленниками друг друга, соединить в свободе, восстанавливающей гармонию? Этого Посредника мы находим во Христе: Человек, Который был Богом, Слово Воплощенное делает этот шаг, становится между падшим, осужденным человеком – и Богом; равный Богу и равный человеку, до конца солидарный с Богом, потому что Он Сам Бог, до конца солидарный с человеком, потому что Он – человек и готов в Своей человеческой плоти понести все последствия Божественной любви. Вот акт предстательства, вот что означает этот шаг, который ставит нас в сердцевину ситуации навсегда, навечно, потому что Христос, родившийся от Девы – умер на Кресте, воскрес и в Вознесении унес эту плоть человеческую в сердцевину Троичной Тайны.

На примере Наталии мы видим, что Христос истинно есть Путь, – путь жизни, само бытие христианина. Мы видим также, что нет иной правды человеческой и Божественной, и что только это и ведет к жизни, – жизни преизбыточествующей, настолько полной, что она не только наполняет вечностью того, кто несет ее, но переливается через край и изливается на тех, кто вокруг, бесконечно, из века в век даруя им ценой Распятия спасение и жизнь вечную. Это победа мученика, победа слабого над

сильным, победа того, что до конца уязвимо, то есть любви Божественной или человеческой, над тем, что кажется сильным – над ненавистью, которая оказывается разбита и непрочна.

Помимо такой полной и трагической отданности, какую проявила Наталья, мы бываем связаны с миром почти не приметным образом, но имеющим очень большое значение, – просто своим присутствием. «Вы в мире, но не от мира», – сказал Христос (Ин.17,14). Мне кажется, что самый яркий тому пример – место Пресвятой Богородицы в рассказе о браке в Кане Галилейской. Бедная свадьба. Люди с чистым и недвоящимся сердцем пригласили Христа, и Господь не отказался разделить их праздник. Его Мать и ученики здесь же. В какой-то момент, когда сердца еще жаждут радости, препятствием встает человеческая бедность: нет больше вина. И тут идет обмен фразами, которые кажутся никак не связанными между собой. «У них нет вина», – говорит Пресвятая Богородица. «Что Мне и Тебе, Жено?» – отвечает Христос, – "час Мой еще не настал». И вместо того, чтобы сказать Господу, что Она Его Мать, что любви, состраданию всегда час, Она ничего Ему не отвечает. Она просто обращается к слугам и говорит им: "Что бы Он вам ни сказал, то сделайте» (Ин.2,3–5). И Христос, вопреки тому, что Сам только что сказал, благословляет воду омовения, и она становится вином Царствия. Как понять этот разговор и мнимое противоречие между словами и действием Христа? Не значил ли вопрос Христа к Матери: «Почему Ты обращаешься ко Мне? Потому ли, что Ты – Моя Мать по естеству, Ты родила Меня, потому ли, что Ты ближе всех Мне? Если так, Я ничего не могу сделать, час Мой еще не пришел, потому что Царство еще не настало». И Богородица, не отвечая Ему, устанавливает Царство тем, что проявляет полную веру в Него, и слова, которые Она слагала в сердце с самого начала, с Благовещения, приносят плод на богатой и святой почве, и Она видит в Сыне то, что Он на самом деле есть: Слово Божие. Условия Царствия устанавливаются, Бог встречает Создание, до конца Ему предавшееся, открывшееся, до конца верящее в Него. Он может действовать свободно, не насилуя природу, царственно,

потому что Он в Своей области. И Он творит первое евангельское чудо.

Это место Богородицы может стать местом каждого из нас. Мы все можем сделать реальным присутствие Царствия Божия там, где находимся, где бы то ни было, какое бы неверие, какая бы неверность или сомнения нас ни окружали, просто веря до конца Господу, будучи детьми Царствия. В этом – акт предстательства, который имеет первостепенное значение. Своим присутствием в какой-то ситуации мы коренным образом переворачиваем ее, потому что с нами в нее входит Бог, Он присутствует в ней нашей верой: будь то в нашей семье, среди друзей, в момент вспыхнувшей ссоры, где проявляется несогласие, где непонимание начинает разъединять тех, кто были едины; будь то на работе или просто в дороге, в метро, на улице, в поезде... Там, где мы среди людей, устремленных к своему вечному назначению, мы всегда можем сосредоточиться, внутренне уединиться и сказать: «Господи, я верю Тебе; приди и будь среди нас!» И в этом акте доверия, в созерцательной молитве, которая не просит видения, которая довольствуется обещанием Божиим быть там, где Его призовут на помощь, мы можем осуществить свое предстательство. Порой нам недостает слов, порой мы не умеем поступить с мудростью, но мы всегда можем просить Бога прийти и быть с нами. И тогда мы часто видим, как меняется атмосфера, ссора прекращается, снова водворяется мир. Это немаловажная форма предстательства, хотя она менее ярка, чем то, что мы считаем большой жертвенностью. И мы еще раз видим, насколько неразрывно связаны действие и созерцание, видим, что невозможно действовать по-христиански вне созерцательного момента. Мы видим также, что созерцание не есть только Боговидение, оно есть прозрение в глубину, которое позволяет нам видеть суть вещей, различать их вечное значение; созерцание есть видение не только мира, но и мира в Боге.

В центре этой всечеловеческой общности, этого видимого мира, который гораздо шире человеческого общества, присутствует община, которая одна только способна охватить и

трансцендентное, и непосредственное призвание того, что ее окружает: это Церковь, общество избранных, и избрание это означает для членов общины не привилегии и права, а служение. Христос обещал, что пошлет нас, «как овец среди волков» (Мф.10,16); в вечер Своего Воскресения Он заповедал нам выйти в мир, как Его послал Отец. Он нас предупредил, что мы на земле – как бы небесное поселение, авангард Царствия Божия, мы соратники Господни в деле освобождения мира от сил зла и смерти. Церковь можно определить только извне; изнутри она – сама тайна внутренней жизни и углубления в Боге; она – тайна встречи, Присутствия и приобщенности. Она далеко превосходит человеческое общество, обращенное к Богу, послушное Ему, собранное вокруг Него; она – живое тело, одновременно Божественное и человеческое. У нее есть эмпирический аспект: мы; есть и вечный аспект: Бог, Бог в нас и мы в Нем. С одной стороны, по определению св. Ефрема Сирина, Церковь – не собрание праведных, а толпа кающихся грешников; она в тоске взывает к Богу; она сама нуждается в спасении. С другой стороны, она не только *in via*, она уже достигла и цели: Бог здесь, она нашла покой в Нем. Ее богочеловеческая природа сложна; такова же и ее человеческая сторона. Она открывается как в грешнике, который нуждается в спасении, так и в Воплощенном Слове, истинном Боге и истинном человеке. Только Он являет подлинную меру человечества как места присутствия Святого Духа; Того Духа, Который созидает из нас тело Христово, всецелого Христа (по смелому слову одного из Отцов Церкви, мы когда-то станем Им, *единородным сыном в Единородном Сыне*); Духа Божия, обучающего нас обращаться к Отцу Слова как к своему Отцу.

Церковь – таинственный организм, где действием Духа мы становимся тем, что есть Христос; Он пожелал стать тем, что есть мы, и наша «жизнь... сокрыта со Христом в Боге» (Кол.3,3). Существенное отличие Церкви от мира – ее эсхатологическое измерение. Она принадлежит уже будущему веку, и поэтому Дух Божий пронизывает всю жизнь Церкви. Поэтому к Нему мы обращаем нашу молитву при совершении Евхаристии. Царство Божие, Царство будущего века уже здесь, и в нем все уже

завершено. "Бог уже все во всем» (1Кор.15,28); Хлеб и Вино уже содержат Божество. Церковь знает все – и предметы, людей – не только в их всегда трагичном временном становлении, но и в их последнем завершении и зрелости, и поэтому она может возносить благодарение за все изнутри этого трагического и часто жестокого мира. Благодарить за все можно, только если мы умеем видеть все в завершенности, иначе наше благодарение – признак бесчувственности, которой нам не может простить ни мир, ни Бог. Мы должны уметь изнутри своего опыта повернуться к Богу и сказать вместе с праведниками: *«Ты был прав, Господи, во всех путях Твоих...»* Церковь способна на это, потому что у нее есть такое видение. Это не только видение мира, потемненного грехом, но видение, в котором уже восходит заря Преображения, в котором уже действует Воскресение; это видение пронизано вечной жизнью, которая, изливаясь в этот мир, шаг за шагом, час за часом покоряет его вечности.

Поэтому-то Церковь не знает различия между живыми и усопшими, которое вне ее полно тревоги и смущения. «Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых» (Мк.12,27) ; для Него все живы, – все живы и для Церкви. Только изнутри этого эсхатологического опыта можем мы ожидать смерть, словно огромную надежду, и призывать час суда, приход Христов в радости, взывать вместе с Духом и Церковью: «Гряди, Господи Иисусе, и гряди скоро!» (Откр.22,20) История и вечность нераздельно соединены в этих эсхатологических и евхаристических категориях; и молитва Церкви обнимает и охватывает не только ее членов, но через них или ради них, благодаря им – весь мир, рассматриваемый как потенциальная Церковь, всецелая Церковь, которой мы чаем. И в Церкви, в этом становлении в рамках эсхатологии, где, как указывает греческое слово, все уже завершено, но одновременно – в становлении, у нас есть, через общение святых и грешников, живая связь со всеми живущими и со всеми усопшими.

Что же означает наша молитва за усопших? Разве мы просим Господа проявить несправедливость? Конечно, нет. Этой молитвой мы свидетельствуем, что они прожили не напрасно.

Мы доказываем, что среди тысячи незначительных мелочей, которые заполняли их жизнь, они сумели бросить семя любви. Мы молимся о них потому, что в нашем сердце есть любовь и благодарность, живое воспоминание их присутствия среди нас, и это свидетельство мы приносим молитвой за них; и эта молитва, как любая другая, должна быть подтверждена нашей жизнью. Если в своей жизни мы не принесем плод того, чему нас научили усопшие, то наша молитва за них будет хотя и не напрасна, но слаба, она не взлетит ввысь. Мы должны быть в состоянии сказать: «Господи, посмотри – этот человек прожил, он посеял в моем сердце любовь, он посеял в моей жизни примеры, которым я следую». Придет день, когда все будет завершено, мы сможем встать и сказать: «Господи, добро, которое ты видишь в моей жизни, не мое, оно – его; прими его, пусть оно будет его славой или, может, его прощением». Вспомните молитву, написанную человеком в концентрационном лагере. Я не могу воспроизвести ее дословно, но там говорилось следующее: Господи, когда придет время суда и возмездия, не вмени мучителям тех страданий, которые они нам причинили, но взгляни на плоды этих страданий в нас: на наше терпение, на взаимное товарищество, на взаимную любовь, и т.д., и пусть эти плоды будут их оправданием... только бы мы не были для них призраком ужаса, а их спасением!.. Как я передаю, оно звучит очень слабо, но это самое потрясающее, что я читал.

Жизнь каждого из нас не прекращается в день смерти на земле, рождения на небе. Каждый из нас накладывает печать на всякого встреченного человека. И здесь -ответственность, непрерывно переходящая через века. Эта посмертная жизнь глубоко и неразрывно связана с жизнью живущих на земле, и ответственность выражается в наших молитвах за умерших. Через них мы уже не полностью принадлежим земле; в нас, во всех тех, на ком усопшие оставили отпечаток своей личности, дорогие нам усопшие люди еще принадлежат истории и становлению мира. Эти молитвы существенно важны, так как являются одним из выражений жизни, которая охватывает и объединяет всех людей, все человеческое сообщество.

Однако, мы молимся особенно не только за некоторых людей, но и некоторым людям; мы молимся Богородице и святым. Это не означает, будто мы противопоставляем их благодать строгой правде Божией. Мы молимся им потому, что знаем, что их воля едина с волей Божией, и что наше обращение к ним создает не противопоставление, а гармонию, которая объединяет в любви всех, и живых и умерших. Если наш Бог действительно не есть Бог мертвых, а Бог живых, разве не естественно нам обращать молитвы к тем из них, кто для нас особенно близок, является ярким примером? Каждый из нас может найти среди церковных святых тех, кто ему наиболее понятен, чей образ особенно много говорит нам. Мы не делаем радикального различия между теми, чья святость признана и провозглашена, и неканонизованными людьми. Некоторые святые были выделены Богом и явлены как примеры для христиан; это не означает, что другие не таковы. Мы свободно можем обращаться с молитвами к усопшим родителям или друзьям, в этом нет кощунства.

Молитвы, которые мы обращаем к Пресвятой Богородице, носят особую печать. Среди земнородных, Она ближе всех ко Христу, и не потому, что Она дала Ему тело Воплощения, но потому что Она действительно Его Мать, Она связана с Ним не только физически, но и метафизически, духовно. В наших молитвах к Ней всегда есть глубоко трогательный момент. Наши грехи были причиной смерти Христа на Кресте – и Ее, Мать нашего Господа, мы призываем на помощь. Всякая молитва, обращенная к Ней, может быть переведена в такие слова: «Мать, я убил Твоего Сына... Но если Ты простишь – никто меня не осудит». Вот что подразумевает наша вера, наша любовь к Той, Которая отдала Своего Сына на распятие без единого слова, без жеста, полной отдачей, в полной приобщенности намерению и воле Божией.

Еще несколько слов о литургической молитве. Эта молитва, постоянно совершаемая в Церкви, в сердцевине видимого мира, не только мира людей, но мира предметов, некоторым представляется лишенной непосредственности. Она кажется слишком четко определенной, заключенной в жесткие формы.

Она действительно такова, потому что ее цель – не только выразить общее, общинное человеческое чувство, но и воспитать. Она также должна быть откровением красоты – не только красоты уже существующей, но выражением того, чем мир мог бы стать, чем он призван быть в Боге: всеобщей гармонией, равновесием всего в Боге. Можно было бы без труда показать на множестве мелких деталей, как православное богослужение раскрывает все библейское откровение – в молитве, в жестах, в иконе, в движении. Это очень важный элемент богослужения. Оно – школа духовной жизни, оно – некая точка, встреча с Богом и с миром в Боге. В нем есть подлинная непосредственность, которая, однако, превосходит эмпирическое чувство каждого из его участников. Это священное чувство, которого уже достигла община; сама община больше нас и в Боге превосходит самое себя; это священная встреча, в сердцевине которой главное: таинственное предстояние лицом к лицу с Богом, где Бог встречает человека не только через слово и незримую благодать, но и через преображенное вещество. Воды Крещения, приносимые Богу актом веры и верности, становятся не только первоизданными водами, но и той водой, которую Христос обещал самарянке. Хлеб и вино, уже ставшие Телом и Кровью Христовыми, предвосхищают день, когда "Бог будет все во всем» (1Кор.15,28). Но за пределом этой личной встречи Бога и людей в Церкви, за пределом встречи человека с миром, открываемым в Боге, есть суровое, трагическое противостояние христианина и мира, куда христианин входит, чтобы послужит миру по образу Сына Божия, ставшего человеком в акте подлинного и полного, окончательного и безвозвратного Воплощения. Сын Божий воплотился, так сказать, до конца, Он сделался неотъемлемой частью человеческого становления, и в этом процессе молитва становится предстательством и предстательство делается совершенной Голгофской жертвой.

Между экстазом, невыразимостью встречи и нашим присутствием в мире есть напряжение, несоответствие: оно отражает неспособность человека жить полнотой Божественной жизни и не терять притом связи с собственной, личной, узкой

жизнью. По слову Симеона Нового Богослова, это удел новоначальных; совершенство, идеал – в постоянном, неизменном единстве, охватывающем всего человека, дух, душу и тело, без преткновения или колебаний, по образу Господа Иисуса Христа и некоторых святых. Совлекшаяся внешнего мира, свободная от борьбы, от сомнений и забот, душа приобретает доселе ей неведомые трезвость, внимание, силу и ясность. Чувство живо, горячо, чисто; свободное от всякой эмоции или страсти, оно является (в своих внешних выражениях) силой и светом. Вовсе не затемняя мысль, как свойственно эмоциям, чувство ведет ее к расцвету, помогает раскрыться. Мысль все время остается до конца, глубоко сознательная и свободная; душа в этом делании никогда не бывает пассивна; освободившись от самозамкнутости, она предается Богу, и то хранит полное самообладание и может по желанию безмолвствовать либо творить молитву; то слова, которые она употребляет, сами рождаются в сердце и уме молящегося, так что он не может их менять, выбирать или направлять; то она становится неизреченным молчанием в человеке, преодолевшем узы чувственного мира, и он в полном безмолвии всех душевных сил созерцает нетварный Божественный свет, тайны мироздания, собственной души и тела (св. Исаак Сирин; цит. по: Преп. Нил Сорский. Предание о жителстве скитском).

Всякая истинная молитва, то есть совершаемая в полном смирении, в отказе от обращенности на себя, во всецелом предании себя Богу, рано или поздно получает живоносную благодать Духа Святого. Она становится закваской каждого действия и служит его мерилom, она является **всем** в жизни, перестает быть «действием» и превращается в само **бытие**, делается изливанием Того, Кто исполняет все и все ведет к полноте.

Беседы¹

О МОЛИТВЕ ГОСПОДНЕЙ

О Молитве Господней, казалось бы, говорить нечего. Мы все ее употребляем, с детства знаем, она постоянно нам попадает в службы, и мы к ней естественно обращаемся, отчасти из-за ее изумительной стройности и красоты, отчасти – зная, что это молитва, которая нам дана Самим Спасителем Христом, и поэтому она святыня для нас, это Его собственная молитва, которой Он с нами поделился. Я думаю, что мы должны помнить, когда молимся этой молитвой: это молитва Сына Божия, ставшего сыном человеческим, которая выражает все Его сыновство (и многое другое, что к этому ведет, – к чему я еще вернусь).

Для меня Молитва Господня годами была самой трудной молитвой. Разумеется, каждое отдельное предложение доступно и понятно каждому в пределах его духовного роста или углубленности или опыта, но в целом она меня не то что не удовлетворяла – я не мог найти к ней ключа. И в какой-то момент я обнаружил в ней нечто, чем хочу с вами поделиться: она – не только молитва, она – целый путь духовной жизни (к этому я тоже вернусь).

Мне Молитва Господня представляется как бы разделенной на две части. Первая – призывание: *«Отче наш»* и три прошения.

Эти три прошения ясно представляют собой молитву сыновства, но не нашего относительного сыновства – мы ведь блудные дети нашего Небесного Отца, мы -колеблющиеся, ищущие, а это – слова, которые мог сказать только совершенный Человек, Который есть и совершенный Бог. Это молитва сыновства в полном смысле этого слова. А затем идут прошения, которые, как мне кажется, к этому сыновству ведут или которые могут служить путеводной звездой к тому, чтобы вырасти в это сыновство. И вот я попробую вам сказать нечто об этих двух частях.

Первое, что меня поражает, что меня удивляет в себе, удивляет и в других: когда мы говорим *«Отче наш»*, мы всегда

думаем, что это молитва, которая нас всех, верующих, православных или прихожан одного храма, или членов одной семьи, выражает вместе; и я до сих пор не встречал никого, кто бы ощутил, что когда Христос нам сказал: «*Отче наш*», Он говорил о том, что это Отец Его – и наш, этим как бы предваряя момент, когда позже, в течение Евангельской истории, Он Своих учеников назвал братьями Своими. Это замечательная вещь, это потрясающая вещь, потому что если бы речь шла о том, что мы признаем отцовство Божие для нас, это было бы уже так много; но когда мы думаем, что это отцовство включает Единородного Сына Божия, что отцовство в этом призывании ставит нас и Его в одно и то же положение по отношению к Богу Отцу, это нечто, как мне кажется, такое потрясающее, такое глубокое...

Отцовство имеет особенные свойства. Отец – это тот, кто является источником нашей жизни. Отец – тот, кто эту жизнь в нас воспитывает, но воспитывает строгим требованием безграничной любви, кто ни на какие компромиссы не готов идти и требует от нас, чтобы мы были тем, к чему мы призваны, кто не удовлетворяется ничем в нас, что ниже нашего достоинства. К примеру, возьмите притчу о блудном сыне. Вы помните, как блудный сын, опомнившись, идет обратно к отчому дому. И по дороге он повторяет для себя – не то что заучивает наизусть, но в его душе плачет молитва: «Отче, я согрешил против неба и перед тобой, я недостойн называться сыном твоим; прими меня как одного из твоих наемников...» (Лк.15,18–19) . Это плач души, это не повторение того, что он скажет отцу, – он это чувствует все время и идет к отцу, несмотря на свою недостойную жизнь. Хоть он недостойн, но он знает, что отец остался отцом, что любовь не поколебалась, даже когда сын ему сказал: «Я не могу дожидаться момента твоей смерти для того, чтобы начать жить. Давай сговоримся: умри для меня, дай мне ту долю богатства, которую я получил бы после твоей физической смерти, уговоримся, что тебя нет больше...» Даже тогда отец не обмолвился ни одним упреком, а просто дал ему его долю имущества и отпустил с миром. И вот, вспоминая это, юноша идет домой именно к отцу – не к судье, не к чужому

человеку, не в надежде, что его «может быть» примут. Это слово «отец» значит, что у него надежда еще не умерла. Но обратили ли вы внимание, что, когда он перед лицом отца хочет произнести свою исповедь, отец ему не дает сказать последние слова. Сын произносит: «Отче, я согрешил против неба и перед тобой, я недостойн называться твоим сыном..." – и тут его отец прерывает: сын или дочь могут быть недостойными детьми своего отца или матери, но никаким образом не могут перестроить свои отношения на отношения достойных наемников или рабов. Отец не может его принять как наемника, как раба, он его может принять только как сына: кающегося – да, недостойного по своему поведению – да; но как сына и не иначе. И вот, страшно для нас важно, что Бог никогда не примирится с тем, чтобы мы были ниже своего уровня. Это – отцовство Божие. И когда в этом контексте мы думаем о том, что Христос нам дает эту молитву и говорит: «Отче наш ...» (Мф.6,9; Лк.11,2), то перед нами вдруг вырастает образ того, что мы собой должны бы представлять. Если мы действительно братья и сестры Единородного Сына Божия, ставшего сыном человеческим, то вот мера нашего человечества – не меньше. Мы должны быть иконами Христа; и больше, чем иконами: мы должны так сродниться со Христом, чтобы все, что можно сказать о Христе, в свое время, когда все будет завершено, могло бы быть сказано о нас. И это не легкомысленное замечание с моей стороны, потому что есть место в писаниях святого Ириния Лионского, где он говорит (это не точная цитата, но мысль его я передаю), что, когда придет конец времен, все человечество в единении с Единородным Сыном Божиим силой Святого Духа станет единородным сыном Божиим. Грань между Единородным Сыном Божиим и детьми Божиими по благодати сотрется, потому что наше единство со Христом будет всечеловечеством перед Лицом Божиим, и в центре этого спасенного и достигшего своей полноты всечеловечества, когда "Бог будет все во всем» (1Кор.15,28) – имя Иисуса Христа.

Таким образом, когда мы говорим «Отче наш», мы должны понимать, что берем на себя это непостижимое призвание и готовность на это непостижимое состояние, что мы не только

братья и сестры Христовы по человечеству, но что ничто меньшее, чем полнота образа Христа, недостаточно, чтобы мы были полностью самими собой. Это требует многого. Это не просьба к Богу, чтобы Он сделал для нас то, чего мы не делаем ни для себя, ни для Него; это призыв к тому, чтобы мы были героичны в искании той полноты, которой, конечно, мы не можем достигнуть своими силами, но которая является нашим призванием; и мы не имеем права о себе думать ниже этого, мы должны быть достаточно смиренны, чтобы принять это величие и склониться перед ним – да, но и выполнить его. А если поставить вопрос о том, каким образом это можно сделать, я на это отвечу словами, которые Господь сказал апостолу Павлу, когда тот просил силы для того, чтобы осуществить свое дело. Господь ему сказал: "Довлеет тебе благодать Моя, сила Моя в немощи совершается» (2Кор.12,9).

И конечно, немощь, о которой здесь говорится, не наша лень, не наша косность, не наше малодушие, но это та тварная хрупкость, которая делается прозрачной для воздействия Божества, которая делается гибкой в руке Божией, когда мы Богу отдаемся с верой, доверием, в послушании. Так что, как Спаситель сказал в Евангелии, «невозможное человеку возможно Богу» (Лк.18,27). И поэтому мы должны верить, что это возможно. Опять-таки, Павел говорит: "Все мне возможно в укрепляющем меня Господе Иисусе Христе» (Флп.4,13). Так что тут и призвание, которое сверх наших сил, и уверенность, что мы можем вырасти в меру этого призвания – вырасти не органически, а подвижнически; это требование, которое перед нами ставится.

И эти слова – простые, такие привычные: «Отче наш» – нас вдруг ставят перед лицом нашего братства со Христом и непостижимым величием нашего призвания, и уверенностью, что это призвание может быть исполнено силой Божественной благодати, если только мы отдадим себя Богу именно, как я сказал, гибкостью, прозрачностью, послушанием.

И тут я хотел бы сказать, что послушание не есть повиновение, порабощение; оно – состояние человека, который всеми силами своего существа – и ума, и сердца, и всего –

прислушивается: прислушивается к голосу своей совести, прислушивается к слову евангельскому, прислушивается к таинственному голосу Святого Духа, Который «невыразимыми стенаниями» (Рим.8,26) говорит в нем или минутами с ясностью учит его говорить небесному Отцу «Авва, Отче» (Рим.8,15).

А дальше идут прошения. *«Отче наш, Иже еси на небесех»* – на этом и останавливаться не стоит в том смысле, что ясно: мы не говорим, что Бог живет где-то над тучей или в пространственном положении; небо – это то место, где Бог есть, так же как древний шеол, древний ад, каким он был до сошествия туда Самого Христа, был местом всеконечного, безнадежного разлучения от Бога. Значит, мы говорим опять-таки о том, откуда пришел Христос, куда Он вернулся вознесением и где мы потенциально находимся. Вы ведь, наверное, помните то место у апостола Павла, где он говорит, что наша «жизнь... сокрыта со Христом в Боге» (Кол.3,3). Он – Всечеловек; каждый из нас, все мы вместе в Нем как бы уже находимся потенциально как возможность или, вернее, как постоянное вращение в эту тайну; поэтому мы можем смотреть на престол Божий и видеть в нем подлинно, истинно Человека. Об этом Иоанн Златоуст говорит: «Если вы хотите знать, что такое человек, не смотрите в сторону царских престолов или палат вельмож – поднимите глаза к престолу Божию и увидите одесную Бога и Отца – Человека в полном смысле». Но когда мы Его видим, мы видим то, чем мы призваны быть. И мы не имеем ни права, ни возможности на себя смотреть иначе; это наше призвание, это воля Божия о нас. Бог в нас настолько верит, что Он нам дает такое призвание.

Я помню одного «культурного» человека, который очень простому священнику объяснял, что он, конечно, не может верить, потому что чего только не изучал: и богословие, и философию, и историю изучал... Священник был простенький, бывший деревенский священник, попавший за границу. Он на него посмотрел и говорит: «А разве важно, что ты в Бога не веришь? Какой Ему вред от этого? А вот замечательно то, что Бог в тебя верит...» Вот наше положение: Бог в нас верит, и значит, мы можем быть спокойны; только отзовись на эту веру

послушанием, то есть слушанием всем существом того, что Он имеет сказать – и это исполнится.

И вот – «Да святится имя Твое» (Мф.6,9; Лк.11,2). «Святится» – с одной стороны, от слова «свят», с другой – говорит о сиянии. Я сейчас не путаю оба слова, но когда мы говорим о святине, мы говорим о чем-то, что преисполнено света. «Аз есмь свет миру» (Ин.8,12); вы посланы как свет в этот мир (Мф.5,14). И так просто было бы понять значение этих слов, если бы мы просто к ним подходили. Именно: представьте себе, какая была бы реакция каждого из нас, если имя самого любимого нами человека употребляли бы в грязной шутке или каким-нибудь порочащим образом; какое было бы в нас возмущение и больше того – какая была бы нестерпимая боль, что имя моей матери так употребляют, имя моей Родины так употребляют, имя того, что для меня – святыня, так употребляют. В этом вся простота этого прошения. Если бы для нас Бог был не самым любимым (мы ведь не можем хвалиться тем, что любим Бога больше, чем родителей, родных, детей), но если бы мы любили Его хоть сколько-то, нам было бы невыносимо, что имя Божие произносится в контексте, не достойном Его... Это мы встречаем в истории.

Два примера я вам могу дать. В Сибири в старое время было племя (есть ли сейчас – не знаю), которое не имело слова для Бога, потому что они считали, что Его нельзя назвать, что это слишком святое Существо, чтобы Ему дать земное имя. И они были правы, потому что только воплотившийся Бог мог получить земное имя *Иисус*. И когда они в разговоре хотели обозначить Бога, они делали паузу и поднимали руку к небу, указывая, что они говорят «о Нем», но имени Ему они не давали.

Второе: есть замечательное место в писаниях Маймонида, еврейского писателя XII века, об имени Божием. Он говорит, что в древнееврейской традиции имя и существо совпали. Настоящее имя – не кличка, как Петр, Иван, или фамилия, а настоящее имя – то самое имя, которое прознес Бог, когда Он вызвал каждого из нас из небытия, – совпадает с человеком или с данным существом, и поэтому нельзя произносить имя Божие

даже в богослужении всенародно, потому что не каждый может понести эту тяжесть или преклониться должным образом перед этой святыней. И Маймонид говорит, что когда народ собирался в храм, когда поднимались молитвы, когда пение псалмов звучало, гремело в храме, Первосвященник, который единственный знал, как произнести эти четыре буквы имени Божия (YHWH – прочесть их можно было, только если знать, какие гласные дают жизнь этому слову, и знал это тогда единственно Первосвященник), нагибался и тихо произносил это имя, и оно, говорит Маймонид, словно кровь, бежало через всю эту молитву, и молитва, которая была как бы мертвым телом, вдруг оживала и возносилась к Богу. Вот то чувство, которое продиктовано еврейским ощущением имени Божия и которое мы можем понять из этих примеров; вот что такое имя дорогого человека. Но узнав, что значит беречь, оберегать имя любимого человека, мы можем соответственно учиться – и всю жизнь учиться – относиться к имени Божию именно с таким чувством, что это святыня и что сказать «Бог», сказать «Иисус», сказать «Господь» это не просто кличку произнести: это молитвенное призывание, которое говорит о Нем, так же как имя любимого человека говорит о нем, – нельзя его трепать. Поэтому вот к чему мы призваны: в полном смысле слова только Господь Иисус Христос мог произнести имя Божие с совершенной чистотой сердца, ума, уст, воли, плоти, всего Своего существа. Мы можем произносить эти слова во Христе, бережно, с трепетом, не употребляя слишком легко такие слова, от которых бесы дрожат и перед которыми мы благоговеем... Ведь страшно подумать, что перед «именем Иисусовым склоняется всякое колено» (Флп.2,10), кроме нас, верующих христиан. Иоанн Златоуст где-то говорит, что когда мы произносим имя Спасителя Христа, бесы отходят от нас в ужасе, а мы произносим его без ужаса... Как это жутко и какую ответственность мы берем на себя, зная это имя, потому что мы ведь знаем имя Отец и знаем его через Единородного Сына, и знаем земное имя для Бога: *Иисус*, «Бог спасает». Мы можем эти слова произносить, и таких слов достаточно, чтобы весь мир дрожал – кроме нас... «*Да святится*» учит нас: береги его, как

святыню, это больше, чем икона, это больше, чем имя любимого человека. Мы не дадим икону на поругание, а о Боге говорим с такой легкостью.

И затем: «Да приидет Царствие Твое» (Мф.6,10; Лк.11,2) .

Знаете, часто у нас при молитве такое чувство, что мы призываем Бога к тому, чтобы Он сделал что-то. Я как-то говорил проповедь в англиканском храме и сказал: вы молитесь Богу за все нужды мира, словно вы Богу напоминаете все то, что Он должен был сделать и не исполнил... И действительно: мы часто молимся, как нищий, который протягивает руку, тогда как Бог нам поручил "Царство" (Лк.22,29); Он нас поставил на земле для того, чтобы строить это Царство. Когда мы говорим «Да приидет Царствие Твое», это не значит: «Приди Ты, Господи, умри вновь на кресте»; или: «Приди победителем и сокруши врагов». Это слишком легко... «Тебе крест – нам слава». И не думайте, что это просто кощунственное замечание с моей стороны.

Возьмите рассказ о том, как на пути в Иерусалим перед Христом предстали Иаков и Иоанн (Мк.10,35–40). Спаситель только что говорил прямо – сжато, но трагично – о грядущем Своем страдании. И с чем идут Иаков и Иоанн к Нему? «Когда Ты воскреснешь, дай нам сесть по правую и левую руку от Тебя». То есть: Ты сделай Свое, пройди через страстную седмицу, умри на кресте, победи смерть, воскресни – и тогда мы соберем плоды от Твоего страдания...

Ведь мы это тоже говорим – не этими словами, но своим поведением, когда говорим: «Сделай, Господи! Дай, Господи!..» А сами стоим с открытыми руками, ожидая подачки, а не дара. А Господь нас послал в мир для того, чтобы строить Царство Божие, чтобы строить град Божий. Но град Божий должен совпадать с градом человеческим.

Все человечество строит какой-то град, общество; каковы бы ни были политические системы, каждая группа или масса людей строит какое-то общество, которое имело бы несколько характерных черт, гармонию, чтобы в нем жить можно было, чтобы какие-то человеческие отношения были в нем, и т.д. Но когда мы говорим о граде человеческом, мы не можем

примириться ни с чем меньшим, чем с таким градом, первым гражданином которого может быть Человек Иисус Христос, воплощенный Сын Божий. И поэтому мы должны строить со всеми людьми то, что по-человечески можно строить, но знать, что это – только костяк, что этот град человеческий слишком мал, в нем нет достаточной широты, достаточной глубины и достаточной святости, чтобы Иисус из Назарета, Сын Божий, был бы в нем первым Гражданином. В посланиях апостола Павла говорится, что наша родина, град наш – «на небесах» (Флп.3,20), и один шотландский богослов перевел это: «Мы – авангард Царства Божия...» Да, наша родина там, где Господь; душой, молитвой, любовью, призванием мы там, но мы посланы в мир для того, чтобы строить именно град человеческий, который был бы градом Божиим. И это наша ответственность.

Поэтому, когда мы говорим: «Да приидет Царствие Твое», – мы не только просим Бога о том, чтобы оно пришло, мы просим, чтобы Его благодатью мы стали верными строителями этого Царства. А верные строители строят за свой счет, то есть той ценой, которой Христос строил. Помните, в том примере, который я раньше дал, Христос дальше спрашивает Иакова и Иоанна: «Готовы ли вы пить Мою чашу? Готовы ли вы креститься Моим крещением?» – что в переводе с греческого означает: готовы ли вы погрузиться, с головой уйти в тот ужас, в который Я теперь вступаю?.. Это наше призвание, и это не жуткое призвание, потому что крест, который в тот момент был страшным, ужасающим орудием смерти, убийства, стал знаком победы...

Когда Христос говорит нам: «Забудь про себя... возьми свой крест... следуй за Мной» (Мк.8,34), – Он нам больше не говорит: Иди только на Голгофу. Он, воскресший и победивший, нам говорит: Не бойся, возьми весь крест жизни твоей и следуй за Мной, потому что Я весь путь прошел, Я проторил его, Я все испытал; ты можешь за Мной идти без страха, потому что все Я уже знаю и тебя не поведу на поражение...

А тем не менее путь наш крестный. Если мы хотим кому-нибудь принести дар жизни, мы можем его принести, только отдавая свою жизнь. И когда я говорю «отдавая жизнь», это не

значит: умирая физически, но – каждый день, каждую минуту зная, что я посланник Божий и что я должен свое «я», все, что у меня есть, истощить, отдать каждому голодному и нуждающемуся. Я говорю не о физических дарах только, а обо всем, что мы можем дать: знание правды Божией; любовь Божию; надежду – тем, где нет надежды; радость – там, где нет радости, и т.д. Так что эта молитва нас больше обязывает, чем обнадеживает, в том смысле, что когда мы говорим «Да приидет Царствие Твое», мы на себя берем обязательство; мы знаем, что Господь верен, что Он будет с нами, но Он от нас ожидает того, что в Свое время сделал Сам для нас.

Слова «Да будет воля Твоя» (Мф.6,10; Лк.11,2), думаю, надо понимать так же. Потому что мы часто лицемерим (может быть, не вы, но я – лицемерю) вот в чем; мы часто Бога просим о чем-то, чего хотим: «Да будет воля моя, Господи», – но мы себя страхуем и кончаем молитвой: «Да будет воля Твоя...» И таким образом, что бы ни случилось, моя молитва исполнена: если по-моему вышло, тем лучше, а если по-Божьи вышло – я же Его просил об этом... Значит, я победил по всей линии. Нет, этого недостаточно, этого мало. Когда мы говорим «Да будет воля Твоя», это значит, что мы берем на себя труд познавать эту волю, жить этой волей, проводить ее в жизнь. А воля Божия – спасение мира; воля Божия – все, что содержится в понятии: жертвенная, крестная, отдающая себя, уязвимая, беззащитная любовь – ради того, чтобы другой человек мог жить, ожить, вырасти в полную меру. Вот некоторые черты этих первых прошений; но в совершенстве эти первые прошения может произнести только Господь. Он нам говорит, что «Царство Божие» внутри нас (Лк.17,21). В Нем полнота Царства Божия. В нас мы его должны водворить; мы должны Христа посадить на престол внутри себя, чтобы Он был Царем и Господом всей нашей жизни: мыслей, чувств, желаний, движений, действий. Но Он может сказать полностью «Да будет воля Твоя», потому что исполняет не Свою волю, но «волю пославшего Его Отца» (Ин.6,38). Эти прошения – чисто сыновние, и мы можем в них участвовать, только поскольку мы тесно и глубоко связаны с Господом Иисусом Христом. И мы связаны с Ним глубоко. Мы

связаны с Ним крещением, мы связаны с Ним даром Святого Духа в миропомазании, мы связаны с Ним причащением Святых Таин Тела и Крови Христовых. И если употреблять другой образ, который употребляет апостол Павел: мы привиты к живой маслине (Рим.11,17), мы – как умирающая ветка, которую садовник вдруг обнаружил и хочет привить, с тем чтобы она снова ожила.

Подумайте о том, что происходит. Вот живет какой-то росток, пустил слабые корни в бедную почву. Этот росток неминуемо умрет, хотя временно тянет из земли немножко жизни. И вдруг приходит садовник и ножом отрезает его от корней, и этот росток уже не может питаться даже тем малым, что ему земля давала. Течет из него жизнь; он ближе к смерти, чем когда был в земле. Но этим не кончается. Садовник идет к животворной маслине, этим же ножом надрезает ее и рана к ране присоединяет умирающий росток к животворному стволу, и вся жизнь, все жизненные соки ствола начинают пробиваться в росток и наполнять его жизнью, которую он никак не мог получить от бедной почвы, где он был, которую он может получить только от Божественной жизни. Но помните: рана к ране. Христос-дерево тоже изранено, чтобы оно могло соединиться с ростком. И вот наша судьба. Каждый из нас путем крещения так привит ко Христу. Конечно, Христова жизнь пробивается постепенно, потому что росток-то не готов, – каждый посмотри на себя – но пробивается, пробивается, и рано или поздно этот росток начнет оживать жизнью животворного дерева, которое из него делает не нечто новое, а приводит в реальность, в расцвет все то, что могло в нем быть и что не осуществилось. В этом смысле мы уже соединены со Христом и уже дети Божии; а вместе с тем в нас только пробивается эта сила. Отец Георгий Флоровский мне говорил как-то, что в крещении в нас вкладывается семя жизни, но это семя должно быть защищено, его надо питать; когда начнет росток появляться, его надо поддерживать. Это не внезапное вторжение полноты вечной жизни, это постепенное возрастание; но в тот момент, когда эта вечная жизнь до нас дошла, мы уже как бы у цели. Воплощение Христово – уже конец мира в том

смысле, что Бог и человек едины и цель достигнута в Нем, а раз в Нем, то уже зачаточно и в нас. Последнее свершение, когда Бог явится во славе и мы вращаем в эту славу и тайну, уже начинается в момент, когда никто еще не знает эту тайну, кроме Спасителя Христа и Божией Матери. Вот первое положение.

Второй момент такой. В какой-то мере мы уже Христовы, в какой-то мере мы уже обладаем жизнью Христа и можем быть в том обществе, в том мире, в котором живем, как бы телесным, воплощенным присутствием Спасителя. В нас Он живет не полностью, не так, как апостол Павел говорил: «Не я живу, но живет во мне Христос» (Гал.2,20). К сожалению, я еще живу, и во мне Христос живет, как младенец или как подросток, который постепенно вырастает, так, чтобы наконец я стал тем, что Он есть. Однако это так. И поэтому наше присутствие в этом мире – это уже присутствие Христа. Когда христианин приходит куда бы то ни было, даже когда он об этом не думаем, в нем приходит Спаситель Христос, потому что он крещен во Христа, он причащен Телу и Крови Христовым; и дары Божии неотъемлемы. Это так страшно – и так дивно, потому что, когда смотришь на себя, думаешь: как же это так?! Есть место у святого Симеона Нового Богослова о том, как, причастившись Святых Таин, он вернулся в свою келью и говорит: «Я сижу в этой убогой келье на досках, которые мне служат и скамьей, и постелью, созерцаю дряхлое свое тело – я старик, я скоро умру, – гляжу на эти старческие руки и с трепетом и ужасом вижу члены тела Христова. Я причастился Таин Божиих, и во мне, пронизывая меня, как огонь пронизывает железо, – Христос. И эта малюсенькая хижина, где я живу – шире небес, потому что небеса не могут вместить Господа, а эта хижина в моем лице содержит Христа воплотившегося...»

И это случается с каждым из нас – всякий раз, когда мы идем причащаться, с какой-то особенной интенсивностью. Но, как я уже сказал, дары Божии неотъемлемы; в нас остается все то, что мы получаем в причащении, в разрешительной молитве, в благодати Божией, которая изливается на нас свободно, когда Господь захочет того. Мы этого не замечаем, а другие порой замечают – и вот это потрясающе. Как может быть, что мы не

видим того, что в нас происходит? – Потому что мы этого не ожидаем. Большею частью человек видит то, что он ожидает видеть; и мы не видим, потому что как-то забыли, что это так.

У меня есть племянница, которая собиралась выйти замуж за неверующего молодого человека. Он никогда не ходил в церковь, потому что считал, что не имеет права туда вступать, так как не верит ни во что: ни в Бога, ни в то, что там совершается; и он ее ждал снаружи. Как-то она причащалась. Он не знал об этом ничего, он просто знал, что она была в церкви. Они шли после службы, он – на расстоянии метра от нее. Она говорит ему: «Почему ты не возьмешь меня под руку?» Он ответил: «Не могу приблизиться. В тебе есть что-то такое величественное, что я не могу подойти ближе к тебе и, конечно, не могу тебя коснуться...» Вот как человек чуткий, которому тогда было дано что-то ощутить, увидел то, что сама она не ощущала в такой же мере. Я сейчас не вдаюсь ни в какие объяснения, а просто вот вам факт.

Дальше идут другие прошения. На эту часть можно смотреть как бы в два направления, и я хочу начать по ходу молитвы.

Мы видели, чем мы должны быть; но как этого достичь? И Молитва Господня нам сразу говорит: «хлеб наш насущный даждь нам днесь» (Мф.6,11). Какой хлеб? Бог знает, что после падения человек должен кормиться плодом своего труда. До падения он мог жить, как Спаситель говорит сатане в пустыне, творческим, промыслительным словом Божиим, но падши и потерявши полноту общения с Богом, он должен получать какую-то долю своего существования от той земли, из которой он взят. Так что это прошение относится к самому хлебу, но не только. Спаситель говорит: «Я... хлеб сшедший с небес» (Ин.6,41). Это относится к Слову Божию, к Его Личности; из этой Личности как бы два потока идут: Его учение и таинства – причащение Тела и Крови.

Вот перед чем мы находимся. Господь нас не забудет, даст хлеб материальный, вещественный, но чего мы должны искать в Нем – это встречи с Ним как Словом Божиим. Это то слово, которое Он произносит в Евангелии, которое нам указывает

путь, и это те Тайны, которые приобщают нас Ему в связи со словом сказанным. Есть место в писаниях одного кармелита, католического монаха средних веков, где он пишет, что если мы справедливо говорим, что Христос – Слово Божие, то мы должны понять, что Бог есть та бездна молчания, из которого только и может прозвучать совершенное слово – и не только как звук, а как воплощенный Сын Божий.

А дальше? Дальше прошение: "Оставь нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим» (Мф.6,12). Да, мы приобщились Богу в слове, в таинстве и в общении с живым Христом. Теперь Христос нам ставит вопрос: Я в момент Моего распятия сказал: «Прости им, Отче, они не знают, что творят...» (Лк.23,34). Ты – на грани; ты можешь войти дальше в жизнь, только если, подобно Мне, готов сказать: прощаю тем, против кого я что-то имею. Если ты этого не скажешь, ты не можешь идти дальше в ту пустыню, где будут искушения, где будет встреча с сатаной, – ты будешь побежден; в тебе достаточно зла, чтобы тебя сокрушил сатана и взяло в плен искушение. Остановись, это грань такая же, как в заповедях Блаженства: «Блаженны милостивые... они помилованы будут» (Мф.5,7); не помилуешь – нет пути. И это опять-таки не пожелание, это не значит: Господи, Ты – оставь, а я – повременю... Григорий Нисский говорит потрясающую вещь: тут Господь согласен на то, чтобы уподобиться нам; Он простит нас так же щедро, как мы прощаем, и Он призывает нас прощать так же великодушно, как Он прощает... И это грань, перед которой каждый из нас стоит.

Помню, когда я был подростком, у меня была вражда с товарищем (думаю, что я не единственный согрешил таким образом), и я своему духовнику сказал: «Что мне делать? Когда я дохожу до этого места, я останавливаюсь и думаю: Кириллу не могу простить!» (До сих пор запомнилось, шестьдесят лет прошло!...) Он мне ответил: «Что же, дойдешь до этого места, скажи: Не прости меня, Господи, потому что я Кириллу не прощу...» Я говорю: «Не могу!» – «А ты моги – или прости...» Тогда я подумал схитрить; я дошел до этого места и попробовал перескочить через этот ров... Тоже не выходит, потому что как

же я могу не сказать то, чего Бог от меня ожидает? Сказать то, что я хочу – не могу; сказать то, что Он хочет – не могу. Пошел обратно к отцу Афанасию: «Что мне делать?» Он ответил: «Знаешь, если не можешь, но хотел бы, хоть немножечко хотел бы простить, когда дойдешь до этого места, скажи: Господи, я хотел бы простить, да не могу, а Ты попробуй меня простить как бы вперед». Я попробовал – тоже не выходит; как-то «не то» Богу говорить: Ты мне все дай, а я Тебе крупички насыплю, как пташке... Я боролся с этим, боролся неделями, и, наконец, Бог должен был победить. Мне пришлось сказать: «Да, я должен простить Кирилла...» Пошел к Кириллу, говорю: «Ты – такой-сякой-этакий, но я тебя прощаю...» Он говорит: «Нет, давай мириться!» И тогда пришлось мириться, то есть не с Кириллом «таким-сяким-этаким», а его принять таким, какой он есть.

Я хочу сказать нечто о примирении и о прощении. Мы всегда думаем, что «простить» значит «забыть». Ну, ушло в какую-то древность, случилось три недели тому назад, десять лет тому назад, больше не болит, не мучит меня – забуду... Это не прощение. Забыть – не значит простить. Прощение начинается в момент, когда я еще чувствую рану и могу сказать: Хорошо, я этого человека принимаю, какой он есть, сколько бы он мне боли ни причинил: я его приму, как Христос меня принимает, и я буду нести его, если нужно, либо как пропавшую овцу (если он дается), либо как крест, на котором я должен умереть, чтобы он жил, потому что у креста я смогу сказать: Прости ему, Господи, он не знал, что творит... Потому что жертва всегда получает божественную власть отпустить грехи, простить своего мучителя.

И это – цель. Я помню, одна моя прихожанка пришла, говорит: «Знаете, отец Антоний, не выношу Екатерину Сергеевну, сбудьте ее из прихода, я не могу ее больше терпеть!» Я говорю: «Знаете что, Ирина, вы должны терпеть Екатерину Сергеевну, я должен терпеть ее и вас, а Бог должен терпеть всех троих – кому хуже?..» Значит, тут грань, нельзя входить в компромисс, никуда не уйдешь от этого, и только если ты на это решишься (конечно, в совершенстве мы не умеем прощать, но если хоть волей, намерением мы говорим: да, я

хочу простить; у меня не хватает великодушия, чтобы все было так, как надо, чтобы я этого человека взял на плечи, как крест, как овцу, но я готов на это, я буду вращаться в эту меру), – только тогда мы можем вступить в то, что я назвал несколько минут тому назад пустыней: то место, где я буду стоять перед лицом искушения. «Искушение» по-славянски значит две вещи: во-первых, то, что мы называем искушением, то есть то, что побеждает нас своим соблазном; и во-вторых, испытание. Помните, апостол говорит: Бог злом не испытывает (Иак.1,13). Если Он ставит нас перед лицом возможного падения, то потому, что увидел в нас достаточно веры, верности Ему, чтобы сразиться с этим искушением.

И вот, мы вступаем в область, где на нас начнут находить испытания, искушения, так же как когда Христос в полноте Своей силы после крещения пошел в пустыню, появился дьявол и Его начал соблазнять. Соблазняет он самыми простыми вещами: «Ты же сорок дней не ел. Если Ты Сын Божий, как Ты воображаешь или как Ты собираешься говорить, что Тебе стоит из камней сделать хлеб и насытиться? Если Ты Сын Божий...» И как легко нам сказать: «Да, я ведь Бога называю Отцом, Христос меня признает за брата, я молился сыновней молитвой, я крещен, я причастился Святых Даров, я в меру моих сил простил всем – почему бы в этом духе Христовом не употребить Божественную силу на то, что мне нужно?...» – Нет!..

Потом сатана нам скажет: «Испытай свою силу. Ты говоришь, что ты соединен со Христом крещением, – вздор! Докажи; не верю...» И мысль приходит: а что если мне на самом деле доказать (конечно, не сатане, а кому-нибудь вокруг)? Да, со мной случилось что-то замечательное. Ты только на меня посмотри, ведь я новая тварь... Не в таких глупых словах, но в таком же направлении (потому что мы находим более подходящие слова для того, чтобы свою гордыню или тщеславие проявить). Или сатана говорит: «Смотри, сколько в тебе силы, возможности; неужели ты будешь довольствоваться тем малым, к чему ты призван? Ведь я могу тебе дать власть, я из тебя могу сделать – правителя, директора, полковника, что

угодно; у тебя будет власть над людьми...» И тут тоже надо сказать: «Нет, мне это не нужно, я призван быть таким же смиренным, как Христос; мне ничего не нужно, я ничего доказывать не буду ни тебе, ни себе...» Вот это на нас будет находить. Можно массу примеров дать тех искушений, которые к нам могут прийти, но это не нужно – принцип поставлен.

А затем – «Избавь нас от лукавого» (Мф.6,13; Лк.11,4). Это значит, что не только найдут на нас общие искушения, которые так легко рождаются во мне самом, но сам бес придет и приражится мне, и будет стараться меня сломать. Помоги, Господи!

И заканчивается это потрясающим образом. В момент, когда мы говорим, что на нас сейчас может напасть бес, нас ломать, нас разрушать, мы кончаем песнью хвалы: «Яко Твое есть Царство, Твоя сила» (Мф.6,13); **все** у Тебя есть, и мне не страшно, потому что Ты есть. Это – то, как нас Бог посылает в мир; но, с другой стороны, мы можем подумать об этом в других категориях. Мне как-то представилось (и это для меня сыграло большую роль), что вторая часть Молитвы Господней точь-в-точь соответствует рассказу об исходе евреев из Египта, и я вам сейчас быстро скажу, как мне это представилось.

Евреи пришли в Египет свободной волей, потому что было голодно, а там был хлеб. Мы все идем в рабство, потому что где-то есть хлеб, а нам голодно; мы поддаемся рабству только из-за этого и только таким образом. Приходим мы туда, и, конечно, нас приглашают к столу, но постепенно нас делают рабами: рабами нашего голода, рабами наших хозяев, рабами обстановки. И в какой-то момент мы просто не что иное как рабы. И вместе с этим, если из глубины нашего рабства (как в псалме говорится: «Из глубины возвах к Тебе, Господи» (Пс.129,1)) мы можем восклицать: и однако, «Твоя есть сила и слава во веки веков» (Мф.6,13); если даже из глубины нашего отчаяния и отчаянного положения мы все-таки можем вознести Богу торжественную хвалу, потому что, что бы со мной ни было, я могу ликовать о славе Божией, – настанет момент, когда Моисей придет к нам и скажет: «Выходи на свободу, идем».

Тут первое сражение с сатаной. «Сатана» по-еврейски значит противник, тот, который наперекор воле Божией требует от нас или соблазняет нас, зовет нас к тому, что несовместимо с Богом и с вечной жизнью. И вот тут, на грани голодного рабства и свободы, которая будет еще голоднее, чем рабство, сатана говорит: «Ты пойми, что тут будет...» А мы должны силой Божией сказать: «Отойди от меня, сатана!» (Мф.16,23) «Да воскреснет Бог и да расточатся враги Его...» (Пс.67:2) И выйти, уйти из обеспеченности, хотя и рабской, уйти от места, где нас кормят, хотя и за цену нашей свободы и нашей личности, и идти в пустыню.

В этой пустыне опять-таки поднимаются соблазны. Вы помните, как евреи вышли в пустыню и вспоминали котлы и мясо, которое им давали в Египте: «Не лучше ли нам было быть рабами там, где была еда, чем свободными здесь, где мы зависим только от чудес?» Что такое, опять-таки по-еврейски, манна? Это хлеб с небес. А пустыня может быть очень долгой, и на дороге в пустыне вдруг мы встречаем Синай и Закон. И потом где-то рубеж, Красное море, которое соответствует в моем восприятии моменту, когда мы говорим: «Прости, как я прощаю», – только тогда можно уйти в пустыню, где больше ничего нет, кроме тебя в совершенно беспомощном состоянии, но всецело во власти Божией. И дальше наш выход в сыновство, выход в Обетованную землю. Если вы перечтете в Ветхом Завете книгу «Исход», если вы сравните то, что я говорил сейчас о Молитве Господней, с этой книгой, вы увидите, до чего здесь разные стадии похожи друг на друга. И тогда можно себе представить, что Молитва Господня является в этой ее части сокращением всеспасительного, промыслительного дела Божия, начиная с рабства и кончая освобождением моисеевым и водворением в Святой земле. И если у вас живое воображение и интерес к этим вещам, вы можете посмотреть тоже, как заповеди Блаженства точно раскладываются по разным частям этого исхода, этого постепенного шествия из рабства в Обетованную землю. И опять-таки, если вы посмотрите на чин крещения, вы увидите, что и он построен по тому же принципу. (Когда я говорю о

принципах, я, конечно, не хочу сказать, что каждую деталь можно найти в каждом из этих моментов, но это все те же самые моменты). Оглашенный приходит, и что случается? Первое действие священника: он возлагает свою руку на главу пришедшего к нему во имя Божие и берет этого человека под защиту Господа, и только тогда спрашивает его: «Отрицаешься ли ты сатаны?» Потому что только если мы – под защитой Божией, можем мы отвергнуть рабство того, кто над нами до сих пор имел власть. Соединяешься ли со Христом? И только тогда можно идти дальше и дальше, погрузиться со Христом в смерть Христову и в жизнь вечную воскресения, и в сыновство. Чтобы развить это толком, конечно, требуется гораздо больше времени; я думаю, что вам самим будет совсем легко это проследить. Но мне хотелось бы, чтобы вы подумали: может быть, я не прав, но мне кажется замечательным в Молитве Господней то, что нам показан совершенный образ в начале, потом весь путь, как туда дойти, и когда мы дошли хоть сколько-то до общения со Христом и слышали Христа говорящего нам: Иди в мир, будь моим глашатаем, будь Моим посланником, – опять ступень за ступенью Он нам показывает, как идти, с каким богатством вступать, на каких условиях начать эту борьбу и с чем, в конечном итоге, нам надо сразиться: с сатаной лицом к лицу.

ВСЕ ДЕЛО В ВЕРНОСТИ...

В чем разница между нашим отношением к вере и жизни и отношением тех, кто отошел от христианства и обратился в другую веру? В этих людях меня поражает не только то, с какой убежденностью они относятся к вероучению и его интеллектуальным и эмоциональным последствиям, но и то, с какой серьезностью они стремятся жить согласно своей новой вере; особенно поразительна та серьезность и внимательная строгость, с какой люди ведут себя, став мусульманами, индуистами или буддистами. Я хочу сказать, что предписания своей веры они стараются выполнять гораздо строже, чем это делает большинство христиан.

Среди христиан бытует мнение – мнение законное -, что во взаимоотношениях, будь то между Богом и человеком, будь то между людьми, один из самых важных элементов – естественность и искренность. Но естественности и искренности не всегда достаточно, чтобы наша жизнь была динамичной и целеустремленной. Например, молитва должна бы быть естественным побуждением нашей души; но опыт показывает, что желание молиться приходит временами – а молимся мы нерегулярно; временами у нас случаются позывы сотворить доброе – а до дела мы не доходим. Одна из вещей, которых нам больше всего не хватает, это равновесие между естественным порывом, правдивостью, достоверностью – и дисциплиной, которая воспитала бы в нас верность собственной правдивости, сделала бы нас способными хранить свою достоверность всегда или почти всегда.

Говоря прежде всего о молитве, – конечно, Богу не доставляет никакой радости, когда мы выполняем ее механически, из страха перед Ним или в надежде, что в ответ на наши потуги Он «вознаградит» нас так ли иначе. Отношения любви не могут быть отношениями раба или наемника. Но вместе с этим, устойчивость в усилии достигается только дисциплиной. Святой апостол Павел совершенно ясно указывает на это, когда говорит, что наше обучение духовной

жизни должно быть таким же беспощадным, как тренировка атлета, стремящегося к победе. То же можно сказать об ученом или о любом человеке, страстно устремленном к цели: неутомимый, суровый, самоотверженный подвиг; а сколько **у нас** его есть?

И вот для того, чтобы этот подвиг не ослабевал, нас должно питать какое-то побуждение: жажда, тоска, радость, боль: не просто умственное решение, и никак не простое усилие воли, потому что усилием воли можно выполнять вещи механически, но не всегда усилие может пробудить сердце и все наше существо.

Что же может создать такое естественное побуждение, которое повело бы нас к Богу и развилось в дисциплинированный и творческий строй жизни? Вы помните, что мы называем Духа Святого «Утешителем» (Ин.14,26); это означает, что Он подает утешение; это означает, что Он подает крепость, – подает также и радость. И вот если спросить себя: жаждем ли мы, чтобы Дух Святой укрепил нас, утешил, вдохнул силу, – что мы можем ответить? Когда, по-человечески говоря, мы в трудных обстоятельствах: в болезни, или в безотчетной тоске, тогда мы ищем поддержки, а иногда, когда мы неисцельно ранены, ищем и утешения. Но это не относится по-настоящему к Богу, потому что мы не глубоко переживаем то, как мы далеки от Него. Мы не переживаем разлуку с Ним. Мы не чувствуем себя осиротелыми, как потерявшийся в толпе ребенок, мы не плачем от горя о том, что Бог не с нами в каждую минуту, как мы горюем, когда разлучены с людьми, которых горячо любим. Их отсутствие мы переживаем, мы тоскуем по звуку их голоса, нам хотелось бы взглянуть им в лицо, нам хотелось бы разделить с ними свои мысли и чувства, мы так хотели бы им все рассказать.

Так ли мы относимся к Богу и ко Христу? Чувствуем ли мы, – и это просто объективный факт – что потеряли контакт с Ним, что, хотя невидимо Он и здесь, Его присутствие для нас не ощутимо? Живой контакт с Богом бывает в редкие блаженные мгновения, но, как правило, мы Его не ощущаем. И вот, чувствуем ли мы себя потерянными без Него? Жаждем ли мы

скорее восстановить отношения, когда они нарушились, или найти Его вновь, когда мы Его потеряли? Если бы так, мы могли бы обратиться к Святому Духу и сказать: Приди! Я так осиротел без общения с Живым Богом!.. Но мы не зовем Его... Может быть, мы и скажем это, потому что невозможно не сознавать этой разлученности; но чувствуем ли мы действительно, что если нет Его – все утратило красоту, сияние, все стало тусклым и безжизненным? Подобно тому, как в отношениях с людьми мы ощущаем, что не можем радоваться ничему, если любимый человек не с нами. И не стараемся ли мы заполнить чем угодно ум и сердце, чтобы отвлечься, забыть утрату, забыть пустоту?

Вот с чего все начинается; мы должны поставить перед собой вопрос: скучаем ли мы по Богу? Или хватит с меня, что Он существует, и я могу обратиться к Нему, когда Он нужен, чтобы исполнить мои требования, использовать Его, когда мне не хватает собственных сил и способностей? Если мы не тоскуем по Богу, мы утратили основное побуждение, чтобы кричать, и кричать, и кричать к Нему: «Приди, Господи Иисусе, и приди скоро!» – как Церковь и Дух взывают ко Христу в конце книги Откровения.

Другой, противоположный опыт также может побудить нас к молитве – чувство Божия присутствия: Он рядом, я с Ним. Все, что я могу – это поклониться, припасть к Нему в глубоком безмолвии, или наоборот, беседовать с Ним, как Ветхий Завет говорит о Моисее: как друг беседует с другом (см. [Исх. 33,11](#)). Вот два предела: ощущение сиротства и неутешной тоски о том, что мы не можем до Него **до чувствовать**, или же неопиcуемый восторг о том, что Бог здесь, и я могу припасть и поклониться Ему.

Из этих двух источников у нас может естественно родиться молитва к Богу. Но и тогда наш естественный порыв очень часто нуждается в поддержке привычкой, дисциплиной: все мы знаем, как легко рассеивается наша мысль, как легко мы устаем делать даже то, что нам нравится делать. Постоянство, стойкость, устойчивость, верность – все обозначают одно и то же: способность не бросить все, а продолжать начатое, даже когда естественный порыв ослабевает.

О человеческой душе и ее отношении к Богу Феофан Затворник говорит, что мы должны быть, как правильно настроенная струна: если струна перетянута, она может лопнуть от прикосновения; если она натянута недостаточно, она не издаст нужного звука. Эта настройка самих себя означает то же самое, что говорил апостол Павел о тренировке атлета, которая укрепит наши мышцы, даст нам гибкость, целеустремленность и разовьет все наши способности.

Люди часто отшатаываются от слова «дисциплина». Но дисциплина – не подчинение, не покорность, не такое состояние, когда воля одного сломлена более сильной волей другого. Дисциплина – это состояние ученика, последователя, – того, кто нашел учителя и принял его себе учителем, кто не только расположен, но жаждет услышать всем своим существом, всем умом, всем сердцем каждое слово, вслушаться в звучание голоса, взглядеться в выражение лица, через видимое уловить невидимое – тот опыт, который лежит за пределом слов; слов иногда очень простых, или совета, который может быть озадачивающим, и уловить, узнать любовь за покровом сдержанности, а иногда и суровости и требовательности. Дисциплина – это такая тренировка, которая сделает нас способными продолжать трудный поход именно в том направлении, куда естественно стремится наше сердце.

В отношении молитвы это означает такую тренировку ума, которая сделает его способным к неуклонному вниманию, такое обучение сердца, которое воспитает в нем верность, но также – потому что ум и сердце в большой степени зависят от решимости и воли и от состояния тела – это означает воспитание воли и тренировку тела.

Как часто – и не только в отношении молитвы – у нас возникает побуждение сделать что-либо: мысль пришла, сердце порывается, но мы не привыкли понуждать себя к действию. А если и начинаем что-то, тотчас выдыхаемся и уже не можем делать чего бы то ни было.

В «Дневнике» отца Александра Ельчанинова (не помню, в той ли части, которая опубликована, или в рукописи) в одном месте говорится, что мы не должны допустить ни секунды

промедления между благой мыслью и ее исполнением; иначе тут же закрадется мысль: а правильно ли это? Нужно ли действительно? Не сделать ли это когда-то позже? Не сделает ли это кто-то другой? Стоит ли делать вообще? – и дело остается невыполненным. Решимость к действию должна быть незамедлительной, чтобы не дать себе увильнуть от исполнения. Но при этом должна быть и выучка, которая поможет нам выполнять начатое дело с постоянством.

Одна из проблем в отношении молитвы это рассеянность. Возникла ли молитва от чувства сиротства – того, что мы воспринимаем как отсутствие Бога, или наоборот, потому что мы отозвались на чувство Его присутствия, но в результате того, что мы привыкли реагировать на видимое, невидимое присутствие Божие постепенно как бы бледнеет, становится неуловимым, и молитва рассеивается.

И вот, чтобы бороться с этим, духовные наставники из столетия в столетие учат нас воспитывать в себе внимание, собранность. Возьмите короткую молитву, всего несколько слов, которые вы сможете удержать в хрупких рамках своего внимания, и произносите их. Соберите все свое внимание, понуждая себя отзывать на эти слова всем сердцем, потому что изначально они родились из вашего же собственного сердечного порыва.

Мой духовник учил меня так выполнять вечернее и утреннее правило: встань перед Богом, закрой глаза, зная, что Он невидимо тут и что никакие видимые подпорки не помогут, а, наоборот, рассеют внимание; постой безмолвно в Его присутствии, сознавая Его величие, но также и Его любовь; затем перекрестись со всем вниманием, исповедуя свою веру этим крестным знамением (попутно напомним здесь, что православное знамение креста делают, сложив вместе три первых пальца в исповедание нашей веры в Святую Троицу и согнув к ладони другие два пальца в память Божественной и человеческой природ во Христе).

Обычно мы исповедуем свою веру Богу, ангелам, святым и самим себе. Но бывают обстоятельства, когда перед лицом ненависти к Богу единственное, что мы можем сделать – это

перекреститься, и тогда крестное знамение означает, что мы берем на себя смертный крест.

И вот: перекрестись – и постой спокойно; затем произнеси одну фразу молитвы, неспешно, собранно, не стараясь возбудить в себе никаких эмоций, но со всем убеждением и отзываясь сердцем на произносимые слова: *Благословен Бог наш...* Затем снова постой спокойно, потом положи земной поклон, произнося эти же слова, встань и произнеси эти слова снова. И так – все утренние и вечерние молитвы. Потому что цель молитвы – запечатлеть эти слова так, чтобы они пронизали все наше существо, и произносить их со всей правдой, на которую мы способны. Вы скажете, что если молиться так, то утреннее и вечернее правило станут бесконечно долгими. Не бесконечно, но, да – долгими! Но тут можно обратиться к совету Феофана Затворника; он говорит, что если у тебя время ограничено, то отведи молитве определенное время. Заведи будильник и молись, не думая о времени, не заботясь ни о чем, кроме того, чтобы произносить слова молитвы со всем трепетом, со всем благоговением, со всей убежденностью, на которые ты способен. И сколько бы ты ни прочитал молитв, пока не прозвонит будильник, считай, что ты выполнил утреннее или вечернее правило, потому что единственное, что важно, это чтобы слова молитвы, мысль, которая в них содержится, чувство, которое она пробуждает, дошли до самых глубин нашего сознания. Очень важно научить свой ум быть совершенно устойчивым и собранным.

Но он не может быть ни устойчивым, ни собранным, если мы пытаемся уловить Божественное присутствие вне самих себя. И тут, мне кажется, тоже очень важно не говорить Богу неправдивых слов, не только таких, которые не выражают нашего чувства или нашего опыта, но и таких слов, о которых мы не можем поверить, что они – правда. И некоторые духовные писатели советуют произнести такие слова, а затем остановиться и сказать Богу: Господи, я произнес слова, которые превосходят меня; они, конечно, правдивы, потому что выражают опыт людей, которые больше меня, но я не могу отождествлять себя с ними. Прости мою нечуткость, мою

слепоту, помоги мне понять их... И если мы знаем, который из святых отчеканил слова той или иной молитвы, мы можем обратиться к нему и сказать: Я говорил твоими словами, они выражают твой опыт Бога и самого себя, который далеко превосходит мой опыт. Помолись обо мне! Если можешь, просвети мое понимание. Прими эту мою молитву и принеси ее Богу... И если мы будем так молиться, не беспокоясь о том, прочитали ли мы все положенные молитвы, вероятно, окажется, что мы прочитали всего несколько строк. Но однажды мы вдруг обнаружим, что подлинно погрузившись так в одну молитву за другой, мы слились с ними, они стали нашей правдой... Это также предполагает, что если мы прочитали только небольшую часть правила, на следующий день мы начнем с того места, где остановились вчера. И так, день за днем – или месяц за месяцем, это совершенно неважно – мы пройдем через все молитвенное правило. Главное – запечатлеть слова молитв в своем уме, запечатлеть их в своем сердце, научиться справляться с физической и с общей неустойчивостью так, чтобы, в конце концов, можно было стоять перед Богом часами, не замечая времени.

У Иоанна Лествичника есть замечательные слова; он говорит: «Если твое внимание отвлеклось от слов молитвы, верни его в ту точку, где ты потерял молитву, и повтори эти слова. Повторяй их, пока не сможешь произнести их от всего ума и сердца». И он говорит – и, я думаю, это следует помнить, – что рассеянность может быть вызвана отсутствием у нас выучки, но она может быть и искушением извне. «Но, – говорит он, – если мы проявим постоянство, то даже искушение научит нас молиться гораздо усерднее».

Вот один из способов, которым можно собрать свой ум, и сердце, и волю, и воссоединить их с нашим физическим существом так, что не только какая-то доля нас самих, но все наше существо предстоит Богу и поклоняется Ему – как апостол Павел говорит, чтобы мы прославляли Бога и в душах наших, и в телах наших.

И далее – верность, которой Христос ожидает от нас как от Своих учеников, постоянство в нашем делании, верность

заповедям, которые Он дал нам: не законническая верность, и не боязнь быть судимыми за нарушение заповедей или невыполнение их; но если Его заповеди не станут для нас вторым естеством, если они не вытеснят постепенно нашу первую падшую природу и не станут для нас нашей новой природой, мы никогда не станем способными действовать заодно с волей Божией изнутри самих себя; иначе говоря, настолько слиться с Божественной волей, Божиими мыслями, Божиим сердцем, чтобы стать едиными с Богом во Христе. Вот, в каком-то смысле, простой способ научиться молиться и научиться жить убежденно, преданно и устойчиво. Остальное – Божие дело. И в этом заключается наша надежда. Наша надежда не в том, что мы можем так выдрессировать себя, что достигнем невозможного: общения с Богом, единства с Ним. Настроить музыкальный инструмент еще недостаточно, нужна еще рука, которая играла бы на нем. И рука эта – рука Божия. Наше дело – настроить музыкальный инструмент настолько совершенно, насколько можем, и тогда исполнится и в нас слово, переданное апостолом Павлом: «достаточно тебе благодати Моей;... сила Моя проявляется, действует в немощи». (2Кор. 12,9) Не в расслабленности, не в малодушии, не в лени или беспечности, но в такой гибкости нашего человеческого естества, которая может быть наполнена силой Божией.

И вот, люди, держащиеся нехристианской веры, идут путем, который им указали их учителя и наставники. Мы же сделали христианство сводом нравственных законов, которые и нарушаем постоянно. И когда дело доходит до покаяния, мы каемся на этом уровне. Но не на этом уровне Бог ожидает нас и мы можем ждать встречи с Ним. В отношениях любви все дело в верности, в единстве ума и сердца, а не в выполнении или невыполнении.

Задумаемся над этим. Мы всего ожидаем от Бога; даем ли мы Ему возможность действительно что-то сделать для нас? Являемся ли мы тем музыкальным инструментом, на котором Он, ради нас же самих, мог бы играть мелодию? Подумаем об этом и принесем ему наше покаяние и нашу надежду. Покаяться не значит оплакивать прошлое; покаяться значит повернуться

лицом к Богу, взглянуть Ему в лицо, вслушаться в Его слова, восстановить отношения любви и взаимной верности. Покаяние – задание на будущее, а не только взгляд в прошлое. Вот почему, задумавшись над прошлым и настоящим, мы можем повернуться к Богу и сказать: «Благослови меня сегодня положить новое начало!..» Но «сегодня» зависит от нас. Благословение от Бога – а решимость и готовность должны быть нашими.

ПОПРОБУЕМ МОЛИТЬСЯ БОГУ ИСТИНОЙ

В первой своей сегодняшней беседе я хочу поставить два вопроса: почему верующий человек молится? И доступна ли молитва еще не верующему человеку?

Но, может быть, раньше всего следовало бы сказать, что такое молитва. Молитва это крик души, молитва – это слово, которое вырывается из сердца. Ставить вопрос о том, почему человек молится, для верующего так же непонятно, как сказать: почему любящий человек говорит любимой о своей любви? Почему ребенок плачет, обращаясь к матери в нужде? Потому что он знает, что на его зов отзовутся, что на его слова любви ответят радостью, ответной любовью.

Порой верующий молится потому, что его охватило живое, глубокое чувство Божией близости, Его присутствия. Это может случиться в храме, это может случиться дома, или в поле, или в лесу: вдруг человек почувствует, что Бог близок, сердце полно умиления, трепет наполняет его. И вот человек с молитвой благодарности, или радости, или просто трепета оборачивается к Богу. Царь Давид в одном из своих псалмов восклицает: «Господи! Радость Ты моя!» (Пс.31,7) – вот это молитва, самая настоящая. Иногда у пережившего такой опыт человека остается чувство: О, если бы всегда так было! Если бы продлилось! – и на него находит тоска по Богу. Ему кажется, будто теперь Бог отдалился или что он сам ушел от Бога. Это, конечно, не так; Бог бесконечно и постоянно близок к нам... И человек начинает искать Бога; как иногда в потемках мы щупаем вокруг себя в поисках какого-то предмета, человек ищет Бога не где-то в небесах, ищет Бога глубоко в себе, старается молитвенно, благоговейно погрузиться в собственные глубины, чтобы вновь стать перед лицом Божиим.

Этот опыт сродни опыту человека, еще не верующего, но ищущего. Основатель Студенческого Христианского Движения в России, барон Николаи², наслышавшись о Боге от своих сверстников и товарищей, почувствовал, что хочет дознаться – существует Бог или нет? И эта жажда уверенности побудила его

как-то на прогулке в лесу воскликнуть: «Господи! Если Ты есть – скажись!..» И какое-то глубокое чувство сошло на него, и он стал верующим.

* * *

Приступая сейчас ко второй беседе, я хотел бы поставить вопрос: каким образом неверующий человек может загореться желанием искать то, о чем, как неверующий, он и понятия не имеет? Недостаточно, что вокруг него есть верующие, которых он, может быть, и уважает, ум которых ценит, убеждения которых кажутся ему достойными внимания: для того, чтобы молиться, надо лично самому что-то пережить. И вот бывает, что человек, размышляя о себе, познает сразу две противоречивые вещи. С одной стороны, глядя на себя в этом бесконечно большом, огромном, порой страшном, опасном мире, он не может не ощутить себя как малюсенькая песчинка, которую может разрушить сила, мощь этого мира. А с другой стороны, обернувшись на самого себя, задумавшись над собой, человек вдруг обнаруживает, что в каком-то отношении он больше того громадного мира, где он является такой малой, незначительной, хрупкой песчинкой. Весь мир, который вокруг него, находится в плену двух измерений: времени и пространства, а человек в себе ощущает как бы третью величину: в нем есть глубина, которой нигде, ни в чем нет. Если мы подумаем о земном шаре и мысленно проникнем в него с какой-нибудь одной стороны, будем углубляться в него, уходить в самую его глубь, в какой-то момент мы достигнем его центра, и это предел его глубины. Если мы будем двигаться дальше, мы из этого земного шара выйдем и снова окажемся на его поверхности. Все вещественное имеет как бы толщину, но нет в нем той глубины, которая есть в человеке, потому что эта глубина – невещественная.

И вот в человеке есть голод к познанию, тоска по любви, изумление перед красотой, и сколько бы он ни познавал, только шире и шире разверзаются его познавательные способности; сколько бы любви ни вошло в его жизнь – его сердце делается все глубже и шире; сколько бы красоты он ни пережил через музыку, через природу, через произведения искусства, у него

все еще остается способность принять бесконечно больше, потому что все им испытанное уместается в него, уходит в какую-то бездну и оставляет его таким же открытым, таким же пустым. Кентерберийский архиепископ Рамзей сказал, что в каждом человеке есть глубина, есть простор, которые так же велики, как Сам Бог, и что эту глубину может заполнить только Бог. И мне кажется, что это правда.

И вот когда человек подумает о себе как о бесконечно малом существе в бесконечно громадном просторе мира и вдруг обнаружит, что весь этот мир слишком мал, чтобы заполнить его до края, он начинает задумываться: как же это так?.. И может начать ставить перед собой вопрос: что же меня может заполнить, если ни знания, ни любовь, ни красота меня до конца не могут удовлетворить, не могут закрыть эту глубину, эту бездну?..

И тогда, под влиянием ли собственных размышлений, чтения, встреч, под влиянием ли чужой молитвы, человек может искать неведомого, искать того, что может заполнить его душу, о чем говорят ему другие: это есть – ищи! Ищи углубления в себя, потому что в самой твоей глубине заложена тайна познания, но иного: познания Бога.

И на пути этого искания человек может начать молиться, молиться глубоким криком души: «Где Ты, Господи? Откройся мне, я не могу жить без смысла и без цели! Я теперь понимаю, что я не самодовлеющее существо, что весь мир мал, чтобы наполнить меня – но кто заполнит эту глубинную пустоту?..» И вот человек приступает к вере и к молитве, о которых я хочу сказать в следующей беседе.

* * *

В третьей беседе о молитве я хочу поставить вопрос о вере как об абсолютном условии плодотворной и честной молитвы. Современный человек часто боится заявить себя верующим, потому что ему кажется, что быть верующим это нечто специфическое, специально-религиозное, что это область, в которой он будет один, что другие культурные люди не могут иметь понятия о вере, что это упражнение ума и сердца им чуждо.

И вот мне хочется подчеркнуть сейчас, что это чистое недоразумение, происходящее от непродуманности. Вера – не только религиозное понятие. Вера имеет место во всех человеческих отношениях, имеет свое место и в научном изыскании. Священное Писание определяет веру как *уверенность в том, что существует невидимое*. Разве это не определение, которое охватывает всю нашу жизнь? Вот я встретил человека, меня поразило его лицо, я хочу с ним познакомиться – почему? Если существует только видимое, тогда то, что я увидел, должно было бы меня удовлетворить. Но я знаю, что лицо его интересно, значительно, потому что за видимым есть невидимое: есть ум, есть сердце, есть целая человеческая судьба. То же самое относится и к научному изысканию. Ученый не описывает предметы, которые вокруг него; он не удовлетворяется тем, чтобы различными именами назвать камни, обозначить цветки или зверей. Ученый сейчас идет гораздо глубже. Его внимание останавливается на внешнем, но его интерес обращен к тому, что невидимо. Видя предмет, он углубляется в природу материи, видя движение – в природу энергии, видя живое существо – в природу жизни. А все это является невидимым. Он только потому может заняться подобным изысканием, что совершенно уверен: за видимым кроется богатое, значительное невидимое, познание которого ему необходимо, потому что внешнее его не удовлетворяет, – это не познание.

Таким образом, вера – это состояние всякого человека в течение всей его жизни, все время, во всяком его общении с другим человеком. Вера – это подход ученого к окружающему его миру. Вера определяет все; и я помню как один советский представитель мне раз сказал: «Без веры человек жить не может!» Этим он хотел сказать, что нельзя жить без глубокого и сильного убеждения, которое определяло бы его поступки. Когда человек говорит, что он верующий и что предмет его веры – Сам Бог, он не доказывает свою некультурность; он лишь доказывает, что круг его искания, предмет его познания не только человек, не только живой мир вокруг него, не только вещественный мир, но что он, по той или иной причине,

пережил существование еще мира иного: может быть, мира красоты, мира глубин собственной души, а может быть, он ощутил уже веяние Божиего духа.

Вера имеет еще другое значение – значение доверия. Когда я говорю: «я верю тебе», это значит: «я тебе доверяю». То же самое верующий говорит о Боге, думая о Нем или обращаясь к Нему. Но доверять означает также следовать советам, указаниям. И поэтому для того чтобы вырасти в духовной жизни, познать глубину того опыта в познании Бога, который мы обычно называем верой, надо научиться жить так, как советует Бог, жить той жизнью, к которой нас призывает Сам Бог: это путь заповедей, о котором говорили древние подвижники, попытка слиться мыслью, и сердцем, и духом с Самим Богом не только в чувстве, но и в своих поступках.

* * *

Если сущность молитвы заключается в общении человека с Богом, в таком же общении, какое бывает между человеком и человеком, то, конечно, должно быть между Богом и человеком настоящее и глубокое понимание и сродство. Христос в Евангелии говорит: «Не всякий говорящий Мне: “Господи, Господи” войдет в Царство Небесное, а тот, кто творит волю Отца Моего...» (Мф.7,21)

Это значит, что недостаточно молиться, а надо, кроме молитвы, кроме слов молитвенных, еще жить такой жизнью, которая была бы выражением нашей молитвы, которая бы эту молитву оправдывала. Кто-то из древних писателей говорит: «Не заключай молитву в одни слова, сделай всю твою жизнь служением Богу и людям...» И тогда, если мы будем молиться на фоне такой жизни, наша молитва будет звучать правдой; иначе она будет сплошной ложью, иначе она будет выражением несуществующих в нас чувств и мыслей, которые мы у кого-то взяли, потому что нам кажется, что **так** с Богом надо говорить. А Богу нужна правда: правда нашего ума, правда нашего сердца, и **непременно** правда нашей жизни.

Что толку, на самом деле, если обращение не до конца правдиво? А правдивость начинается в тот момент, когда мы, становясь перед Богом, ставим себе вопрос: кто я перед лицом

Того, с Кем я сейчас вступаю в беседу? На самом ли деле я хочу с Ним встретиться лицом к лицу, влечет ли меня к Нему мое сердце? Открыт ли мой ум? Что общего между мной и Тем, к Которому я обращаюсь?.. И если мы обнаруживаем, что общего между нами ничего нет или слишком мало, то и молитва непременно будет или неправдивая, или слабая, бессильная, не выражающая собой человека. Я долго настаиваю на этом, потому что это очень важная черта молитвы: мы должны быть правдивы до конца. Встает тогда вопрос о том, какими словами молиться. Почему, например, в церкви молятся все чужими словами, то есть словами святых, словами, которые сложились за столетия из поколения в поколение? Можно ли такими словами молиться правдиво? – Да, можно! Только для того, чтобы это было правдивой молитвой, надо с людьми, которые молились столетия до нас всей душой, всем умом, всей крепостью, всем криком души, разделить тот опыт познания Бога и опыт человеческой жизни, из которых эти молитвы родились. Святые молитв не выдумывали; молитвы у них вырывались по нужде: или радость, или горе, или покаяние, или тоска оставленности, или просто – потому что и они настоящие, подлинные люди – опасность, перед которой они находились, вызвала эти молитвы, вырвала их из души. И если мы хотим этими словами молиться, мы должны приобщиться к их чувствам и опыту.

Как же это сделать? Можем ли мы перенестись на столетия назад? Нет, не можем; но есть где-то в нас один основной человеческий опыт, который нас с ними соединяет: мы люди, какими были они, мы ищем Бога, Того же Самого, Которого они искали, Которого они нашли; борьба, которая в нас происходит – та же самая, что и борьба, которая раздирала их души.

И вот мы можем от них научиться молитве, так же как в совершенно другой области мы расширяем свое познание, углубляем его, приобщаемся к опыту, который иначе был бы для нас недостижим, когда вслушиваемся в музыкальные произведения великих мастеров, когда вглядываемся в картины великих мастеров. Они жили той же жизнью, что и мы; только они воспринимали ее с утонченностью и глубиной, которые нам

не всегда доступны; а через их произведения мы приобщаемся к пониманию, которого у нас иначе не было бы.

Вот почему нам надо соединить жизнь и молитву, слить их в одно, чтобы жизнь нам давала пищу для молитвы и, с другой стороны, чтобы наша жизнь была выражением правдивости нашей молитвы.

* * *

В прошлой беседе я говорил о том, что за неимением глубокого личного религиозного опыта, мы можем молиться молитвами, которые вырвались из душ святых. Но сразу встает вопрос о том, как приобщиться не словам – это не трудно, а к тому опыту, который содержится в этих молитвах. Я уже давал в пример, что мы можем сделать это так же, как когда вслушиваемся в великие произведения музыкальных композиторов. Во всех отношениях они превосходят наш опыт. Не только в чисто музыкальном отношении, конечно; но их восприятие мира, глубина их чуткости, способность это восприятие мира выразить звуком, гармонией, внести такую дисгармонию, которая не разрывает смысл и строй, а наоборот, подчеркивает его и делает картину жизни и опыта реальной – вот эти свойства мы можем у них воспринять. У нас их нет, мы не часто так воспринимаем жизнь, как они. И вот таким же образом мы можем влиться в молитву святых.

Я могу это, может быть, также изъяснить другим примером. Бывает, что ребенок забыт где-нибудь в углу гостиной, когда разговаривают взрослые. Он слушает; сначала он слушает речь взрослых, и она ему кажется непонятной, нелепой: что это они все говорят о вещах, совершенно ему недоступных! Потом вдруг кто-то заговорил, и ему все стало понятно: этот человек рассказывает что-то, и через этот рассказ до ребенка доходит понимание жизни этого человека, он что-то может уловить, он слушает и всей душой отзывается: да, совершенно верно, это так, это так!.. А потом речь снова делается «взрослой», и он перестает понимать. А минутами взрослые говорят такие вещи, которые он никак не может воспринять, которые не только превосходят его опыт, но и идут вразрез с его опытом.

Так бывает с нами, когда мы вчитываемся и вслушиваемся в молитвы святых. Они – как взрослые, мы – как дети. Их опыт иногда бесконечно превосходит наш. Но если мы только станем слушать внимательно, с интересом – не стараясь приспособиться, а стараясь понять все, что нам доступно, и отреагировать на то, что нам недоступно, то наша молитва будет все глубже, утонченнее и правдивее. Минутами, отвечая, отзываясь на молитву святого, мы скажем: АМИНЬ! – что значит: «Да, да, это правда! Всей душой я с этим согласен!» Минутами его молитва станет нам непонятна, и тогда мы можем сказать: «Господи – не понимаю! Как же это возможно?..» Минутами такое выражение как «я самый большой грешник на земле», исходящее из уст человека, о котором мы знаем, что он святой, нам кажется совершенно нелепым, и мы скажем: «Господи, это не может быть, и я этого о себе сказать не могу, я не чувствую себя грешным!..» Вот тогда наша молитва будет правдива, тогда мы сможем приступить к молитвам святых, не стараясь влиться к ним искусственно, сделать вид, будто все эти слова – мои собственные, а употребить их так, чтобы о себе сказать правду и от святого узнать больше правды, чем до сих пор мы знали. Тогда наше сознание расширится, мы начнем понимать больше, чем мы понимали, мы будем понимать хотя бы то, что есть люди, у которых опыт глубже и больше нашего, как мы это понимаем, когда вслушиваемся в прекрасную музыку или вглядываемся в картину великого мастера. В следующей беседе я скажу еще немножко больше об этом, а пока подумайте о тех молитвах, которые вы знаете, и примерьтесь к ним, попробуйте узнать тех людей, которые их писали, из их слов, из их опыта.

* * *

В прошлой беседе я говорил о том, как мы можем влиться в опыт святых, вчитываясь, вслушиваясь в молитвы, которые они составили из глубины этого своего опыта: опыта познания Бога, жизни с Ним и своего глубокого человеческого опыта. Я сравнивал это приобщение к их опыту с тем, как ребенок может прислушаться к разговору взрослых, влиться в часть этого разговора, недоумевать о многом. Но когда это бывает с

ребенком, он не только слушает; в какой-то момент он может обратиться к кому-нибудь из говорящих и попросить его разъяснить, объяснить что-то.

Так же должны были бы мы поступать по отношению к святым, молитвы которых употребляем. Если действительно, как мы верим, «Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых" (Мф. 22,32), если все живы для Него, если в вечности те святые, которые на земле составляли эти молитвы, продолжают жить, то они могут быть и теперь нам близки. И вот приступая к какой-то молитве, подписанной именем одного из святых, как бывает в молитвенниках: молитва святого Иоанна Златоуста, Василия Великого, Марка Подвижника – раньше, чем приступить к этой молитве, почему не обратиться к святому и не сказать: святой Иоанн, святой Василий, святой Марк – я сейчас буду молиться твоими словами, я всей душой попробую приобщиться к краешку твоего опыта, – помоги мне!..

Чем же он может помочь? Во-первых, он может помолиться о нас: «Господи, благослови его, просвети, вразуми, дай ему понять то, что ему до сих пор было непонятно...» А во-вторых, каким-то таинственным образом – и это опытом известно, изведено очень многими – он может приоткрыть нам тайну собственной своей души и сделать нам понятным то, что иначе было бы непонятно. И наконец, он может нашу слабую молитву как бы на своих руках поднести перед лицо Божие и сказать: молится он – как ребенок лепечет, но посмотри: с какой искренностью, как честно, с каким желанием понять, с каким желанием приобщиться Тебе он это делает. Господи, благослови его!..

И если мы будем так поступать, если мы будем вдумываться в слова не в момент молитвы, а когда у нас есть свободное время задуматься и продумать то, что мы читаем; если, как говорил Феофан Затворник, мы *вчувствуемся* в эту молитву, то есть попробуем уловить как бы ее глубокий музыкальный звук, настроение этой молитвы, понять, что стоит за словами, какие чувства (а, значит, и какой жизненный опыт) – если мы будем это делать в свободное время, то когда мы предстанем перед Богом с этой молитвой, мы каждый раз будем

немножко богаче, и наше обогащение, наша близость с этим святым будет все возрастать, он нам станет родным, он будет нам знаком, он будет нам близок. И тогда его слова станут живыми словами и начнут преображать, перестраивать нашу душу, а, следовательно, и нашу жизнь.

* * *

В предыдущих беседах я говорил о том, как мы можем молиться словами святых. Но иногда хочется помолиться своими собственными, пусть грешными, словами. Как человек иногда хочет петь своим голосом, хочет говорить своими словами с другом своим, хочет себя выразить.

И это очень важно. Мы должны научиться говорить с Богом живым языком живого человека. Однако, мы стоим по отношению к Богу в правде; все наше отношение к Нему должно быть истинно и правдиво. И приступая к молитве, мы должны ясно себе представлять, **с чем** мы стоим перед Ним, и открыто и честно Ему это сказать. Либо: «Господи, я истосковался по Тебе! Целый день прошел, в течение которого жизнь меня мотала, и теперь нашел на меня покой, я могу с Тобой побыть...» Либо может случиться, что мы станем и скажем: «Господи, какой постыдный день был! Как я себя вел недостойно своего человеческого звания! Я испугался ответственности и перенес ее с больной головы на здоровую, я солгал, я был нечестен, я себя опозорил, и Тебя этим опозорил. Господи, прости!..» Иногда мы станем на молитву, зная, что какими-то глубинами души мы хотим встречи с Богом, но или мы просто обуреваемы мыслями, чувствами, которые никак не укладываются в эту встречу с Богом, или мы устали физически и у нас вообще никаких чувств нет. Если бы нас спросили: «Что ты сейчас чувствуешь?» – Мы бы сказали: «Ничего, кроме боли в теле от утомительного дня, кроме опустошенности в душе...» А иногда бывает, что вкрадывается мысль: «Ах, помолиться бы, да поскорее! Потому что мне так хочется дочитать книгу, которую я начал, или закончить разговор, или продолжать свои думы...»

И все это надо перед Богом сказать, чтобы отношения были правдивые, чтобы не притворяться, чтобы не делать вид, что

«да, Господи, я только одного желаю: встречи с Тобой!» – когда на самом деле душа занята чем-то другим.

И если бы мы имели мужество, правдивость, честность так становиться перед Богом, тогда наша молитва была бы и дальше правдивой. Мы могли бы выразить Богу свою радость, что наконец, наконец какой-то просвет, я могу с Тобой побыть – как это бывает с другом, с женой... Иногда от стыда мы сказали бы: «Господи, я Тебя знаю, Ты – мой Бог, и мне не хочется с Тобой побыть», – какой позор! какой стыд! Так даже с другом земным не поступают... А иногда мы встали бы перед Богом и сказали: «Господи! День был позорный, унижительный, – я оказался недостойным звания человека, уж не говоря о звании христианина – прости меня! Дай мне покаяться. Потряси мою душу до глубин, чтобы мне стать чистым, опомниться, чтобы мне этого никогда не повторить...»

Если бы мы так начали молиться, то наша молитва могла бы стать живой, потому что она началась бы на живой струе нашей души. Приступим к этому! Попробуем молиться Богу *истиной*, и тогда нам будет дано молиться и духом.

* * *

Когда мы беседуем с другом, с мужем, с женой, с людьми нам близкими, мы стараемся говорить с ними правдиво и достойно. И вот так надо научиться говорить с Богом. Только, говоря с Богом, например, прося Его о чем-либо, моля Его о чем-либо (хотя, конечно, этим не исчерпывается вся наша молитвенная жизнь), надо помнить, что мы стоим перед величием Божиим, перед святыней Божией.

Но не только это: надо помнить, что человек – не пресмыкающееся, что мы стоим во всем достоинстве нашего человечества. Мы для Бога значим очень много. Когда Он нас творил, Он нас **возжелал**. Он нас сотворил, не просто по власти Своей введя нас в жизнь, чтобы мы маялись и в какой-то день предстали перед судом; Он нас сотворил **по любви**. Его зов, приведший нас к жизни, это зов стать во веки вечные Его друзьями; Он нас призывает стать родными Ему, детьми, сыновьями, дочерями Его, стать по отношению к Нему такими же близкими, дорогими, как Единородный Сын Его Иисус

Христос, стать местом вселения Святого Духа, приобщиться Самому Божеству. И если ставить вопрос о том, как расценивает Бог человека, который от Него отпал, ответ такой простой и такой страшный: цена человека в глазах Божиих, это вся жизнь, все страдание, вся смерть Иисуса Христа, Сына Его, ставшего человеком. Вот что мы для Бога значим. И поэтому мы не смеем стоять перед Богом, будто мы рабы, будто мы наемники, кланча, моля, пресмыкаясь; мы должны научиться стоять перед Ним с сознанием своего достоинства, и говорить Богу, как сын или дочь говорит с отцом, которого уважает, но и кого отец уважает, чье достоинство для отца значит очень много.

И поэтому, когда мы обращаемся с мольбой к Богу о том, чтобы то или другое случилось, или тот или другой ужас миновал, мы должны думать о том, соответствует ли это нашему человеческому достоинству и достоинству Бога. Это очень важно. В молитве можно все сказать Богу, просить Его о самом малом, как будто ничтожном, потому что для любви нет великого и малого; но есть достойное или недостойное человека. Мы не можем молить Бога о том, чтобы Он нам помог сделать что бы то ни было, что унизит наше человеческое достоинство, но мы можем просить Его о помощи в самом мелком, самом малом, потому что самое малое, самое, как будто, ничтожное, может иметь громадное значение. Ведь песчинка может ослепить человека, маленькая деталь жизни может открыть перед ним возможности или закрыть перед ним возможности жить, вырасти в меру своего человечества. Поэтому каждый из нас должен задуматься: кто он для Бога, кто он перед собой – и молиться достойно своего величия, своего великого призвания, и любви Божией, и величия Божия.

В заключение я хочу поговорить с вами об особенной молитве, которая в православной церковной практике называется Иисусовой молитвой. Иисусова молитва потому так названа, что сердце этой молитвы – имя и личность Господа Иисуса Христа. Читается она так: *«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя (меня), грешного»*. Как говорили древние писатели и как ясно из самой молитвы, она содержит, с

одной стороны, полное исповедание веры, и с другой стороны – все, что человек может сказать о себе самом: Помилуй меня, я грешен!

Я хочу остановиться на этих двух понятиях: на первой половине, в которой мы исповедуем нашу веру, и на второй, где мы говорим о себе самих.

Мы называем Иисуса Христа своим *Господом* не только потому, что Он – Творец, не только потому, что Он – Бог, но потому что мы собственной волей, без принуждения, избрали Его Господином, Хозяином нашей жизни. И это значит, что между Ним и нами устанавливается связь взаимной верности, взаимной преданности, и что когда мы называем Его Господом, нам делается дорого каждое Его слово, каждое Его желание, каждая Его заповедь, и что мы готовы быть послушными Ему: не как рабы, не из страха, а потому что Он наш Учитель, Наставник и идеал человека. Мы называем Его Господом, и мы должны жить так, чтобы **Он господствовал** и в нашей жизни, и, через нас, в жизни других; но господство Его заключается в любви, а не во власти, и поэтому, называя Его Господом, мы себя отдаем делу служения, служению любви.

Иисусом мы называем Его, напоминая себе, исповедуя, проповедуя, что у Бога есть человеческое историческое имя, что Бог стал человеком, что Он воплотился, и что Тот, Кого мы называем Иисусом, Кого мы называем своим Господом, есть Бог наш, но что Он – человек, один из нас, и мы Ему родные, свои. Он в Евангелии нас называет *братьями*, и в другом месте Евангелия говорит: «Я вас не называю слугами, а друзьями, потому что слуга не знает воли своего господина, а Я вам все сказал» (Ин. 15:15). Иисус – историческое имя Бога воплощенного.

Христом (это слово греческое, которое значит «помазанник») мы Его называем, чтобы указать, что Он – Тот, о Ком весь Ветхий Завет говорит, что придет Посланник от Бога, на Котором почиет Святой Дух, Который будет завершением всей человеческой истории и средоточием ее, завершением всего прошлого и началом вечности уже теперь, раньше чем время придет к концу.

И наконец, мы называем Его *Сыном Божиим*, потому что по нашей вере и даже по нашему опыту мы знаем, что тот человек, который родился в Вифлееме, который назван был Иисусом, на самом деле не только сын Марии Девы, но Сын Самого Бога, что Он – Бог воплотившийся и ставший человеком.

Это – вся православная вера: господство любви, признание Иисуса Сыном Божиим, наше признание того, что Он – завершение всего прошлого истории, средоточие ее и начало будущего: и будущего человечества на земле, и всей вечности. Со Христа начинается новая пора человеческой истории; Христос внес в нее понятия, которые до Него не существовали. Одно из самых важных понятий – это бесконечная, абсолютная ценность каждой человеческой личности. И только поэтому каждый отдельный человек может признать Иисуса Христа Господином; не только Его исповедовать таковым, но жить согласно Его воле, не утрачивая своего человеческого достоинства и не теряя из вида своего человеческого величия.

В этой беседе я попробовал изложить самые основные понятия первой части Иисусовой молитвы. В следующей беседе я попробую разъяснить, что значит быть *грешником*, и почему, обращаясь к Богу, мы употребляем слово *помилуй*, вместо того, чтобы употребить бесконечное количество богатых слов, полных значения, которые у нас существуют на человеческом языке.

* * *

В прошлой беседе я говорил об Иисусовой молитве, той молитве, которая выражается словами: «*Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного*». И я попробовал объяснить, почему с самой древности первые слова этой молитвы рассматриваются как сокращенное Евангелие, как исповедание всей христианской веры в нескольких решительных словах.

А сегодня я хочу остановиться на второй половине этой молитвы, а именно, на словах: «*помилуй меня, грешного*». Как может всякий человек себя назвать грешным? Может ли честно всякий человек это сделать? Не будет ли это лицемерно, правда ли это?

Это не всегда была бы правда, если бы понятие греха относилось только к нравственным категориям правдивости, честности, добротности нравственной. Но есть более глубокое, основное значение слова «грех»: **грех это прежде всего потеря человеком контакта с собственной своей глубиной.** Человек глубок – а так часто он живет поверхностно, только поверхностными чувствами, понятиями, и вместо того, чтобы жить из глубины, действовать из сердцевины своего бытия, он живет отраженной жизнью; человек реагирует на жизнь, – простой отблеск тех лучей, которые падают на него.

Это первый и основной грех: поверхностность, потеря глубины, потеря контакта с этой глубиной. И в результате человек теряет контакт с содержанием этой глубины, то есть с Богом. В одной из первых бесед я упоминал слова архиепископа Кентерберийского Михаила Рамзея о том, что в каждом человеке есть бездонная глубина, заполнить которую может только Сам Бог. И вот, живя на поверхности собственной жизни, человек теряет контакт с Самим Богом. И потеряв контакт с Богом, человек становится чужим и для своего ближнего, для окружения, для людей и для всей жизни. Он становится таким человеком, который живет только в себе, для себя, человеком, для которого центр жизни – он сам, и жизнь делается такая же бедная, как его малое содержание. Епископ Феофан Затворник говорит, что такой человек подобен древесной стружке, которая свернулась вокруг внутренней своей пустоты. Вот это и есть греховное состояние; и это состояние в себе может, должен признать всякий человек, если только он честен: кто может сказать, что он живет всеми глубинами своей души, своего сердца, своего ума, всем размахом своей воли, всей смелостью, всем благородством, всем величием своим?

И вот, становясь перед Богом, Который и есть величие, Который создал нас для величия, мы не можем не признать своей греховности, того именно, что мы отпали от своего первородного достоинства. Поэтому мы, конечно, можем обратиться к Богу с криком души: «Господи, прости! Какой

позор: Ты меня создал великим, а я измельчал, так постыдно измельчал...»

Но слово «*помилуй*» не значит только «прости»; по-гречески, *Kurie, elehson— Господи, помилуй*, значит очень многое. Оно значит: «прости, останови Свой гнев, дай мне время опомниться, дай мне возможность вырасти в ту меру величия, которую Ты предназначил мне». Это значит: «увенчай меня этим величием». И поэтому слова «*Господи, помилуй!*» мы употребляем во всех случаях жизни: «прояви ко мне Свою первоначальную любовь! Прояви ко мне ту любовь, которую Ты явил нам в Иисусе Христе: крестную, жертвенную, великодушную любовь; обласкай меня, утешь меня, исцели меня, сделай меня вновь человеком, достойным этого звания, то есть, в конечном итоге, достойным быть Твоим другом во веки веков».

На этом я кончаю свой ряд бесед о молитве. Употребляйте эту молитву; она проста, но учитесь употреблять ее со всей правдивостью и искренностью, помня, что, назвав Иисуса Христа Сыном Божиим и Господом, вы обязуетесь жить достойно Его величия и вашего величия.

МОЛИТВА – ВСТРЕЧА

О молитве говорить всегда боязно, а читать «лекции» о молитве тем более невозможно. Можно говорить о молитве, потому что без слова проповеди не загорается сердце, но назвать это лекцией нельзя. Поэтому я с вами поделюсь кое-чем, что, как мне кажется, я узнал и на своей жизни, и из опыта других; а вы примите это, примените к своему опыту, продумайте, прочувствуйте, принесите плоды большие, чем я умею принести.

Первое, что мне хотелось бы сказать: в молитве мы ищем встречи с Богом. И часто мы этой встречи добиваемся с отчаянным напряжением – и не добиваемся ее в конечном итоге, потому что не того ищем, чего надо было бы искать. Всякая встреча – событие чрезвычайно ответственное, а встреча с Богом – особенно. Нельзя безответственно встретить даже человека; раз встретив человека, мы уже навсегда каким-то образом несем ответственность и за то, что дали, и за то, что получили. Даже мгновенная встреча, даже как будто случайная встреча накладывает на нас печать. И эта встреча дальше, в нашей жизни, продолжает как-то звучать: новая струна зазвенела в нашей душе, какая-то новая искорка зажглась, новый оттенок зародился в нас от того, что мы встретились с чьим-то сердцем, с чьим-то умом, с чьей-то личностью. И если это верно по отношению к человеческой личности, это тем более и верно, и значительно по отношению к Богу. Встреча с Богом – это всегда нечто вроде Страшного суда. Приходишь к Богу, становишься перед Ним лицом к лицу, и что? – уходишь или осужденным, или оправданным: среднего нет и не может быть ничего. Поэтому так важно то, как мы к Богу подходим: для чего, с чем, с каким содержанием. И вот на грани этой встречи стоят слова духовных наставников, например, епископа Феофана Затворника, который говорит нам: «В молитве принеси Богу **крайнее внимание, все благоговение**, на которые ты способен, и **волю к покаянию**». Вот с чем мы всегда можем приступить к Богу.

Крайне внимание – потому что мы вступаем в область настолько ответственную, настолько значительную, что мы должны вспоминать слова Апостола: «Блюдайте ... како опасно ходите» (Еф. 5:15). Это грань суда, это приближение к огню; помните слова молитвы перед причащением: *«как бы не быть опаленным...»* Мы должны принести Богу все благоговение, на которое мы способны. То есть, должны знать, к Кому мы подходим, подходить к Нему вдумчиво, трепетно, строго. Это было бы легко, если бы верой или хотя бы мгновенным опытом нам было ясно, что мы стоим перед лицом Живого Бога. Если бы вдруг **здесь, теперь** перед нами стал Христос, то без всякого усилия наше внимание собралось бы и благоговение трепетом заполнило бы нашу душу. Как об этом говорил Иоанна Кронштадтский в одной беседе со священниками: потому только мы можем быть так невнимательны и так неблагоговейны, что у нас не хватает веры, то есть *уверенность в вещах невидимых*, уверенности в том, что мы действительно стоим перед лицом Живого Бога.

И наконец – какая цель этой встречи? Неужели мы, зная себя такими, какие мы есть, можем подходить к Богу в надежде так, сразу вступить в райское блаженство, пережить мистический опыт, экстаз? Нет. Если бы только мы отдавали себе ясный отчет в том, что мы собой представляем, то мы шли бы к Богу, моля Его, чтобы Он сначала сделал нас богоприемными, способными на эту встречу, очистил наши сердца, просветил наши умы, сделал правой нашу волю, уцеломудрил бы нас, и только тогда подошел бы к нам. И вы не думайте, что это только умозрения – мои или еще чьи-то. Подумайте о том, что нам говорит в этом отношении само Евангелие. Помните, после чудесного улова рыб, когда вдруг апостол Петр ощутил всем своим естеством, понял, Кто ему повелел бросить невод одесную сторону корабля – как он упал к ногам Христа и сказал: «Выйди от меня ... я человек грешный...» (Лк. 5:8) Часто ли нам случалось ощутить себя грешными, недостойными близости Господней настолько, с такой честностью, с такой внутренней правдой, чтобы сказать Господу: «выйди, Господи, я недостойн, чтобы Ты был со мной в

моей судьбе, в моей жизни в это мгновение, которое я переживаю...» Это не значит, что мы не мечтаем, чтобы, как в случае с Петром, Христос не исполнил этой страшной, смиренной, благоговейной просьбы; но разве мы когда-либо доходили до такой трезвости переживания, чтобы это познать и так поступить?..

И еще: охватывает нас нужда; и мы просим и молим, чтобы Господь к нам пришел. Вспоминаем ли мы действительно, реально, как когда-то подошел сотник к Спасителю и молил Его исцелить слугу своего? Христос на его моление ему ответил: «Приду, исцелю» (Мф.8,7). А тот: «Нет, Господи; Ты только скажи слово, и исцелеет мой слуга...» (Мф.8,8) Он побоялся тревожить Учителя, настолько было глубоко его благоговением и сознание, что одного слова достаточно, не нужно даже присутствия Христова на том месте. Разве эти люди древнего Израиля, язычники, грешники нас не учат тому, как благоговейно и с какой верой мы должны относиться к этой встрече и к этой молитве?

Да, бывает, что мы должны бы ощутить себя вне Царствия Божия, и тогда мы могли бы, как докучливая вдовица (см. Лк. 18:1–7), стучаться в дверь райскую, молиться, чтобы отверзлась эта дверь. А мы часто воображением уже вступаем в рай, хотя на самом деле мы вне его. И того, что мы могли бы сделать для своего спасения и молитвенно, и подвижнически, мы не делаем; мы думаем, что мы там, где нас нет, мы живем воображением, а не реальностью. Перед причащением мы читаем молитву: *«Пред дверьми храма Твоего предстою, и лютых помышлений не отступаю...»* Пред дверьми храма, вне этой тайны богообщения, боговселения, приобщенности, участия нашего в естестве Божиим. И мы не отдаем себе в этом отчета. Мы слишком неопытны, но мы также и слишком легкомысленны... Вот где начинается наше стояние: стань и осознай, что, как бы ты ни был богат Божией милостью, ты все-таки стоишь вне чертога Господня. С каким умилением мы взываем во время Поста: *«Чертог Твой вижу, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь...»* Да, поем, и умиляемся, и тут же не понимаем, все-таки не понимаем, что мы стоим вне чертога

Господня, потому что та слава, то диво, в котором мы находимся, настолько велико, что нам кажется, что это уже рай, тогда как это только касание края ризы Христовой, Того Спасителя Христа, Который по нашей земле ходит и вокруг Которого делается так тихо, так глубоко, около Которого жизнь зарождается.

И вот когда будем думать о встрече, раньше, чем искать наслаждений, станем искать живого покаянного чувства. Покаяние начинается со внутреннего оборота; покаяние – тот поворот души, когда человек, который спиной или боком стоял к Богу, лицом глядит в Его направлении; сделав этот оборот, мы должны стоять в благоговении, в трепете и молиться Бога: Господи, обрати меня! Господи, дай мне подлинное покаяние, сделай меня настолько иным, чтобы я мог встретить Тебя лицом к лицу не в суд, не в осуждение, а в исцеление души и тела, в обновление, в новизну жизни!..

Скажете: а разве мы не христиане, разве не качественно в нас все то, что делает эту встречу естественной? Нет, не всегда. Я сейчас говорю не о грехе, потому что не грех является непреодолимой преградой между Богом и нами; никакой грех не может встать медной стеной между нами и Спасителем нашим, если только мы взываем из глубины греха, глубины скорби, глубины ужаса о том, как мы глубоко пали. Но между Богом и нами часто стоит ложная добродетель и стоит удивительная чуждость по отношению к Богу. Я дам вам один пример из многих, которые напрашиваются.

Пришел ко мне лет восемнадцать тому назад взрослый уже человек, старше меня, сел передо мной, заплакал и говорит: «Отец Антоний, покажите мне Бога! Не видав Его, не могу верить, а без Него – жить не могу; больше двадцати лет Его ищу и не могу встретить...» Я тогда ему сказал: «А задумывались ли вы над тем, как милостив Бог, что до сих пор Он никогда не встал перед вами во весь рост и не потребовал отчета о том, чем полна ваша жизнь и чем полна ваша душа?» И он мне ответил: «Душа моя полна только жаждой встречи с Ним». Я тогда помолился и говорю: «Если даже я мог бы вам показать Бога, вы не могли бы Его видеть». Он возразил: «А докажете;

что между мной и Им, какая преграда?» Я ему тогда поставил вопрос, который с тех пор часто-часто ставлю людям: «Есть ли в Священном Писании какой-нибудь рассказ, или место, или изречение, которое волнует вас больше всего?» И без колебаний он мне сказал: «Да. В восьмой главе Евангелия от Иоанна рассказ про женщину, взятую в прелюбодеянии. Это меня трогает и волнует, как ничто...» И тогда я ему предложил несколько минут подумать и себе представить: вот я вернулся в этот день, описанный в Евангелии, присутствую при том, что совершается; кто я? Всепрощающий, все понимающий, способный спасти всякого Христос? Или эта женщина, которая вдруг видит, что такое грех, видит, что действительно грех есть смерть, и ужас, и стыд, и страх? Или один из апостолов, который с надеждой ждет, что невозможное случится, что Спаситель скажет такое слово, от которого пройдет ужас и начнется весна вечная? или один из тех, которые уже стоят с камнями, – кто я такой? Он подумал несколько мгновений и мне сказал: «Я себя вижу единственным иудеем, который не ушел по слову Христову и побил камнями эту женщину...» Я ему тогда сказал: «Благодарите Бога, что Он не дает вам с Собой встретиться. Вы Его не только видеть не можете, – у вас ничего с Ним общего нет; если бы вы Его увидели, это был бы последний над вами суд, потому что «суд без милости тому, кто не оказывает милости" (Иак. 2:13).

Он ушел. С тех пор прошло восемнадцать лет. Я его крестил два года тому назад. Но восемнадцать лет без двух он боролся и искал, и наконец, стал на место женщины, взятой в прелюбодеянии, той, которая знала, что она согрешила, что нет ей прощения, нет ей оправдания, и которая приняла оправдание кровью Христовой и прощение, как чудо.

Вот почему так часто мы не можем встретить Господа; не дает Он нам встретить Себя в суд или в осуждение, и не даем мы себе встретить Его, потому что читаем священные страницы Евангельские, переживая их эмоциями нашими, но не сверяя их со своей жизнью. Мы остаемся и умиленными, и не обращенными одновременно. Сердце наше закрыто, глаза не могут видеть – и не бывает встречи. Но если бы мы только

встали на место этой женщины, тогда мы встретили бы и Христа, и милость, и жизнь новую.

В вопросе встречи есть еще одна сторона. Вы, наверное, знаете, что между людьми встреча бывает глубокая, плодотворная только тогда, когда оба человека, которые встречаются, истинны, когда они встречаются, и не скрывая себя, и не защищая себя друг от друга. Тогда бывает встреча – иногда удивительно глубокая. Но когда два человека настороже или когда они притворяются, тогда встречи не бывает. И вот, подумайте каждый о себе, как я думаю о себе самом: в какой мере искренности, внутренней правды мы становимся перед Богом? Разве мы не приходим к Богу часто как ряженные, разве мы не приходим к Богу, стараясь часто выглядеть так, как, мы думаем, Бог хочет, чтобы мы выглядели? Это иногда называется хорошей церковной вышколенностью; иногда считается, что это преодоление дисциплиной, волей своих настроений. А чаще надо было бы это назвать просто притворством. Притворство же нам пути к Богу не дает. Вы подумайте о себе – каждый – сколько разных неполноценных личностей вы собой представляете за один-единственный день; каковы вы, например, в моменты, когда вы забываете, что Бог есть, и когда совесть или уснула, или загнана куда-то. Подумайте о том, каковы вы бываете, когда вдруг охватит мысль, что вы перед лицом Божиим. Или проще – подумайте о том, какая вереница личностей представляет вашу личность в течение одного дня. Как вы себя держите, скажем, при митрополите Никодиме³, и как вы себя держите по отношению к своим товарищам, как вы себя держите на улице, когда никто не знает, кто вы такой, или в церкви, когда вы с стихаре, и т.д. Примеров можно было бы так разработать – смешных, печальных – сколько воображения хватит или опытности. И вот приходит момент, когда надо стать на молитву; которая из этих подставных личностей должна перед Богом стоять? Та, которая два часа тому назад перед митрополитом Ленинградским и Новгородским стояла навтыяжку, или та, которая, забыв и про Ленинградского и про Новгородского, и про Бога и про совесть, что-то натворила? Или которая из других промежуточных личностей? На самом деле

это так! Как найти себя, которую из этих личностей перед Богом поставить? Ни одна из них не представляет вас, в полном смысле. При малых отклонениях еще можно себя найти. Но есть люди, которые так привыкают играть определенную роль в жизни, что они потом больше самого себя и сыскать не могут. Они настолько стали едины с тем образом, который себе выдумали, что они себя настоящего никогда не встречают. Бог где-то насквозь видит настоящего Ивана, Петра, Марию, а они сами больше не могут. И тогда встает вопрос о том, как же молиться? Становишься на молитву, и всей души, всей личности своей перед Богом так и не поставишь. Не сыскать ее в этом хламе подставных личностей и лживых образов. И вот над этим надо работать для молитвы больше, чем упражняться в самой молитве. Упражнение в молитве, конечно, постепенно выводит ближе и ближе к поверхности подлинное я, подлинного человека. Но как медленно, если ему не помогать как бы извне! И вот иногда ставишь перед собой вопрос: как же себя самого найти и обнаружить?

Бывают моменты, Богом данные, хотя не всегда благодатные, когда эта настоящая личность вдруг прорывается: моменты, когда мы взяты врасплох. Например, охватит меня ярость, и вот мое настоящее «я» так и клокочет, и все его видят, и даже я сам могу его обнаружить. Или вдруг придет горе такое настоящее, такое подлинное, что тебе уже никакого дела нет до того, что о тебе думают. Тогда вдруг становишься самым собой, иногда ненадолго, иногда и надолго, иногда – навсегда, в зависимости от того, какое горе, как оно приймет, как глубоко вспашет душу, как разорвет поверхностные окаменелые слои. Иногда радость так на нас действует, радость такая ликующая, что тоже не может быть ничем удержана; пусть смеются, пусть думают, что хотят, – царь Давид плясал перед ковчегом (см. 2Цар. 6:16) от этой радости; смеялись – ну и пусть... Вот в такие минуты можно уловить о себе самом что-то настоящее. Но ведь не вся жизнь проходит в том, чтобы были или внезапные и неудержимые вспышки гнева, или горе без просвета, или радость, которая нас уносит за пределы самих себя. А что делать в другие моменты, как себя искать? Где тот подлинный,

настоящий человек, который может стоять перед Богом, который может молиться, который во всей правде своей греховности и своей богоустремленности, своего богоборчества и своего поклонения Живому Богу, своего искания и становления может стать перед Богом? Есть способ простой, но, как все простые вещи, он требует постоянства и усилия. Порывом простых вещей делать нельзя; можно делать порывом, с восторгом только сложные, редкие вещи.

Вероятно, многие из вас, так же как и я, были неверующими и с Евангелием встретились в какой-то день, когда оно было ново, когда мы подходили к нему без предвзятости: ни за, ни против, а со способностью честно посмотреть и поставить себе вопрос: приемлю или отвергаю? Когда читаешь Евангелие, есть места, которые очень мало что значат для нас в данную минуту. Если мы верующие, мы говорим: раз так говорит Евангелие, значит, так оно и есть – и успокаиваемся, потому что нам кажется, будто это сказано кому-то другому, в сердце не бьет. Есть другие места, о которых, если мы были бы вполне честны, мы бы сказали: нет, нет, Господи; хотя Ты это говоришь – нет!.. Помню одну нашу прихожанку, не исключительно благочестивую. Читал я лекцию о заповедях блаженства, после которой было собеседование. И помню ее слова: «Ну, Владыко, если вы **это** называете блаженством, пусть оно вам и будет, а я без этого блаженства проживу. Голодным быть, холодным быть, гонимым быть – нет!» Вот прямой ответ. И я думаю, что очень часто, если мы были бы немножко более честны и немножко менее «благочестивы» (именно так, в кавычках), то есть меньше притворялись бы перед Богом и перед самими собой, мы бы честно сказали: нет, это для святых, это для других, а я без этого проживу!..

Но есть другие места, – их не так много, может быть, но они такие драгоценные в нашей жизни, – которые прямо в сердце бьют. Помните слова спутников в Эммаус: «Разве сердце наше не горело ... в нас... когда говорил Он нам на пути?» (Лк. 24:32) – вот, такие места. У человека может оказаться одно такое место в Евангелии: слово, сказанное Христом ему лично и воспринятое всем сердцем, всей душой, всей крепостью, всем

разумением – ну, сколько есть сердца, души, ума и разума в данный момент; надо тоже принять в учет, что все это ограничено в нас. Но сколько есть во мне сил – да, воспринимаю, сколько есть сердца – трепещет, сколько есть души – горит, сколько есть воли – вострепелась, сколько есть ума – сияет, искрится этим светом вечным. Вот эти места надо подчеркнуть. Потому что эти места указывают нам, в чем я сейчас, уже теперь Богу душой сродни, о чем я и Он думаем одинаково, чувствуем одинаково и т.д. Такие места надо отмечать, потому что эти места нам указывают на малюсенький участок, где встреча между Христом и нами уже где-то глубинно совершилась.

Отметить, однако, недостаточно. Можно отметить, пережить и сохранить в записной книжке. Но когда ты обнаружил такое место, считай, что если ты будешь поступать наперекор этим словам Спасителя, то ты идешь наперекор собственной своей природе, ты убиваешь то в себе, что уже есть по образу Христову, уже «христообразно», истинно, вечно, уже принадлежит Царству Божию. И положи себе правило: если в другом чем ты и грешишь, то против этого внутреннего закона твоей природы, собственной твоей природы не согрешишь никогда. И если так поступать, если найти то изречение, которое в себе содержит всю мою, жалкую еще, маленькую, ничтожную богособразность, то можно начать расти. Причем не обязательно бороться с чем-то, а именно дать расти чему-то, творчески приходить к жизни. И тогда на пути найдутся трудности, и тогда уже будешь бороться не просто так, потому что сказано в Евангелии, а потому что знаешь, что если не будешь бороться, ты умрешь, в тебе умрет что-то, что уже живо в тебе, ты уничтожишь какую-то черту, которая принадлежит образу Христову. По мере того, как мы это делаем, нам постепенно открываются и другие подобные черты, и мы начинаем себя видеть, как старый хороший портрет, который из столетия в столетие реставрировался неудачниками, изуродовавшими его, – но вот здесь какая-то подлинная черта, здесь я узнаю руку мастера, здесь какая-то правда. И постепенно, узнавая одно после другого, можно расчищать этот

портрет, образ, пока он не станет сообразен Богу, пока он не будет образом и подобием, похожестью.

* * *

Есть еще одна сторона, о которой я хотел бы сказать. Я уже сказал, что встреча зависит от того, что два встречающиеся человека или две личности, встречающие друг друга, обе подлинны, истинны. Я только что говорил о человеке, который идет к Богу, но бывает, что мы ухищряемся и Самого Бога сделать нереальным для себя. Вы знаете, как бывает в жизни, когда встречаешь разных людей и, забывая человека, видишь только его функцию. Скажем, когда мальчишкой тебя вызывают к директору гимназии или когда солдатом вызывают на головомойку к высшему чину – тогда не видишь человека; тогда на одном видишь его звание директора, на другом видишь погоны, и получается: кому честь – честь, кому страх – страх. Это, правда, получается, но ничего другого не получается, кроме страха и немного чести. И часто очень важно посмотреть собеседнику в лицо и увидеть в нем **человека**.

Об этом сейчас было бы и не место, и долго рассказывать, но я это испытал раз, когда во время немецкой оккупации меня в метро арестовали: Бог помог посмотреть и увидеть, что тот, кто меня арестовал – человек, а не только полицейский. И завязался разговор, и я был отпущен. Но часто бывает, что мы не встречаем человека, потому что он для нас заслонен своим званием, нашим страхом, нашими предрассудками и т.д.

С Богом бывает то же самое. Создай себе ложный образ Божий; придешь молиться – этому-то образу и будешь молиться. Создай себе образ Бога – беспощадного Судии и попробуй молиться Ему с лаской, любовью, доверием – ничего не получится. Так бывает, что собирая о Боге какие-то понятия, мы из них создаем картину, образ, вполне даже стройный, в котором ни одной ложной черты нет, потому что все черты взяты из Священного Писания, из святых Отцов, из литургических песнопений. Но так как мы собрали это в законченный образ, не оставив никакой возможности для неизвестного нам, то мы превратили этот образ – пусть он будет мысленный или картинный – в идола. Об этом уже в четвертом веке писал,

кажется, святой Григорий Богослов – об опасности подменить подлинного Бога нашим представлением о Боге, которое, вместо того чтобы нас вести куда-то, стоит преградой и стеной, именно идолом, перед которым мы будем молиться, которому будем служить, но который никогда истинным Богом не будет. Это и объясняет, почему и Отцы Церкви, и все духовные наставники нас учат, что мы о Боге должны узнавать все, что только можем, но когда становимся на молитву, мы должны становиться перед Богом без всяких образов, без всяких представлений. Можно бы так сказать: то, что мы знаем о Боге, должно нас поставить перед Ним в момент молитвы, но стоять мы должны перед Богом, не постигнутым еще нами, Богом во всей Его бесконечной сложности и простоте, во всей непостижимости. Если мы так станем перед Богом, тогда все делается возможным, тогда Он может нам открыться сегодня, Каким Он хочет, чтобы мы Его сегодня восприняли. Сегодня Он нам откроет Себя страхом, трепетом, а завтра – милостью. Но мы должны научиться подходить к Богу и ждать, чтобы Он нам открылся, Каким Он захочет сегодня перед нами быть. Если мы только будем искать либо вчерашнего опыта, либо того Бога, о Котором так дивно пишет Симеон Новый Богослов, то мы будем стараться вернуться или ко вчерашнему дню, которого больше нет и никогда в нашем опыте не будет, или к опыту другого человека, который никогда нашим опытом не станет. Это очень важно.

Если придерживаться этих элементарных правил, тогда мы можем встретиться. Где? – В глубинах наших. Не где-то перед нами, или над нами, или вокруг нас, а в сердце, в том, что Отцы Церкви и Священное Писание называют сердцем человека, тем сердцем, которое они называют **глубоким**. Глубоким такой глубиной, что ничто тварное не может его наполнить; в том сердце, которое так глубоко, что только Бог может заполнить его до края и перелиться через край. Но начинается эта встреча, как я говорил в начале, в сознании нашего сиротства, в сознании того, что мы вне рая, что даже те отблески, то сияние, в котором мы живем – это свет, который стелется из райских чертогов, как по снегу стелется свет из окна, но все-таки не чертог. Если мы

это воспримем, тогда мы будем благоговейно, трепетно, внимательно просить Бога, чтобы сердце это Он очистил, потому что только «чистые сердцем ... Бога узрят» (Мф.5,8), чтобы Он кровью Своей очистил греховность нашу, чтобы Он приобщил нас к жизни Своей, и только тогда, вспоминая Петра в день улова рыб, вспоминая сотника, вспоминая всех тех, которые так трепетно и благоговейно относились к Богу, сможем мы стать таковы, чтобы Он мог открыть дверь и сказать: «Войди в радость Господа твоего» (Мф. 25, 21).

Я скажу еще немножко о сердце человека, о том месте, где можно Бога встретить. Это проблема очень многих молодых сейчас; не скажу, что только молодых, но, несомненно, молодых и, думаю, не только на Западе. Где искать Бога, когда хочешь молиться? На небесах Его не сыщешь; помните, как апостолам сказали ангелы после Вознесения: «Что же вы глядите ввысь?» (Деян.1,10–11) Там Бога не увидишь. Искать Его где-то, воображая его присутствие перед собой, – бессмысленно, потому что сколько я Его ни воображаю перед собой, от этого Его присутствия не прибавляется и не убавляется. Это не Он, а мое воображение. Если искать Его в иконе, если искать Его, глядя в сторону алтаря, туда, где Святые Дары хранятся, опять-таки, – это место, и все-таки не Он. Это все-таки вне нас, а вне – Бога можно искать, но найти Его нельзя. И вот, встает вопрос: где находится это место встречи? Отцы Церкви говорят: в сердце. Они также совершенно ясно нам объясняют, что не в эмоциях наших, и не в физическом просто сердце, а где-то, в недрах, в сердцевине нашего естества. И как туда идти, где она? Для того чтобы войти внутрь и достичь того, что епископ Феофан называет *внутрипробывание* и *стояние перед Богом в сердце*, а затем и *хождение перед Богом*, не теряя сердца, надо сначала освободиться от того, что нас вокруг нас связывает. Почти все время мы живем, как осьминог, который выбросил свои щупальца во все восемь сторон и к чему-то каждым щупальцем прилип. Если вы подумаете о себе: сколькими щупальцами каждый из нас прилип к тому, что составляет его жизнь? Сколько привязанностей, сколько пристрастий? Один французский ученый, который работал в Америке, Алексис

Каррель, где-то говорит, что личность человека далеко не кончается там, где он ограничен своей кожей, а простирается по всему свету. Личность лакомки такими щупальцами простирается по всему съедобному на всем земном шаре, но в частности, ко всему съедобному, что у него есть в шкафу, в ларце, в кармане. Человек сребролюбивый не кончается там, где он ограничен кожей, его личность липнет ко всему, что он может приобрести, и т.д. Есть разница между любовью и привязанностью, любовью и пристрастием, – об этом надо было бы говорить отдельно, но сейчас я говорю именно о пристрастии, о том, как мы делаемся пленниками того, что будто бы держим в собственной руке.

Как вы знаете, я не богослов, и поэтому позволю себе дать вам пример не столь высокий, как святые Отцы. Есть персидский рассказ о том, как однажды выехал в путь богатый, крепкий молодой человек и после путешествия вернулся домой, ободранный, как липка. Не только коня у него отняли, – кроме рубища, ничего на нем не осталось. Его окружили, смотрят, говорят: «Слушай, что же с тобой случилось? Ты молод, ты крепок; разбойники на тебя напали, но разве ты не мог защититься?» А он отвечает: «Да где же мне было защищаться: в одной руке у меня кинжал, в другой – пистолет; чем же я драться мог?» Выглядит очень глупо. На самом деле мы почти все так и поступаем, потому что все, что мы держим в руке – да, наше богатство; но посмотрите: вот у меня две свободные руки сейчас. Взял я свои часы, которые, в общем, ничего не стоят, но – мои, закрыл руку, и часы – мои, а рука? Больше нет ее; у меня осталась только одна рука. Возьми я и в нее что-нибудь – у меня вообще рук нет. А возьми я таким же образом, как жадный хозяин, что-нибудь в свое сердце -и сердце занято до отказа, и нет сердца ни для кого другого. И вот получается: богатеет человек, чего только у него нет. Только сначала у него одной руки больше нет, потом другой руки больше нет, потом сердца больше нет, потом ума больше нет, и кончается тем, что он ничем не обладает, а сам стал предметом обладания; и это может дойти до предела.

И другой пример вам дам, потому что, мне кажется, это надо хорошенько понять. Пришла ко мне женщина. Сын у нее был лет пятнадцать в сумасшедшем доме, и муж у нее умер. Поехала к сыну, говорит: «Папа скончался». Тот рассмеялся в ответ: «Невозможно! Он бессмертен!» Сначала мать подумала, что в нем проснулась вера, религиозность, ранее привитые понятия; потом оказалось, что совсем не то, просто говорит: «Не мог умереть и не умер...» Пришла ко мне эта женщина, говорит: «Помогите, объясните ему, что папаша умер». Ну, встретились. Юноше тогда было уже лет двадцать пять, я его знал совсем маленьким. Он говорит: «Отец Антоний, мама ничего не понимает. Мой отец жил только своим пристрастием к машине, к стенным часам, к телевизору, к нескольким статуэткам и картинам, которые у него были, и к предмету, который он преподавал в университете. Вне этого его вообще не было. Пока эти предметы существуют, он такой же живой, как раньше...» Ладно, вы скажете: сумасшедший сказал... А сколько в этом правды! Ведь когда он жил на земле, он без остатка жил только этими предметами. И жену бросил, и сына бросил, и все бросил ради того, чтобы жить этим. Вот и случилось, что когда жил – его не было, а когда умер – ничего, в общем, не переменялось ни для кого. И вот, надо обратить внимание, что если мы так живем, то, конечно, внутрь себя мы никогда не войдем. Надо, чтобы осьминог отпустил то, что, как он воображает, он держит, и чтобы он стал свободным. Я прошу прощения, что вас с осьминогами сравниваю, но я бы сказал, каждый из нас – осьминог в десятой степени, потому что, будь у нас только восемь пристрастий, было бы еще ничего; но мы же прилипли со всех сторон. И мы воображаем, что мы такие свободные, потому что пристрастие-то мое ведь ничто, я ведь не так чтобы что-то очень греховное люблю, а – тут мелочь, там мелочь... Есть другой, детский рассказ из творчества англичанина Свифта, «Путешествие Гулливера». Попал он в страну лилипутов, заснул на траве; проснулся – встать не может. Почему? Потому что лилипуты каждый его волос привязали к одной травинке. Каждую травинку он бы сорвал и каждый волос он бы вырвал, а когда привязали все волосы ко

всем травинкам – с места не мог сдвинуться. А разве мы не похожи на это, разве мы не приделаны к бесконечному количеству травинок, так, что не можем двинуться? Это очень важно.

Ну, предположим, что мы остриглись, оторвались. Как говорит один из Отцов пятого века, *вошли под собственную кожу*. И вот я весь живу под моей кожей, то есть я изнутри вижу, изнутри действую, а не нахожусь где-то рядом с собой или вокруг. Это еще не значит, что все достигнуто. Надо найти способ дойти до глубины, а не только под своей кожей сидеть.

Первая задача: найти время, чтобы побыть одному. Времени для этого сколько угодно, но мы его не находим. Можно быть в полном одиночестве, когда мы сидим в поезде, мы бываем в полном одиночестве в большом количестве разных моментов нашего дня. Но мы их не используем. И вот – побудь в одиночестве. Что тогда? Опыт показывает: уйдешь, и сначала так тихо и так хорошо. Никто тебе не мешает быть одному. Внешнего шума нет, внешних побуждений нет. Могу быть самим собой. Но проходит очень непродолжительное время, и делается скучно. Что это значит? Это выявляет то, что все, кроме нас, о нас знают: что если с нами остаться вдвоем наедине, то через короткое время делается скучно. А почему? – Потому что во мне ничего нет, чем бы питаться. И тут обнаруживается, что человек большей частью не живет, а реагирует на то, что случается. То есть живет отраженной жизнью, как можно отражать свет. Не то, что человек сам в себе имеет жизнь и из внутреннего побуждения, из внутреннего чувства или мысли что-то творит. А: что-то случилось – и я на это отвечаю, еще случилось – и снова отповедь даю; и так мы думаем, что живем. Но так мы не живем, так мы только отповедь даем, реагируем. Акции нет, есть только реакция, ответ на что-то, на вопрос, на оклик: но никогда мы не звучим из себя самих. А когда остаемся одни, оказывается, что действительно мы не умеем изнутри себя как-то действовать, жить. Если принудить себя к одиночеству, то через некоторое время делается просто страшновато, потому что делается темно, и тесно, и страшно в этой пустыне. Пустыня это не

только место незаселенное, это всякое место, где пусто. Такая пустыня бывает у человека в сердце. Такая пустыня бывает в толпе. И вот, делается страшно в пустыне. И надо идти дальше. И тут нужно проявить очень много терпения и мужества. Когда дошел до этого момента страха, до этого момента, где делается темно и тесно, надо сказать: «Господи, аще и в сени смертной пройду, не убоюсь зла, яко Ты со мною еси» (Пс. 22:4) – и идти дальше, во тьму, во мрак, в это узкое ущелье, идти дальше, не ожидая себе света, не ожидая ничего, зная, что когда придет время – свет воссияет, когда придет время – встреча совершится; а пока - пусть будет темно, пусть будет ночь. И вот так идешь, и если претерпеть до конца, тогда приходишь в место, где снова поднимается заря. И это – единственное, что мы можем сделать для того, чтобы встретить Бога в молитве.

Это означает очень важную вещь; это значит, что подготовка к молитве, то есть к молитвословию, к чтению тех или других молитв гораздо важнее самого чтения. Надо стать перед Богом в правде, стать перед Ним и сказать: «Господи, я стою в таком-то расположении духа; мне лень, мне скучно, или: мне хочется с Тобой побыть, да не слишком долго; или иное что; и идти, идти, идти». Отрываться и идти вглубь, отрываться и идти дальше. И если этим заниматься неспешно, не назначая себе никаких сроков, а просто изо дня в день, то в какой-то момент можно установиться внутри так, что уже никакие внешние обстоятельства тебя изнутри не выведут. Тогда можно и говорить, можно и читать, можно и общаться, можно и работать изнутри, откуда-то из той глубины, откуда бьет ключ жизни, который бьет из творческого и животворного, основоположного слова Божия.

* * *

Молиться легко, когда вдруг ощутишь Бога. Тогда молитва сама бьет, и тогда времени не существует, тогда тело может устать до такой степени, что не знаешь, есть ли оно у тебя или нет, но оно не мешает... Бывает наоборот: молитва рождается от ужасного сознания своего сиротства, такого отдаления от Бога, которое значит для тебя смерть, и тогда опять-таки будешь кричать, и кричать, и кричать к Богу, не зная ни времени,

ни усталости, потому что такой ужас смерти тебя охватил. На этом построены наши богослужения, потому что они составлялись не в кабинете, не в уютной обстановке, они создавались постепенно людьми, которые колебались между этими двумя полюсами, или которые одновременно колоссальной емкостью души охватывали и ужас своей всеконечной ничтожности, и бесконечное величие своего призвания, и свою бесконечную бедноту, и свое беспредельное богатства. Так можно было молиться. Подвижники молились; нам эти богослужения даны отчасти в том же порядке, потому что и у нас бывают минуты светлого ликования и минуты истинного сокрушения духа. Но они нам даны тоже и как школа, как обучение тем настроениям, тем внутренним переживаниям, тому строю, тому видению вещей, которое родилось, которое питало этих людей или выразилось в их жизни.

В такое богослужение просто, внезапно ввести человека нельзя. Надо ему научиться сначала молиться в основном смысле слова, то есть приобщиться тем двум основным переживаниям (и многому, кроме того, что я говорил, но и тому, о чем я говорил раньше). И надо вводить человека в этот опыт постепенно; скажем, в монастыре молодого послушника не заставляют выстаивать все службы с первого дня. Он должен втянуться; его будут воспитывать так, чтобы ему делалось голодно и желанно, ему будут давать службы так, чтобы он хотел оставаться, и ему не давали бы, так, чтобы молитва в храме была привилегией и счастьем, так, чтобы, в конечном итоге, быть в храме было бы для него моментом ликования, радости, священного танца (я сейчас думаю о царе Давиде) или моментом радостной, светлой семейной встречи, как когда соберутся после многих лет члены одной семьи, и расставаться не хочется, и проходит час за часом, и ночь прошла, и утро настало, и оторваться друг от друга невозможно. Но для этого нужно, чтобы было что-то в сердце; просто прошколить, выдрессировать человека, как собаку дрессируют прыгать через кольцо, нельзя, потому что дело совсем не в том, чтобы он развил бесконечное терпение или крепкие ножные мускулы и мог стоять без конца, а в том, чтобы в нем родилось такое

чувство, которое его влечет в храм, молиться. Я уж не говорю о том, что надо его учить пониманию и языку этих молитвословий. Мы можем учиться этому из самых простых молитв, если, как говорит епископ Феофан, мы берем утреннее или вечернее правило и не только его **вычитываем**, а еще хуже – **выстаиваем**, а стараемся в промежутках между моментами молитвы (то есть стояния лицом к лицу с Богом и общения с Ним в слове) обдумать эти молитвы, понять все, что сказано в них, значение слов, мыслей, чувств, которые вложены в них, *обчувствовать* эти молитвы (это выражение опять-таки Феофана), и еще вдобавок, если мы твердо изо дня в день применяем в жизни то, что говорим в молитве. Если ты утром сказал: *прости, как я прощаю*, и у тебя есть на кого-то злоба, в этот же день ты должен что-то сделать в этом отношении. Если ты сказал какую-либо другую фразу или слово в молитве, оно должно быть выполнено в течение дня. И для этого надо разбивать вечернее и утреннее правило на малюсенькие кусочки, которые могут послужить как бы правилом поведения на несколько часов; потом следующее и следующее. Тогда вся молитва делается живой, потому что она так переплетается с жизнью; а вечером, когда приходишь каяться, есть в чем каяться и не приходится выдумывать: «Что бы Господу сказать? Всем, Господи, грешен...» – неправда, и слава Богу, что неправда: не всем, а вот какой-нибудь одной вещью так грешен, что каяться надо. Вот если так подготавливать людей, то постепенно они войдут в богослужение, и тогда это богослужение станет песнью души; но иначе – нет, не станет, разве что человек – гений духовный; но тогда он и без нас обойдется и найдет свой путь.

* * *

Я употребил выражение «*закрытые двери*». Двери, конечно, не храма, и двери не нашего дома, и еще меньше – двери нашей любви, и еще меньше – двери нашей способности всякого принять, как нас принял Христос; а дверь другая, та дверь, через которую я сам вырываюсь из внутрипребывания и делаюсь даже не странником, а бродягой. Войди внутрь себя, закрой дверь, стань затворником внутренним, и изнутри действуй, говори. Опять-таки, это не значит разобщенность, а

это значит такая собранность, при которой можно всецело пребывать внутри себя, одновременно сияя наружу. Ну, если у вас есть свеча, на ветер вы ее не поставите для того, чтобы в ночи стало светлее, вставьте вы ее в фонарь, причем крепко закроете фонарь, чтобы не задуло, и тогда свеча будет светить и в тихой ночи, и в бурной ночи. Вот так надо душу свою вставить, внутрь ввести, оградить ее каким-то образом, чтобы ничто не могло погасить дух, потушить свет, убить тепло, заглушить сияние, и она будет светить. *«Стяжи мир – тысячи спасутся вокруг тебя»*, – говорил преподобный Серафим Саровский. И это возможно, но при этом надо, чтобы все было открытым. Одна из вещей, которая меня больше всего поразила в какой-то момент моей жизни, это слова Исаии: «Дай душу свою на растерзание голодным...» (Ис.58,10) Дай, пусть растерзают, пусть насытятся – но не в том смысле, что: расплескай свое богатство, так, что ни ему, ни тебе ничего нет.

МОЛИТВА И ВРЕМЯ

Я хотел бы сегодня поговорить с вами о молитве и предположу тому, что собираюсь сказать, одно короткое замечание. Это, конечно, не будет лекция, потому что о молитве совершенно невозможно читать лекции. Можно из очень богатой сокровищницы православного опыта выделить те или другие моменты, те или другие понятия и подчеркнуть их, можно поделиться, но нельзя ex cathedra читать лекции о молитве, потому что молитва так же неуловима, как жизнь; она, в сущности, жизнь для нашей души, и без нее жизни нет.

Надо различать две молитвы, если так можно выразиться: молитву, которая является встречей с Богом, общением с Ним, живым и глубоким соотношением между Богом и нами, и – молитвословие, которое может быть молитвой, но, к сожалению, так часто является только словесным упражнением. Вырваться из молитвословия в молитву или проникнуть в молитвословие настолько глубоко, чтобы в его сердце найти молитвенность – одна из основных задач духовной жизни. Это относится к тем людям, которые привыкли молиться, привыкли употреблять священные церковные слова, и для которых от повторения, от невнимательного к ним отношения эти слова стали тусклыми, потеряли свой блеск, потеряли свою действенную силу. Таким людям надо что-то делать, чтобы освободиться из этого колдовства слов, из этого плена словесного. Надо опомниться вовремя и уйти вглубь, чтобы в сердцевине этих молитвенных воздыханий, которые когда-то вырывались из живых душ среди подвига, среди молитвенного труда, в громадном напряжении всех духовных сил и при громадном иногда страдании, найти их содержание и для себя. Вот, начиная с этого, мне хотелось бы рассмотреть некоторые трудности молитвы, как они представляются нам, в нашем современном мире.

Первая трудность, с которой встречаются все, это вопрос времени, и трудность эта – двоякая. С одной стороны, найти время на молитву, а с другой стороны – не дать времени (то

есть поспешности, внутреннему напряжению, тревоге о том, что время бежит) убить в нас покой и глубинность, при которых молитва возможна. Найти время и для священника может оказаться не таким легким делом, потому что и священник может быть настолько глубоко поглощен своим служением, может вообразить, что его служение: встречи с людьми, беседы с ними, совершение самих богослужений – настолько важно само по себе, что он себе не оставляет достаточно времени для того, чтобы войти внутрь себя и пребыть безмолвно, то есть без внутренней тревоги, без какого-то движения куда бы то ни было, перед лицом Живого Бога. Вы мне можете возразить, что самое богослужение есть молитва. Да, при условии, что вы в нем молитесь; но само по себе богослужение есть только очень благоприятное условие для молитвы. Человек может отстоять службу и пройти мимо молитвы, человек может ее отслужить и ни до какой глубины встречи с Богом не дойти. И это – одна из самых разрушительных вещей, которая может случиться в жизни священника.

Но другая сторона, более, мне кажется, трудная и важная, это вопрос времени как такового. Вы, наверное, все знаете, как иногда становишься на молитву, и неотступно тебя гложет сознание, что время бежит, что надо «закончить правило», надо «вычитать» канон, надо дойти до конца чего-то, а время как будто бежит с такой быстротой, что не успеваешь за ним. И получается, что часто человек молится все поспешнее и поспешнее. Сначала он молится с каким-то сочувствием к словам, затем – еще с каким-то пониманием того, что он делает, потом все быстрее и быстрее, будто задача в том, чтобы уложить определенное количество молитв в определенное количество времени. И часто выходит человек после такой молитвы, будто он прошел мимо Бога. Все прочел, все сказал – и ничего не случилось. Вот тут проблема времени стоит очень остро.

Говоря сначала в порядке как бы внешней техники вопроса, есть замечательный совет в сочинениях епископа Феофана Затворника. Он указывает, что для того, чтобы молитва могла быть глубокая, неспешная, спокойная, внимательная,

благоговейная, надо ее определять не количеством молитв, которые предполагаешь прочесть, а временем, которым ты располагаешь, и в это время молиться предложенными нам молитвословом или другими богослужебными книгами молитвами, не заботясь о том, закончишь ты свое правило или нет, дочитаешь или нет (здесь, конечно, речь идет о частной молитве отдельного христианина). Он указывает, например, что если у человека полчаса времени по ходу его дел, пусть он становится на молитву и с крайним, предельным вниманием, собирая в себе все благоговение, на которое он способен, приносит каждое слово молитвенное, каждое молитвенное предложение Богу, не заботясь о том, что будет. И он указывает в этом письме, что если за все время, которым ты располагаешь, ты прочтешь какую-нибудь четверть или половину вечерни или другого правила, которое ты себе назначил, но прочел это всем умом, всем сердцем, всем твоим естеством, ты исполнил правило, тогда как если ты «вычитал» все, проходя мимо каждой молитвы, ради того чтобы дойти до следующей (и это бывает), ты не исполнил правило, хотя и вычитал все. Потому что Богу нужно наше сердце, наше сознание, Богу нужна, так же как и нам, встреча, а вовсе не повторение молитв, которые были сложены другими и которые мы можем принести как свои, только если вложим в них наш ум, наше сердце, нашу волю, весь порыв всего нашего естества, включая и тело наше.

Это первое, что, мне кажется, нам надо помнить, потому что если мы так начнем, вначале нам не удастся, вероятно, в короткое время прочесть длинное правило; но по мере того как мы будем внимательно, благоговейно переходить от слова к слову, от мысли к мысли, от чувства к чувству, эти чувства и мысли станут искрометными в нас, так что через некоторое время будет довольно сказать слово для того, чтобы весь ум собрался, все сердце загорелось. И тогда не приходится долгим, напористым трудом доводить до своего сознания, до своего чувства молитвенные слова, потому что сознание, подготовленное из недели в неделю, а иногда из года в год, сердце, вспаханное этим трудом, будет отзываться мгновенно.

И окажется, что после долгого, медленного, частичного труда мы вдруг стали способны с полным вниманием, с полным сердечным участием, всем нашим естеством возносить молитвенно все правило Богу.

Это относится вообще ко всякой человеческой деятельности. Чем бы вы ни занимались, если вы вначале будете очень внимательно, точно, медленно выполнять свое дело, через короткое время оно настолько станет вам привычным, что вы сможете действовать все быстрее и быстрее, не теряя совершенства исполнения при этом. Если же вы будете стремиться к быстрой, то это будет всегда за счет совершенства, качества; мы все это знаем, думаю, из разных областей жизни, начиная от самых простых и до самых сложных.

Очень часто время все-таки врывается в нас, в наше сознание; и вот нам надо научиться справляться с временем, просто останавливать время. Разумеется, я говорю не о течении звезд и движении Земли вокруг Солнца; я говорю о чем-то ином. Время бывает разное. Есть время, которое определяется часами, а есть время, которое определяется внутренним переживанием. Мы все знаете, как иногда несколько минут могут казаться бесконечно долгими: когда ждешь чего-то с напряжением, или со страхом, или с тоской, или с тревогой. Но вы также знаете, наверное, как иногда мгновенно промелькнут вдруг несколько счастливых или горестных часов. И вот я об этом времени говорю, об этой остановке времени, о том, чтобы справиться с временем в этом отношении.

Первое, я думаю, что мы должны помнить – и мы не всегда помним: за временем совершенно нечего гнаться, потому что время не от нас бежит, а к нам бежит. Буду ли я спешить навстречу следующему часу моей жизни, буду ли я сидеть и ожидать его прихода – неминуемо этот час ударит; поэтому те люди, которые как бы торопятся навстречу следующему часу – напрасно трудятся. Час придет, а то время, которое употребляешь на то, чтобы к нему устремляться с волнением, можно было бы так спокойно употребить на что-нибудь другое, более путное, нежели волнение и устремленность впустую. Это

важно помнить, потому что все приходит в свое время, но в **свое** время или, если предпочитаете, в **Божие** время. Как ты ни стремишься достигнуть момента, когда будешь молиться углубленно, **до** времени ты этого не достигнешь. И напрягаться к тому, чтобы видеть плоды молитвы, результат своего труда – совершенно безрассудно; так же как земледелец не ходит каждый день в поле смотреть, проросла ли травка. Он знает, что посеял семена, а теперь – ждать. Придет срок, они взойдут, и все будет, но пока они всходят, он, как Евангелие говорит, ест и спит и делом своим занимается. А мы часто, именно под напряжением этого ожидания или устремленности вперед, не молимся сейчас всей глубиной нашей души, потому что молимся и одновременно глядим, не поднимается ли заря будущего века... И не поднимается, потому что подняться-то она может только у нас в душе, и как ни смотри вдаль, не увидишь ее. И вот, одна из задач в том, чтобы научиться справляться с этим внутренним временем. Для этого можно делать просто, очень спокойно, определенные упражнения.

Упражнения заключаются в том, чтобы, когда вам нечего делать – ничего не делать и никуда не устремляться. Это кажется очень простым делом, а попробуйте... Вот выдалось пять минут свободного времени. Что вы делаете большей частью? Ерзаете на стуле; перебираете бумаги; смотрите вокруг; складываете и раскладываете книги; перекладываете тетради; смотрите в окно; думаете о том, что будет – то есть, занимаетесь тем, чтобы момент совершенной устойчивости превратить в маленькую бурю, – ну, в какую-то рябь, бурю в стакане. Вместо этого попробуйте (и это далеко не легкое упражнение), если у вас есть пять минут, когда вам просто, вполне законно нечего делать, – сядьте и не делайте ничего. Сядьте и осознайте: вот я – Петр, Иван – сижу. Вокруг меня тихо, ничего не происходит и нечему происходить, и я – перед лицом Божиим; и побудьте эти какие-то мгновения перед Божиим лицом. Вы увидите, что это далеко не так легко, потому что начнутся кружиться мысли, как мошкara в весенний вечер, по словам Феофана Затворника; какие-то воспоминания начнут подниматься в душе, что-то будет подсказывать: Ах! а я забыл

то, и другое, и третье, что надо сделать; тревога начнется, напряжение тела... И вот надо научиться справляться и со своим телом. Надо научиться сесть и расслабиться, сесть так, чтобы не сидеть, будто на угольках, а сидеть, как на стуле или в кресле, «осесть», добиться покоя телесного, вслушаться в тишину, которая вокруг.

Здесь борьба с временем, с тревогой, которую время рождает в нас, совпадает с исканием внутреннего и внешнего молчания. Внешне молчать мы кое-как можем, хотя и тут мы часто воображаем, что молчим, а на самом деле ведем постоянный диалог с самим собой. Это тоже – течение, а не стояние перед Богом. Но вот я хочу вам рассказать про одну старую женщину (кажется, я о ней рассказывал в свое время здесь, – простите те, кто это помнит).

Вскоре после моего рукоположения пришла ко мне старушка, говорит: «Вот уже много лет я занимаюсь постоянно Иисусовой молитвой, и никогда Божьего присутствия ощутить не умела; что же мне делать?» Я ей посоветовал то, что мне казалось очень разумным: обратиться к кому-нибудь, кто умеет молиться. Она мне в ответ: «Да я всех спрашивала, кто знает, и ответа не получила, так я решила вас спросить...» Ну, утешительно было. Я тогда ей сказал по простоте: «Как вы думаете – когда же Богу слово вставить, если вы все время только и делаете, что говорите? Вы бы помолчали перед лицом Божиим». – «А как это сделать?» Говорю: «Вот утром проснетесь, приберетесь, позавтракаете, уберете свою комнату, а потом сядьте поуютнее перед своей лампадой в комнате и занимайтесь вязанием перед лицом Божиим, только не молитесь, а просто сидите в сознании, что и вы тут, и Бог тут». Мне вспомнился, по правде сказать, случай из жизни одного католического святого, который был приходским священником и обратился раз к крестьянину, часами сидевшему в церкви. Четок он не перебирал, губы у него не двигались, он просто сидел. И священник его спросил: «Что ты часами делаешь в церкви?» Тот Ответил: «Я на Него гляжу, Он – на меня, и нам так хорошо друг с другом...» Мне вспомнились эти слова, и я подумал: пусть старушечка моя попробует, не будет ли Богу и ей хорошо просто

друг со другом и не скажется ли это как-то у нее в сердце сознанием, что Бог тут?

Через некоторое время приходит моя старушечка и говорит: «Знаете что, на самом деле что-то выходит!» Я спросил: «А что именно?» И она рассказала, как она убрала свою комнату, уселась в кресло, начала вязать и впервые после многих лет начала озираться вокруг не для того, чтобы что-то сделать, а просто посмотреть; и впервые после многих лет она увидела свою комнату не как место какой-то отчаянной деятельности, а просто как место покоя, где она живет – светлое, тихое, чистое, привычное, с лампадкой. Тихо стало вокруг, и у нее стало как-то тише в голове; стала вязать и прислушиваться к тому, как звякают спицы по ручкам кресла. От этого еще как-то тише стало в комнате. Так она молчала, и вязала, и радовалась душой на тишину, в которой сидела. А потом эта тишина начала в нее как-то постепенно вливаться. Ей стало тише и тише, телесно, душевно. «А потом, – сказала она, – не знаю, как это объяснить, но я почувствовала, что то молчание, та тишина, которые царствуют вокруг – не просто отсутствие шума, а присутствие какой-то сущностной тишины, и что в сердцевине этой тишины – Бог».

Вот о чем я думаю как о первом шаге: сядь; утихни; подумай о том, что Бог здесь, что искать Его нигде не нужно, что тебе хорошо с Ним и Ему хорошо с тобой; и просто побудь, сколько можешь. Через короткое время по непривычке это станет упражнением слишком трудным. Я думаю, две-три минуты от силы выдержишь для начала. Тогда тихонько начни молиться. Но молиться такой молитвой, которая не разбивала бы тишину: *«Господи, помилуй... Господи, помилуй...»* – или что угодно. Ведь царь Давид в одном из своих псалмов говорит: "Радость Ты моя!" (Пс.31,7) – можно и так к Богу обратиться. Что угодно можно сказать, лишь бы слова не были отрицанием и уничтожением той тишины, которая начинает рождаться в душе. Вы сами знаете, как иногда неожиданно, без того чтобы мы что бы то ни было сделали, на нас сходит тишина. Бывает это в любой обстановке, не обязательно там где тихо, не обязательно в лесу, в поле, не обязательно в пустой церкви; иногда среди

шума житейского, среди тревоги вдруг коснется души какая-то тишина, и душа уходит вглубь, в какой-то град Китеж, который (вдруг оказывается) есть под бурной или рябой поверхностью нашей души и нашего сознания. Иногда это бывает, когда вдвоем с кем-нибудь сидишь. Поговоришь; потом и говорить не хочется, и уходишь вглубь, и все глубже, и делается все тише, и нельзя тогда ничего сказать, потому что кажется, что любое слово разобьет, вдребезги разнесет эту тишину. А потом эта тишина делается такая глубокая, что в ней начинает рождаться возможность что-то сказать; и тогда говоришь осторожно, трезво, немногоречиво, тихо, и каждое слово выбираешь так, чтобы в нем была правда, и чтобы оно не разбивало эту Богом данную тишину.

Один западный подвижник одиннадцатого века, оставшийся безымянным, написал такую фразу: «Если на самом деле Сын есть Слово Отчее, то мы по справедливости можем сказать, что Бог – это то бездонное безмолвие, то бездонное молчание, из которого только и может прозвучать слово, до конца совпадающее с молчанием и выражающее его». Вот если дойти до такой тишины, тогда можно начать говорить какие-то молитвенные слова; но говорить их с такой бережностью, так осторожно, чтобы не нарушить то, что дал Бог: тишину, безмолвие, молчание. И не справедливо ли попутно заметить, что и некоторые состояния, которые мы иначе определяем, являются благоговейным безмолвием; вера, например, как уверенность в вещах незримых, когда мы стоим на грани, зная и ведая, но ничего не говоря и не в состоянии что-либо сказать о той тайне, перед которой мы стоим.

Вот попробуйте это в виде первого упражнения. Но этого недостаточно. Надо научиться удерживать состояние, свободное от тревоги, и тогда, когда тревога собирается ворваться. Бывает, например: собрался, стало тихо, назначил себе какие-то пять минут молчания, и вдруг кто-то постучал в дверь. Можно было бы и не отозваться, но сразу сердце всколыхнулось, мысли забегали, любопытство начинает уже грызть, покой-то ушел, хочется открыть дверь. Конечно, мы это прикрываем названием братолюбия, внимания, правдивого отношения к тому человеку,

который стучит в дверь; на самом деле на две трети это просто неспособность спокойно сидеть и любопытство.

И вот, второе упражнение заключается в том, чтобы себе сказать: может быть, постучат в дверь, может быть, будет звонок в передней, может быть – телефон, мало ли что может быть, – а меня нет, я теперь уже не в этой комнате, я в Божием присутствии. Мы так поступаем постоянно, только не замечаем этого. Когда вы ушли, например, на базар, и кто-то стучится к вам в комнату, никто не открывает; когда вы ушли куда-нибудь на прогулку, к друзьям, никто не открывает вашей двери. Поэтому так и смотрите: я – в присутствии Божием, значит, некому и открывать. Если вы постарше да поэнергичнее, тогда вы можете поступать – как бы сказать помягче? – с большей уверенностью. Мой отец любил молиться и жил одиноко, и на свою дверь приделал записку: «Я дома, но не трудитесь стучать, – все равно не открою». Если у вас такое положение, когда вам хочется быть правдивым до конца и вместе с тем обеспечить себе эти несчастные пять минут (за которые все без вас обойдутся: честное слово, никто из нас не настолько необходим миру, чтобы мир не мог бы пяти минут обойтись без нас) – обеспечьте себе эти пять минут, как хотите: сделайте вид, что вас нет, спрячьтесь. Был когда-то в Петербурге отец Александр Косухин, большой друг Иоанна Кронштадтского, – тот себе устроил прямо из алтаря лесенку на чердак. Кончал литургию и по лесенке влезал на чердак, тянул лесенку за собой, и пока он «про жадную душу» не намолятся, не спускался. Прихожане могли его искать, и прислужники шныряли по алтарю, думали: куда делся? А потом привыкли, что его нет после литургии, и все привыкли, и ничего ни с кем не случилось. И ни с кем ничего не станется, если на пять минут вы исчезнете с горизонта людского. Правда, мир может обойтись без каждого из нас пять минут и даже больше.

Если вы научитесь сидеть совершенно спокойно за дверью, в совершенном покое и тишине, когда кто-нибудь стучит, когда зовут по имени, это уже будет начало того, чтобы уметь останавливать время. И тогда вы можете останавливаться в нынешнем моменте. Дело-то в том, что вы не можете молиться

ни в прошлом вашем, ни в вашем будущем, а только в то мгновение, в котором вы сейчас находитесь. Прошлое прошло, и туда возврата нет. Будущее впереди, и вас там еще нет; а вы находитесь в том мгновении, где и Бог и вы в вечности и во времени одновременно, – в объективном времени и в божественной вечности. Научиться жить в том мгновении, в котором мы находимся, не всегда легко, потому что мы привыкли к тому, чтобы настоящее было только такой воображаемой гранью между прошлым и будущим; мы переходим из прошлого в будущее, как, знаете, перекачивается яйцо, когда катаешь крашеное яйцо на полотенце. Оно сначала тут, потом там, но нигде не задерживается; так и мы ни в какое мгновение не находимся в реальности, в нашем настоящем. Отчасти мы живем тем, что только что было, и не умеем высвободиться; отчасти мы уже где-то впереди себя, то есть спешим. И вот тут надо научиться делать различием между быстротой и поспешностью; различие это очень простое.

Вы, наверное, видели, как человек старый или увечный, или слабый старается догнать троллейбус или идущего впереди приятеля: он спешит отчаянно, а движется медленно. И все время, пока он спешит, он старается поймать самого себя, идущего впереди него. Ему хочется каждое мгновение быть на шаг дальше, чем он есть. И вы знаете тоже, как бывает во время отпуска, каникул летних: идешь бесцельно, но чувствуешь себя хорошо, бодро, жизнь чувствуется в теле. Можешь и побежать, но никуда не спешишь, потому что никуда не стараешься попасть раньше того момента, когда до этого места дойдешь. И вот то же самое бывает с нашим внутренним миром. Мы не имеем права стараться добраться куда-то, мы должны там, где находимся, делать все, что сейчас можем. Будь всем, что ты есть, делай все, что ты можешь; а время, как я в начале говорил, в твою пользу работает, оно к тебе течет, оно мимо тебя проходит, спереди назад, и дойдет до места, которое тебе нужно.

Я это испытал, когда меня во время немецкой оккупации арестовал. В тот момент я вдруг обнаружил очень интересную вещь. Во-первых, что прошлое вдруг мгновенно исчезло, потому

что прошлое было таково, что меня за него засадили бы и, вероятно, расстреляли; значит, реальному прошлому не было места, оно должно было исчезнуть. А того нереального прошлого, которое я собирался рассказывать, когда меня будут допрашивать, все равно не было; значит, я оказался без прошлого. И еще другую интересную вещь я обнаружил: будущее существует для нас, лишь поскольку мы можем вообразить, что будет впереди, и перенестись туда; но когда и вообразить не можешь, то и переноситься некуда, и будущее вдруг исчезает. Так бывает, когда войдешь в темную комнату, и ничего не видно, и весь мир кончается вот тут, потому что впереди только тьма, нет никакого пространства, а только глубокая тьма. И вот находишься, как будто в геометрическом плане, в малюсеньком отрезке времени, в котором сосредоточилось все твое прошлое и из которого может вырасти все твое будущее.

Такой момент, такое состояние дает нам возможность молиться всеми силами нашего естества – и ума, и сердца, и воли, и тела, потому что все сосредоточено в одной-единственную точку, которая достигает такой напряженности, такой сгущенности, что если только она разрядится, то на ней можно действительно строить будущее. И из этой точки можно смотреть на прошлое, но не быть воображением в своем прошлом; можно смотреть вперед, но не быть как будто где-то там, впереди, а быть здесь и смотреть вперед, как человек смотрит, например, в окно. Он – в комнате, сад снаружи; он видит сад, он может или вообразить себя в саду, или знать, что он здесь, за стеклом (а то и за решеткой)... И вот, если научиться этому – а научиться этому можно просто теми упражнениями, которые я указывал – тогда можно стоять перед Богом.

Ведь это опыт, который есть у нас и в других областях. Скажем, когда мы едем куда-то на поезде, поезд мчится, а мы сидим в совершенном покое, смотрим в окно, читаем газету или книгу, можем молиться, можем разговаривать, причем не о том месте, куда мы едем, и не о том, что мы там будем делать, и не о том, что нас там ожидает, а просто о том, что нам интересно

говорить нашему спутнику или от него слышать. Почему же нам не применить это в молитве? Это опыт каждодневный; ведь только очень неразумные люди, когда едут из Одессы в Ленинград, во время путешествия стараются перебраться из последнего вагона в первый, чтобы быть ближе к месту прибытия. Всякий же понимает, что на таком расстоянии весь поезд меньше полвершка, значит, не стоит и двигаться. А в нашем молитвенном пути мы стараемся эти полвершка пройти вот-вот теперь, будто мы будем ближе к небу от того, что мы вот столько-то прошли. А небо само к нам идет, и время нас туда несет, только бы мы занимались своим делом и ввели небо в то место, где мы находимся, потому что это зависит от нас. Если мы живем в настоящем мгновении, если мы в это мгновение пребываем перед лицом Божиим, – все небо тут, и нечего его искать где-то за облаками: там его нет, оно только тут, где Бог и я находимся вместе, лицом к лицу, – и даже больше, чем лицом к лицу.

Мне кажется, что вопрос времени, о котором я сейчас очень много говорил, чрезвычайно важен, потому что на этом разбивается очень много молитвенного усилия.

Другая вещь, о которой я хочу сказать, это то, о чем епископ Феофан тоже пишет в первом из своих «Четырех слов о молитве». Он говорит, что ко всякому делу мы приступаем с какой-то расстановкой и подготовкой; только в молитвенное делание, нам кажется, мы можем в любую минуту опрометью броситься. И он дает такой пример. Вот хочешь написать письмо. Вернулся ты домой разгоряченный, взволнованный; разденешься, повесишь верхнюю одежду на крючок; вымоешь руки, остынешь; потом подойдешь к письменному столу, сядешь, притом поудобнее, возьмешь бумагу, выберешь перо и подумаешь: во-первых – кому я пишу, во-вторых – какие у меня отношения с ним, как обратиться к нему, какими словами, каким стилем; и только тогда начнешь писать. А иногда даже заранее как-то распределишь разные вещи, о которых хочешь сказать, в определенном, разумном, осмысленном порядке.

Делаем ли мы это, когда становимся на одинокую молитву, или даем ли мы себе время, когда приходим в храм на общую

церковную молитву, прийти достаточно рано, чтобы успеть это сделать раньше, чем первый возглас уже внесет нас в ту область, к которой мы еще не подготовлены? Знаете, иногда волна на краю моря вас возьмет и собьет, и унесет; хотя и плавать умеешь, и собирался в воду, но без внимания подошел, и событие опередило твою готовность. И мне кажется, справедливо сказать человеку, который начинает молиться (а начинающие – мы все, и годами мы начинающие, и всю жизнь мы начинающие, потому что каждый день – день совершенно новый, небывалый, и в каждый день мы вступаем совершенно новыми людьми, небывалыми; ночь, которая разделяет прошлый день от настоящего, это время как бы небытия для нас, мы вновь рождаемся в новый день): стань и поставь себе первый вопрос: к кому я пришел? Верю ли я, что стою перед Божиим лицом? Есть ли во мне какой-то опыт того, что Бог действительно есть и что я перед Ним стою? И потом, не стараясь – это очень важно – картинно себе представить, будто стоишь перед Богом или будто Бог перед тобой (потому что тогда я построю себе фантастический образ и буду обращаться к этому образу, а не к Живому, непостижимому, бездонно-таинственному Богу), встать и верой сказать: «Верую, Господи, что Ты тут, и буду стоять перед Тобой, невидимым, непостижимым, с готовностью пережить Твое присутствие или пережить – субъективно говоря – Твое мнимое отсутствие, потому что я не смогу дойти до Тебя!..»

Это – первое. Второе: честно и правдиво осознать перед Божиим лицом, с чем я теперь стою перед Богом. Вы благочестиво скажете: я стою перед Богом с благоговением, с верой и т.д. Оно так звучит лучше, чем есть; потому что если вечером, когда вы устали от дневного труда, когда вам хочется или почитать что-нибудь, или просто лечь, вы поставите перед собой вопрос: с чем я сейчас стою перед Богом, очень ли мне хочется молиться, ждал ли я весь день этого мгновения встречи с Богом, вы, вероятно, часто ответите: нет, весь день был занят чем угодно, я занимался даже предметами, которые как-то косвенно относятся к Богу, скажем, богословием в той или другой форме; но я не ждал этого мгновения, когда наконец мы

будем вдвоем и одни. Если покопаться, бывает, что честно ответишь: становлюсь я на молитву, потому что во мне сидит какие-то суеверие: не помолюсь – Бог не защитит в течение ночи... Я сомневаюсь, чтобы с вами такого не бывало, но даже если допустить, что этого с вами не бывает, то бывает с другими людьми.

Определите то состояние, тот строй, с которым вы к Богу пришли, и скажите Ему прямо: «Господи, по правде сказать, мне не хочется сейчас молиться, по правде сказать, я бы предпочел, чтобы можно было без этого обойтись, только боюсь, или стыжусь, или чувство долга во мне крепко, а любви-то к Тебе очень мало...» И так далее: посмотрите в свое сердце и найдете массу ответов; и признайтесь, скажите Богу, и с этого и начните свою молитву. Раньше чем читать молитвы святых, где выражаются чувства, которые у вас – у нас – должны бы быть, но которых так часто нет, поисповедайтесь Ему в своем настроении, в своем расположении.

Сделайте так, и тогда вы можете встретить два рода обстоятельств. Или от того, что вы были правдивы и честны, в вас родится живое, добротное чувство к Богу, и вы сможете начать с Ним говорить; или же до чувства вам не удастся дойти. Если родится какое-то живое чувство: пусть будет покаяние, пусть будет благодарность, пусть будет трепет – тогда берите молитвенник и читайте внимательно, отдавая себе отчет в том, что означает то, что вы говорите. Вот первые слова вечернего, утреннего правила, всякой службы, которую мирянин вычитывает: *«Во имя Отца и Сына и Святого Духа»*. Большей частью это воспринимается людьми как просто вступление; но не значат ли эти слова, что я стал теперь перед Богом в Его имя, а не в свое, не от себя, а от Него, не ради себя, а ради Него; что все, что сейчас будет происходить в молитвенном порядке, зиждется на Нем, покоится на Нем, уходит в Него и вернется от Него ко мне. Возьмите хоть такую фразу и скажите ее сознательно, и вы увидите, что в то же мгновение сделается это очень трудным. Потому что просто сказать: *«Во имя Отца и Сына и Святого Духа»*, – не трудно, а сказать это и себя просто отстранить, отодвинуть в сторону, и действовать в Божие имя,

ради Него – совсем другое дело. И тут начинается наше освобождение от себя самого, от духовного корыстолюбия, от всяких переживаний, которые у нас есть и от которых гниет в нас молитвенный дух.

Потом дальше читайте молитвы – спокойно, читайте их, не направляя к Богу куда-то, а направляя их острие на себя самого, то есть доводите до своего собственного сознания, до своего собственного чувства, до своей собственной воли, до своего тела эти молитвенные слова, так, чтобы они вошли в вас, и всем сознанием, всем сердцем, всей волей, всем напряжением телесным, которое только вам доступно, воспринимайте эти слова. Не беспокойтесь: когда вы их доведете до сердца, оттуда они сами вспорхнут к престолу Божию. А если вы будете из уст их отсылать в небеса, то до вас они не дойдут, а до Бога они дойдут как молитвы других людей, которые их складывали, и вы будете просто чтецом, который прочел, но это не ваши молитвы будут.

Бывают другие случаи, когда сердце настолько мертво, когда силы и жизни отозваться не хватает, – тогда можно произносить эти молитвы из убеждения, а не из переживания. Вы знаете, как иногда бывает: устанешь до предела и, однако действуешь в том или другом направлении, потому что знаешь, что хоть сейчас ты этого не ощущаешь, но где-то в тебе чувство живет. Бывает так: вернешься домой совершенно изможденный от усталости. Если тебя спросить: «А скажи, ты чувствуешь живую любовь к тому человеку, который вот теперь тебя неожиданно посетил и требует помощи?» – Ты скажешь: «Нет, не чувствую, потому что я так устал всей душой и телом, что не добаться до чувства, я мертв, но буду действовать, будто я это чувствую; не лицемеря, а потому что знаю, что отойдет усталость, снова поднимется, как град Китеж из глубин, живое чувство». И тогда можно эти же молитвы произносить из убеждения, а не из чувства, произносить их, сказав Богу: «Господи, я сейчас не могу собрать никаких чувств, даже мысли мои еле-еле ползут по этим словам, но эти слова выражают все, во что я верю, эти слова правдивы до конца, и я их говорю со всей правдивостью, несмотря на мое бессилие их в данную

минуту пережить...» Но говорить их иначе, то есть притворяясь, будто это то, что я чувствую и думаю, когда мысли разбегаются, когда сердце безучастно, когда и мысли не имеешь о том, чтобы исполнить на самом деле то, что говоришь – это **безбожно**, это кощунственно. И вот, если вы будете учиться изо дня в день молиться ответственно, молиться так, чтобы каждая молитва стала вашей, то когда вы придете в храм, душа ваша будет готова, как арфа, запеть под рукой того, кто на ней играет – Духа Святого.

И для того чтобы это стало возможно, надо сделать еще одно последнее: надо, чтобы молитва и жизнь так между собой переплелись, чтобы одна выражала другую. Нельзя вечером или утром становиться перед Богом и говорить Ему те или другие слова, и затем жить наперекор всему тому, что ты исповедал в своей молитве. Нельзя говорить Богу: «Готово сердце мое, Господи, готово сердце мое...» (Пс.56,8; Пс.107,2); нельзя говорить Богу: «Душа моя яко земля безводная Тебе» (Пс.142,6) или: «Яко лань, стремящаяся на источники вод» (Пс.41,2), когда никуда не стремишься и душа ничего не ощущает подобного. Но еще меньше можно говорить Богу ответственные слова: *прощаю.., имею волю каяться.., хочу...* того или другого, как мы говорим в утренних и вечерних молитвах, и не касаться этих слов на самом деле в жизни; потому что тогда слова постепенно тускнеют, их покрывает плесень, они делаются безвкусными, они делаются со временем приторными и противными, ибо они отдают ложью и бесконечным повторением.

Если же мы возьмем каждую молитву, которой молимся, и разделим ее на такие предложения, которые мы можем провести в жизнь, и день за днем будем посвящать тому, чтобы жить этими молитвами, жить по часу, по два, по три одним предложением; если брать отдельные предложения: не стану осуждать, не стану делать того, буду делать то – как правило на час, на два, на три, на полдня, на неделю (в зависимости от того, насколько хватит в нас не только духа, а прошколенности в этом отношении, устойчивости, способности на продолжительный труд, чего у всех нас чрезвычайно мало) –

если так будем поступать, то эти слова никогда пленкой никакой не подернутся, они будут каждый день, как меч острый, и когда мы будем приходить с утра к вечеру или с вечера на утро к молитве, то каждое это слово, каждое предложение, каждая молитва будет или судить нас, или раскрывать перед нами божественную подвижническую программу жизни.

Вот если вы попробуете применить к делу те две-три вещи, о которых я сегодня говорил, сознавая, что вы в самом начале вашего пути, как все мы, без исключения, каждый день, на самом начале пути, вы увидите, что соберется постепенно молитва, и тогда она уже будет не внешним упражнением, и даже не состоянием души, а самым бытием нашим. Но для этого нужно, чтобы молитва и жизнь стали одно, как Ефрем Сирин говорит: «Не заключаю в одни слова молитву твою, пусть вся твоя жизнь станет богослужением».

Владыко, простите, вот Вы говорите о молитве. Но ведь мы живем в сложных ситуациях, поэтому нельзя мыслить о человеке, как об этой старушке она углубилась и вяжет себе чулок. Мы живем в мире, где масса не от нас зависящих вещей. Это проблема, по-моему...

– Это проблема; но я вам отвечу для начала сравнением. Когда на вас найдет большое, подлинное горе или громадная, захлестывающая радость, то очень ли окружающий мир в течение дня мешает носить ее в сердце, переживать и все делать на фоне ее? Едва ли. Беда в том, что молитва уходит, как солнце за тучу, потому что наша молитва, наше предстояние перед Богом, наше переживание Бога гораздо слабее того, что у нас бывает в жизни, когда близкий человек умрет или когда мы вдруг обнаружим, что человек, о котором мы думали, что он погиб -жив и перед нами. Об этом надо подумать, потому что это факт нашей жизни.

Другое вот что можно сказать. Житие одного из святых рассказывает следующее. Когда он был еще юношей, он услышал в церкви какие-то слова о молитве, которые его так поразили, что он захотел уйти и только этим жить: молиться, молиться, молиться... Был он безграмотный и необразованный

церковно, и поэтому знал-то, кажется, только «Отче наш». Ушел он в соседнюю гору и первые часы повторял эту молитву. Пока душа была жива, трепетна, он ее повторял раз за разом с живым, трепетным чувством. А потом день начал склоняться к вечеру. Ему было лет девятнадцать, его стал мучить голод, и он решил поискать, чем бы покормиться. Стал ходить, собрал каких-то ягод, поел их немножко, голод не очень-то утолил. А к тому времени стало смеркаться все больше и больше, и он начал слышать, как вокруг него просыпается жизнь леса, жизнь гор: звери хищные. То глаза блеснут, то легкие шаги слышны – и на него напал страх. И тогда он начал кричать перед Богом: *«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй, спаси меня!..»* И всю ночь со страху он так кричал. Утро пришло, звери улеглись в свои берлоги, и пришло время ему ягоды искать. Но теперь он уже знал, что под каждым кустом может сидеть один из тех страшных зверей, которые всю ночь рыскали вокруг него. И стал он ходить в своих поисках еды и все время говорил: *«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!..»* Голод его мучил, ночь он не спал, усталость его одолевала. И стал он все отчаяннее взывать к Богу о помощи, потому что он не видел себе ни помощи, ни спасения. И ночь настала, и день настал; и так год за годом прошли.

Однажды, уже много лет спустя, когда он был уже стариком и прославленным, его посетил подвижник из какой-то пустыни и спросил: «Отче, кто тебя научил непрестанной молитве?» И тот ответил: «Бесы...» Потому что кроме зверей, голода, холода и одиночества, к которым он прижился довольно-таки быстро, начали нападать на него роями и помыслы, и плотские движения, и воспоминания, и все возможные соблазны. И чем больше они на него нападали, тем больше он кричал о помощи, до дня, когда вдруг перед ним явился Христос, и настала тишина. Но к тому моменту он научился основному, чему всякий подвижник должен научиться: что если только Господь отнимет Свою защиту, никакие свои или другие человеческие силы не помогут. И поэтому он продолжал молиться. Хоть зверей он больше не боялся, хоть голод он преодолел, хоть подвижником

он стал в бдениях, хоть бесы в это время отошли, он продолжал молиться той же молитвой.

И мне кажется, нам надо помнить, что если бы мы умели использовать все случающееся для того, чтобы молиться, нам некогда было бы заниматься чем бы то ни было другим: каждое мгновение нам предоставляет эту возможность, и даже то неладное, что в нас происходит. Если каждый раз, когда мы видим зло вокруг себя, мы на него отзывались бы **состраданием**, вместо того чтобы отзываться осуждением, и говорили: «Господи, спаси этого человека, прости ему; если я ошибся в своем суждении – слава Богу, но если я прав, только не осуди его, как я его осудил; если, когда мы обнаруживаем, что не успели посострадать, а только осудили, мы повернемся потом душой к Богу и скажем: «Господи, прости, и только, только не осуди, как я осудил», – если каждый раз, когда мы сделаем что-нибудь доброе, мы с изумлением станем перед Богом и скажем: «Господи, спасибо Тебе, что Ты мне дал это сделать, своими силами я никак бы не смог», – тогда и грех, и добро, и зло, и наша слабость – все было бы для нас постоянным рядом обстоятельств для молитвы. Поэтому мешает нам не делание, мешает нам не то, что вокруг делается, а мешает нам молиться то, что **в нас** делается, и то, чего мы внутри себя не делаем. Были святые – возьмите апостолов, возьмите некоторых других подвижников, которые жили в постоянной суете: Амвросий Оптинский хотя бы, Серафим Саровский последние годы жизни, и другие, для которых все было пищей для молитвы, как дрова – пища для огня.

Если мы не можем молиться от окружающей нас бури, то лишь потому, что пустили бурю внутрь, не потому что буря вокруг. Ибо пока буря вокруг и мы в буре, мы кричим к Богу отчаянно; когда вдруг она ворвалась, мы уже больше кричать к Богу не можем, потому что она нас бьет во все стороны. Возьмите евангельский рассказ о буре на море Генисаретском, когда Христос спал на корме, и апостолы боролись со смертью, с волнами. Сначала они боролись, потом отчаялись и допустили тревогу и бурю внутрь. Это ясно видно из того, что они подошли ко Христу и не сказали Ему: «Господи, Тебе дана всякая власть

на небе и на земле, Ты Хозяин жизни и смерти, Ты – Господь, сотворивший при нас столько чудес! Сотвори по воле Твоей и спаси нас!» Нет! Они его разбудили и сказали: «Неужели Тебе дела нет до того, что мы погибаем?»(Мк.4,38) Они уже не думали о том, что Он имеет власть одним слово утишить бурю или их спаси иным образом. Они только хотели Его, своего Учителя и Бога, вовлечь в собственную тревогу. Если перефразировать, можно было бы так сказать: «Господи, если Ты ничего не можешь сделать, хоть не спи, хоть помучься с нами!» И Христос на это так и отзывается. Евангелие в этом смысле метко подчеркивает, что Христос не только на корме спал – с головой на подушке спал: Богу дела не было до них, Он Себе в Своем покое отдыхал, пока они, Его несчастные ученики, мучились. И Христос встает и говорит им: "Маловеры, доколе Я буду с вами?"» (Мф.8,26). А потом, уже не обращая внимания на этих Своих учеников и не давая буре войти в Себя, Он обращается к ветрам и к морю и говорит: "Умолкни, утихни» (Мк.4,39). Как бы Свой покой вливая в эту бурю и побеждая Своим Божественным покоем бурю тварную.

А мы это делаем постоянно. Когда буря вокруг нас, мы не стоим там, где стоит Господь, и не говорим: молюсь – а буря вокруг утихнет, когда придет время Божие и когда внутренний мой покой достигнет такой устойчивости , что вокруг него ничего не сможет волноваться. И здесь вспомните слова Серафимовы: «Стяжи мир – тысячи спасутся вокруг тебя».

КАК БЫТЬ ХРИСТИАНИНОМ ВДАЛИ ОТ ХРАМА

Тема моих бесед – вопрос о том, как можно быть христианином вдали от храма. И сразу поднимается в памяти рассказ о том, как жили первые христиане. Их было очень и очень мало; они были рассеяны по лицу всей Римской империи; больше того – они были гонимы, и поэтому даже собираться для них было опасно, порой – невозможно. Поэтому, ставя перед собой вопрос, можно ли жить не собранной вокруг храма группой, не пользуясь богослужением, и вырасти верой, познанием, стать общиной видимой, проще всего обратиться к этому прошлому.

Что характеризовало христиан, что делало их непохожими ни на кого, единственными в своем роде? То, что люди самого разного происхождения, разных общественных сословий, разного образования, разной культуры, разной национальности, разных языков, которые никогда бы и не подумали, что они могут встретиться на общей почве, нашли эту общую почву в том, что стали верующими, уверовали в Господа Иисуса Христа. Мы ищем общения между собой, и это общение часто стараемся осуществить на всех планах нашей жизни. Они этого не могли даже помыслить, искать этого было для них невозможно. Единственное, что у них было общее, это их вера: то, что они, каждый по-своему, встретили Господа Иисуса Христа, признали в Нем своего Бога, своего Спасителя, Хозяина своей жизни, и отдали Ему все силы души, малые ли, великие ли – но все до конца.

В то время вера оказалась первично не системой богословских или философских воззрений; вера оказалась плодом встречи с Живым Богом и отдачей Ему всей своей жизни, доверием до конца и верностью до конца. Эта верность выражалась во всем: в чистоте жизни, в новом строе жизни. Вспомним такого человека, как апостол Павел, который был гонителем христиан и стал одним из самых пламенных проповедников Евангелия. Вот что он говорит о том, что делает человека неспособным называть себя христианином,

недостойным называть себя христианином. В пятой главе своего Послания к галатам он пишет: «дела плоти таковы: ... прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, соблазны, ереси, ненависть, убийство, пьянство, бесчинство и тому подобное» (Гал.5,19–21). А когда ставится вопрос о том, каковы плоды Духа, то есть какие плоды рождаются в человеческой душе, когда коснется ее дар Святого Духа, действие Божие, каков христианин, что в нем может быть достойно и его как человека, и Бога как его Господа, Творца и Спасителя, то вот что мы читаем: «плод же Духа – любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал.5,22–23).

Вот те черты, на которые нам надо обратить внимание, если мы хотим быть христианами. Быть христианином значит быть таким человеком, которого Бог может не стыдиться. Такой человек вносит в мир свет – там, где все потемнело; надежду – там, где только отчаяние и безнадежность; любовь – там, где горечь, безразличие, ненависть, ссоры, зависть, вражда, распри, расхождения. Очистив свой ум от недостойных мыслей, свое сердце от скверных чувств, он вносит в жизнь чистоту, он из своей жизни исключил то, что позорит его, позорит имя христианина и позорит, в конечном итоге, Бога. Тот же апостол Павел писал: «ради вашего поведения хулится имя Христово» (Рим.2,24). Это тогда случилось, но это случается и теперь: пьянство, бесчинство, прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, зависть, гнев все еще наблюдаются среди христиан, хотя эти свойства свидетельствуют, что люди, которые живут этими чувствами и с такими чувствами действуют – не христиане в своей жизни. И вот с чего каждому из нас надо начать: ставить перед собой вопрос не о том, далека ли церковь, близка ли, удастся ли часто бывать там и что мы от нее получаем, а о том, кто мы такие: Христовы или не Христовы? Живем ли мы законами правды Божией или позорим имя Божие и свое имя христианина?

Во время войны мне пришлось очень долго быть без храма, и, подобно многим, я знаю, как тяжело это бывает. Но я также

обнаружил одно очень драгоценное свойство этой обездоленности. Это то, что я оценил церковь, храм, общую молитву по-иному. Я изголодался по богослужению, я изголодался по общей молитве. И когда потом мне стало возможно быть в храме, я молился с такой глубиной, с такой живостью и силой, как я не молился раньше, когда достаточно было пройти несколько кварталов, чтобы оказаться в малюсенькой русской церкви, которая была недалеко от моего дома. Поэтому в себе надо воспитывать и любовь к богослужению, и готовность быть христианином каждый день, каждый час, во всех обстоятельствах, с мечтой, с голодом по церкви, и с радостью о том, что мы – посланники Божии. Таков смысл слова «апостолы». Мы – свидетели; таков смысл греческого слова «мартирιον», которое переводится на русский язык как «мученик», но в основе значит «свидетель», с указанием на то, что наше свидетельство должно быть открытое, смелое, и что ради того, чтобы другому принести несказанную радость веры, мы должны быть готовы, подобно Христу, пострадать и, если нужно, умереть.

Но не от каждого это требуется, и не об этом я сейчас хочу говорить, а о том, как это свидетельство доходит до другого человека. Веру можно найти, как я ее нашел – чудом; веру можно найти чтением Евангелия, веру можно найти встречей с живым человеком, который является как бы светочем веры, из которого она льется, светится. Веру можно найти в глубинах отчаяния, когда, познав всеконечную, полную бессмысленность всякой человеческой помощи, мы можем сказать: да, по-человечески никакой надежды не остается, но все-таки не умирает надежда. Во мне горит дух; глубже, чем отчаяние, есть надежда, которая не обманывает: Живой Бог...

Первый раз *христиан* называли этим именем в Антиохии (см. Деян. 11:26. – *Ред.*). Неужели только потому, что они были представителями небольшой тогда, незначительной, странной, гонимой, отверженной секты, родившейся среди еврейства? Конечно, нет! Их бы не заметили, их бы стерли, прошли бы мимо. Но их не могли не заметить, потому что в них было нечто, чего люди того времени в других и в себе и друг в друге не

могли найти. Тертуллиан писал в своем послании Римскому императору: задумайтесь – вокруг нас все говорят: «Как эти люди любят друг друга!» – любовью, какой в язычестве никто не находил... Разумеется, и в язычестве люди друг друга любили; родители – детей, дети – своих родителей, друзья – своих близких, мужа и жены – друг друга. Но здесь была группа людей, в которых жила любовь совершенно иного рода. Это были люди, способные любить врагов, любить гонителей, среди пыток молиться о том, чтобы Бог дал спасение мучителям, как Христос, когда Его распинали, молился Своему – и нашему! – Небесному Отцу, говоря: «Прости им, Отче, они не знают, что творят...» (Лк.23,34) Вот эту любовь они обнаружили в христианской общине; но эту любовь можно обнаружить в каждом человеке. И, разумеется, не надо быть мучеником, не надо быть распятым, не надо быть гонимым для того, чтобы эта любовь светилась. Кто из нас не окружен безразличием, нелюбовью, клеветой? Кто из нас не имеет врагов, которые желают ему зла, которые хотят у него отнять то, что у него есть, самое дорогое: отнять свободу, отнять работу, отнять жену, детей, отнять что-то особенно дорогое сердцу?..

И вот первое свойство христианина: способность без гнева, без ненависти посмотреть на такого человека и сказать: «Господи, прости! Он не знает, что он творит... И больше того: Боже! Спаси его! Ты меня спас, я был во тьме, Ты меня вывел в свет. Я был такой же безумный, как он, -Ты мне дал разум небесный, не земной...» Вот о какой любви христиан говорили язычники, которые их окружали. Я уже упоминал, какова была их жизнь, о чистоте, правде, достоинстве их жизни. А здесь мы доходим до какого-то предела: любить врагов, любить их не с тем, чтобы избежать их ненависти, а с тем, чтобы наша любовь их обновила, сделала иными, не обязательно христианами по вере, но **людьми** в полном смысле слова, ибо ненавидящий, завидующий, враждующий – не человек, он даже не на уровне зверя, он – дикое животное. Наша роль – способностью нашей любить именно такой любовью возродить в других человеческий образ.

Есть старое присловье о том, что никто не может отвернуться от греха, от старой неправды, если не увидит в глазах или на лице хоть одного человека сияние вечной жизни. Именно это, думаю, поражало всех, кто встречал христиан. У нас есть рассказ о том, как умирал первый диакон Стефан. За веру его избивали камнями, и свидетели говорили, что его лицо просияло, как солнце: радостью, верой – да; но еще и чем-то иным: сиянием вечной жизни.

Я не раз ставил себе вопрос: что бы это могло быть? Каким образом лицо человека может просиять?.. Мы все знаем, как человек просиявает радостью, когда он полюбит кого-нибудь, его лицо делается совершенно иным, когда он встретит любимого человека, в его глазах свет. Но я думал о чем-то другом. Мне казалось, что должно быть что-то иное, более властное, более сильное, что могло поразить людей, встречающих христиан. И раз в жизни я с этим столкнулся с такой ясностью, с такой силой, что никогда не смог этого забыть. Мне тогда было семнадцать лет. Я пришел в церковь, где никогда раньше не бывал. Она находилась в подвальном помещении, я ее долго искал и опоздал; служба отошла, люди уже расходились. Одним из последних поднимался по лестнице из бывшего подземного гаража, где тогда ютилась эта церковь, широкоплечий священник высокого роста. И когда я взглянул ему в лицо, я обомлел: я никогда прежде не встречал такой абсолютной внутренней собранности и такого света. На его лице не было улыбки, – он меня тогда не видел, не было экстаза, восторга. Была только глубочайшая собранность, и что-то из него сияло: не вещественный свет, а какое-то внутреннее сияние. Я помню, как я тогда к нему подошел и сказал: «Я не знаю, кто вы, но я хочу вас просить быть моим духовным отцом». И затем в течение одиннадцати лет, до его смерти, он был моим духовником.

Я думаю, что нечто в этом роде происходило с язычниками, когда они встречали христиан, людей, которые стали собранными, все силы которых нашли свое средоточие, которые стали цельными, то есть были исцелены, исцелились. И вот эта цельность, эта собранность, которая собирала все силы ума,

воли, сердца, все, что в человеке было, в одну точку, откуда они могли действовать, несомненно доходила до сознания язычников, потому что они видели в христианах людей другого рода.

И действительно, христиане должны быть людьми другого рода. Наша родина – Царство Божие. На земле мы находимся как Божии посланники; жизнь наша, как говорит апостол Павел, «сокрыта со Христом в Боге» (Кол.3,3), мы всецело должны быть погружены в тайну общения с Живым Богом, Который является и Создателем нашим, и Спасителем нашим, и любовью нашей, и исцелением нашим, и радостью нашей, и цельностью нашей. Вот что, верно, люди видели в христианах. И это их озадачивало, они ставили себе, а затем и им, вопрос: откуда у вас это? Что вы собой представляете? Почему в вас радость, когда вокруг все так темно? Почему вы бесстрашны, когда вокруг все так страшно? Почему вы живете чистой жизнью, когда так легко жить грязно, когда мы разбиты, когда ум и сердце, и воля и плоть рвутся в разные стороны и разрывают нашу цельность, – в чем дело? Почему, когда вы приходите, делается вдруг мирно и тихо? Каким это образом?..

И христиане, вероятно, могли бы ответить так же, как я вам сейчас отвечу, примером. Как-то пришли ко мне два человека. Они были во вражде и искали случая друг другу все высказать, что только могли, вылить весь свой гнев, вылить весь яд, который накопился в их душах, и решили это сделать в моем присутствии, в надежде, что я не дам одному перебивать другого, что они все смогут сказать, всю ненависть вылить. Они начали говорить. Я слушал и чувствовал, что никакими силами не смогу их убедить в том, что вражда разрушает их самих, что единственное спасение для каждого из них – примирение с другим. Меня охватило тогда почти отчаяние (я был молодым священником, это было больше тридцати пяти лет назад). И вдруг мне пришла мысль, что Христос в Евангелии приказал ветру и волнам в буре притихнуть, и они умолкли и притихли. И я тогда обратился ко Христу: «Господи, я ничего не могу сделать – **Ты** приди и произнеси слово мира, а я буду с Тобой, я буду молиться так, чтобы Ты мог быть среди нас и мог совершить

чудо...» Помню, я сидел и мысленно говорил: «Господи! Будь с нами, дай Твой мир, который ничто на земле не может дать...» И вдруг я заметил, что спор начал утихать, что горькие слова перестали ранить другого, и в какой-то момент оба человека заговорили о том, что – не пора ли примириться, не пора ли из безумия вернуться к чему-то более разумному.

Вот тот мир, который христиане, верно, вносили, куда бы ни пришли они, путем своего бесстрашия, внутренней тишины, любви; и вот чего никто у нас не может отнять. И для этого не требуется ходить и говорить: «Я христианин!» – для этого надо **быть** христианином. И каждый из нас может этого добиваться, а силой Божией этого и достигнуть, потому что, как говорит апостол Павел, "сила Божия в немощи совершается» (2Кор.12,9), как ветер может заполнить собой парус и пронести через буйное море самый тяжелый корабль. И еще в другом месте он говорит: "все мне возможно в укрепляющем меня Господе Иисусе Христе» (Флп.4,13). Но начать надо изнутри, не заботясь ни о чем внешнем.

Я попробовал начертать нравственный образ христианина, тот минимальный образ, без которого человек вовсе не имеет права называть себя христианином. Теперь мне хотелось бы сказать о том, как христианин, оторванный от храма, может вести подлинно духовную жизнь. Духовная жизнь не заключается в том, чтобы посещать службы или быть членом какой-нибудь, даже очень живой, общины. Духовная жизнь заключается в том, чтобы быть в глубоком, прямом, искреннем общении с Живым Богом; а достигают этого правдой жизни, исполнением заповедей Христовых, такой жизнью, которая нас делает христианами на самом деле, а не только на словах, – и молитвой. И вот о молитве мне хочется сказать сейчас несколько слов.

Молитва, опять-таки, не заключается в том, чтобы повторять чужие слова, а в том, чтобы всем сердцем, всем умом, как говорили древние писатели, *прилепиться* к Богу, то есть устремляться к Нему, жаждать встречи с Ним и, главным образом, поскольку это от нас зависит, быть с Ним до конца правдивым и искренним. Поэтому молитва не заключается в

первую очередь в том, чтобы приобрести молитвенник или выучить, затвердить готовые молитвы; молитва заключается в первую очередь в том, чтобы научиться **предстоять перед Богом**. Это кажется или бесконечно сложным, или удивительно простым. Предстояние перед Богом, объективно говоря, очень простое дело: Бог вездесущий, нет места, нет ситуации, которая могла бы нас от Него отделить; ни дело, ни обстоятельства, ни люди не могут нас оторвать от него. Но от нас зависит сознательно, всем вниманием сердца и ума, предстоять перед Ним. Утром, когда мы встаем, мы можем начать день, в одно мгновение став перед Богом, без долгих молитв, осознав, что мы вышли из сна, пробудились от сна, как будто мы воскресли к жизни от смерти. Ведь между сном и смертью очень большое сходство. Мы без сознания лежим, не имеем над собой никакой власти, не сознаем, что вокруг нас происходит. То же самое и со смертью: что касается нашего тела (не живой души, которая предстает перед Богом, а самого нашего тела), мы уходим в какое-то забытие. И вот когда мы просыпаемся, мы как бы встаем из забытия, можно было бы почти что сказать: из небытия. Меня на земле как будто и не было, и вдруг я вступил в новый день. А этот день тоже особенный: такого дня, этого дня никогда за всю историю мира не было. Дни неповторимы, каждый день новый, он простирается перед нами, как равнина, покрытая снегом, – чистая, незапятнанная, без человеческих следов, без отпечатков наших ног; и вот этот новый человек, которым я являюсь после сна, вступает в новый день... Если подумать, это совершенно изумительная встреча: я вступаю в день, которого никогда в истории не было, и в этот день я могу внести добро или зло, я могу быть человеком или зверем, я могу быть достойным себя – или недостойным себя, я могу жить на радость людям – или на горе людям, я могу вырасти – или наоборот, стать еще меньше, чем я был вчера... Если несколько минут об этом подумать: вот, я вышел из глубин сна и вступаю в этот день, – можно и обратиться к Богу и сказать: «Господи, благослови меня вступить в этот день и благослови этот день для меня! Пусть каждая встреча, каждый человек, каждое слово будет с содержанием; пусть это содержание будет чистое,

достойное моего человеческого величия и Твоего, Господи, величия; и пусть каждое слово, каждое мое действие будут вкладом в добро, в правду, в красоту жизни».

Теперь мне хочется сказать и о том, каким образом вечером, когда день уже кончен, мы можем стать перед своей совестью и перед Богом, перед жизнью, раньше, чем вступим в ночь, в забытие, погрузимся в сон.

День, который нам был дан, мы заполнили всем тем, на что были способны. Мы в этот день внесли добро и зло, кое-что изуродовали и кое-какую красоту внесли в него; каким-то людям принесли радость, каким-то – горе; одним помогли, другим повредили; и та равнина снежная, которая лежала перед нами в начале дня, теперь отмечена нашими стопами. Можно посмотреть и увидеть извилины нашего пути, потому что редкий путь бывает прямым. И вот раньше, чем встать перед Богом, надо встать перед собственной своей совестью и поставить себе вопрос: что я сделал из этого дня и что я сделал в течение этого дня из себя самого? Стал ли я благороднее, стал ли я более достоин своего имени человека? Или же наоборот: унизил, опорочил себя? Для этого надо сесть и подумать; подумать честно, подумать так, как иногда человек думает перед смертью, потому что никто не знает, восстанет ли он со своего ложа или нет. Мы погружаемся в сон, но мы можем никогда не проснуться на земле; наши очи могут открыться на вечность, когда уже поздно будет думать о том, что надо было сделать, – тогда надо будет встать перед Богом в вечности с содержанием всей своей жизни.

И вот подумай каждый: каков бы ты был перед своей совестью, если бы знал, что пора умереть, что в течение нескольких минут пройдет, кончится жизнь и что у тебя есть эти несколько минут, а может, час или полтора, для того чтобы выровнять все, что можно выровнять, исправить то, что можно исправить, хотя бы в намерении, хотя бы душой крикнуть тем, кого ты обидел: Простите! – или тем, кого ты глубоко любил: Прощайте!.. Это очень важно, потому что встать перед Богом надо по правде, в прятки с Богом нельзя играть, в прятки с Богом невозможно играть. И вот стань каждый перед своей

совестью и поставь себе вопрос: что я сделал из сегодняшнего дня, из каждого обстоятельства, из каждой встречи; что я сделал над собой?.. Рассматривая себя таким образом, увидишь и доброе, и злое, часто – тусклое; не то чтобы очень злое, а именно тусклое, смесь доброго намерения и нехорошего поступка, – по трусости ли, по лени, по забывчивости, потому ли, что было соблазнительно поступить не так, как совесть подсказывала. Подумай над каждой вещью. И покайся...

Второе – надо себе поставить вопрос: вот сейчас день кончен, я его рассмотрел, произвел над ним честный, добротный суд, – а хочется ли мне предстать перед Богом?.. Христианин большей частью на это ответит: «Как же так! Конечно, хочется...» – Нет, не обязательно хочется. Часто бывает, что по долгу, по совестливости кончаешь день молитвой, предстоянием перед Господом. А что потом бывает? А потом человек возвращается к обыденщине; помолится, ляжет, но вместо того чтобы спать, возьмется за книжку. И если он честен, то, вероятно, заметит, что он увлечен книжкой больше, чем его влекло к Богу – а это страшно; это действительно показывает, как мы далеки от духовного здоровья, от цельности, о которой я говорил прошлый раз. Как же это возможно?.. А вместе с тем это постоянно бывает. Подумайте: разве это не бывает с нами, разве не бывает, что нас что-то влечет к себе больше, чем наше желание встретить Живого Бога?.. Вот об этой встрече и об этой внутренней борьбе между тем, что нас влечет, и Богом, Который молчаливо стоит, брошенный нами, я скажу в следующей беседе.

В прошлой беседе я говорил о том, как порой двоится наше сознание, когда мы становимся перед Богом. С одной стороны, мы желаем встречи с Богом, наше сердце влечется к Нему или наше сознание требует этой встречи, чтобы с Ним разделить то знание о себе, которое мы приобрели, продумав дела, слова, чувства прошедшего дня; а с другой стороны, нас влечет столь многое, нам так хочется почитать, поговорить, отвлечь внимание на что-то легкое... И вот тут, мне кажется, есть один простой выход. Он заключается, во-первых, в честности перед Богом. Стань перед Богом и скажи: «Господи, мне хочется помолиться,

мне хочется получить на ночь Твое благословение, мне хочется вступить в ночь под Твоим крылом, покрытым Твоей любовью, защищенным; а вместе с этим, я начал читать книгу, которая меня так увлекает: что мне делать?.. Дай мне силу обратить свое внимание на Тебя, сосредоточиться на Твоем присутствии. Я верой утверждаю: да, Ты здесь, со мной, и я перед Тобой. Я буду говорить Тебе молитвенные слова...» – как можно было бы говорить с другом, которого не видишь, потому что в комнате темно, или потому что между нами занавес, или, может быть даже, как говорят с другом по телефону: его не видишь, только знаешь, что он тебя слушает. И говорите тогда, говорите о прошедшем дне; а потом превзойдите этот день, превзойдите себя, обратитесь к Богу с чем-то, что достойно не только вас в самом лучшем и высоком смысле, но и Его.

Для этого можно опереться на молитвы святых. Об этом я буду говорить отдельно, но какие-то молитвы – свои или молитвы святых – принесите Богу, не только о том, что происходит вокруг, но и о Его славе. Господь нам дал одну молитву: «*Отче наш*», – в которой мы обращаемся к Нему как к Отцу нашему; и первые прошения – о Его славе, о Его Царстве, о том, чтобы Его воля совершилась на земле, чтобы воцарилось Царство любви и правды, милосердия и красоты... И после этого – и это второе, что может нам помочь оторваться от подстерегающего нас соблазна забыть Бога и вернуться в земную жизнь – лягте спать, но раньше чем вы заснете, пока еще не хочется спать, подумайте о тех людях, которые нуждаются в вашей памяти, и о тех людях, которые вас любят. Мой духовный отец мне раз присоветовал, ложась спать, сказать: «Господи, по молитвам тех, кто меня любит, спаси, защити меня!» – а потом лежать в постели, и тогда начинают всплывать имена и лица тех людей, на молитвы которых (или даже не на молитвы, а на любовь которых) я могу безгранично рассчитывать: мать, отец, бабушка, жена, супруг, невеста, жених, друг, старый товарищ – мало ли кто всплывет так в памяти. И каждый раз, когда всплывет образ или припомнится имя, остановись на нем и задумайся: этот человек меня любит!.. И скажи ему мысленно: «Спасибо!.. Спасибо, Миша;

спасибо, Коля; спасибо, Аня, – спасибо тебе за любовь. Эта любовь мне драгоценна, эта любовь – моя защита...» И потом обратись к Богу и скажи: «Господи, благослови его за то, что он меня любит! Какое это чудо! Чем я могу заслужить эту любовь? – ничем; и он меня любит, она меня любит. О, благослови их за это!..» И когда насытится сердце любовью одного человека, подумай о другом, и о третьем, и рано или поздно, пока вереница имен и лиц будет подниматься перед тобой, ты заснешь, но заснешь с любовью и благодарностью, и под кровом не только небесной, но и земной любви. И это составляет таинственную и неразрывную связь между небом и землей, между людьми, которые, порой, разлучены тысячами километров, или стенами тюрьмы, или смертью.

Не у всех может быть Евангелие и не у всех бывает молитвослов, но для тех, у кого есть Евангелие, есть молитвослов, я хочу сказать несколько слов о том, как их употреблять в молитвенной жизни. Очень часто ко мне приходят люди, говоря, что им хотелось бы молиться, что они в себе чувствуют сильное влечение к молитве, побуждение к ней, но не находят как бы темы, что Богу сказать. Таким людям я советую открыть Евангелие на любом месте и почитать; и понять, что не они берут инициативу в молитве, а Бог эту инициативу взял. Он к ним обратился с несколькими словами: как ты на них отзовешься, что ты на это скажешь? Если ты можешь сказать: «Как это прекрасно!» – этого достаточно, это и была молитва, потому что это был живой момент общения с Богом. Конечно, кроме этих немногих слов можно сказать многое другое. Можно обратить внимание на все то, что сказано Спасителем Христом в этом отрывке Евангелия. Можно Ему поставить вопрос: «Господи, но как этого достичь?..» Можно воскликнуть: «Но как же это понять?..» Можно сказать: «Да, я это уже видел, но во мне не хватает сил; Господи, дай мне разум, дай мне понимание, умножь во мне веру, дай мне силы, поддержи меня, победи страх, когда он меня заполоняет, когда я каменею от страха перед мыслью о том, что надо мной могут посмеяться или, хуже того, заподозрить меня, или, еще хуже, напасть на меня...» Если мы будем воспринимать слова Евангелия или

события жизни Спасителя, Его встречи с людьми именно так, если будем отзываться как бы вслух Богу на то, что Он говорит или делает, то всякое слово Евангелия, всякое событие евангельское будет для нас побуждением к молитве, к тому, чтобы с Богом говорить всем умом, всем сердцем, всем своим существом, всей жизнью; и тогда легко делается молиться, потому что начало молитвы не в нас, а в Боге.

Те, у кого есть молитвословы, часто недоумевают, как справиться с множеством тех молитв, которые они там находят: утренние, вечерние молитвы... Читаешь молитву – одно понимаешь, а другое остается недоуменным, с одним соглашаешься легко, всем умом и душой, а с другим трудно соглашаешься, одно воспринимаешь, а другое мимо тебя проходит... Тут надо вспомнить одно очень важное обстоятельство. Все молитвы, которые у нас есть в молитвословах, были написаны не за письменным столом, они вырвались, как крик души, у святых в момент, когда трагедия их коснулась, или в то мгновение, когда вдруг затрепетала душа крайним горем или ликованием. Эти молитвы – крик живой души, они выражают собой опыт людей, которые, конечно, гораздо больше, глубже, чище и светлее нас. Поэтому ожидать, что каждый из нас в любую минуту сможет найти себя в молитве того или другого святого, просто нельзя; еще меньше можно ожидать, что, переходя от одной молитвы к другой, мы сможем как бы отождествиться с содержанием этих молитв, стать заодно с опытом жизни одного святого после другого. Довольно с нас того, если из каждой молитвы мы сможем выбрать одну крупицу и сказать: «Да, здесь этот святой и я разделяем тот же самый опыт. Как это дивно: я – такое ничтожество и, оказывается, воспринимаю так глубоко, так реально то, что он пережил...» И вот эти места молитвы, будь то псалмы, будь то молитвы святых, надо себе отмечать, потому что они выражают самое глубокое и светлое, уже созревшее, что в нас есть.

О других отрывках или о других частях молитвы можно думать разное. Можно, когда дойдешь до какого-нибудь места, сказать: «Господи, не понимаю, как мог святой это произнести; как, например, человек такой чистоты мог называть себя самым

великим грешником... Неужели это пустые слова? Этого же не может быть! Не понимаю, Господи, помоги мне когда-нибудь понять...» А иногда и ответ приходит. Я себе ставил этот вопрос и потом в «Дневнике» Иоанна Кронштадтского прочел отрывок, где он говорит: «Если бы другому было дано столько, сколько было дано мне, он был бы святым – а я остаюсь грешником. Я действительно самый недостойный грешник на земле, потому что при таком богатстве остаюсь таким бедняком...» И мне стало понятным, как он мог это сказать, – он, такой великий человек перед Богом. А бывают места, которые прямо смущают нас. Мы сознаем, что не можем этого воспринять, это идет против всего нашего чувства. Скажи Богу: «Господи, не могу! В свое время, когда-нибудь, может быть, смогу понять, но сейчас я этих слов не могу сказать честно и искренне, я должен мимо них пройти...»

Я упомянул Молитву Господню, "Отче наш". Слова ее, может быть, не всем известны. Я их приведу на славянском языке, и если что нужно пояснить, поясню позже:

Отче наш, Иже еси на небесех, да святится Имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь. И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Яко Твое есть Царство, и сила, и слава, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Я хочу обратить ваше внимание на одну фразу, которая относится непосредственно к тому, что я говорил в конце прошлой беседы. Порой, в молитве того или другого святого, мы находим такое слово, которое мы честно не можем повторить, оно превосходит не только наш опыт, но и нашу способность себя победить, – победить в себе злые, недружелюбные стремления. И вот в Молитве Господней есть такой рубеж: Оставь нам наши долги, так же как и мы оставляем долги нашим ближним, которые чем-нибудь нас обидели, унизили, оскорбили. Казалось бы, не так трудно это сказать, когда в жизни все хорошо; но иногда так трудно бывает, когда у тебя есть враг или когда среда, в которой ты

находишься, тебе враждебна, когда ты являешься предметом насмешки, или побоев, или хуже того. Как тогда произнести эти слова? И вот мне хочется вам о себе нечто рассказать.

Когда я был подростком, у меня, как у всякого мальчика бывает, оказался «смертельный враг», мальчик, которого я никак не мог переносить, который казался мне истинно врагом; а вместе с тем я уже знал эту молитву. Я обратился тогда к своему духовнику и ему рассказал об этом. Он был человек и умный, и прямой, и не без резкости; он мне сказал: «Очень просто – когда дойдешь до этого места, скажи: И Ты, Господи, не прощай мне моих грехов, так же как я отказываюсь простить Кириллу». Я сказал: «Отец Афанасий, я же не могу!...» – «А иначе невозможно, ты должен быть честен». Вечером, когда я дошел до этого места, у меня язык не повернулся так сказать. Навлечь на себя гнев Божий, сказать, что я прошу Его меня отвергнуть от Своего сердца, так же как я отвергаю Кирилла – нет, не могу... Я снова пошел к отцу Афанасию. «Не можешь? Ну, тогда перескочи через эти слова». Я попробовал: тоже не вышло. Это было нечестно: я не мог всю молитву сказать и только эти слова оставить в стороне; это было недобросовестно, это была бы ложь перед Богом, обман. Я снова пошел за советом. «А ты, может быть, – говорит отец Афанасий, можешь сказать Богу: Господи, хоть я простить и не могу, но очень бы мне хотелось быть способным простить; так, может быть, Ты меня простишь за мое желание простить?» Это было лучше; я попробовал. Мне не очень-то хотелось простить Кирилла, а вместе с тем где-то такое шевелилось чувство, что – да, пожалуй, и надо бы... И повторив несколько вечеров сряду молитву в этой форме, я почувствовал, что мое сердце уже не такое окаменелое, что во мне не так кипит ярость, ненависть, что я успокаиваюсь. И в какой-то момент я смог сказать: «Прости! – я его сейчас, вот тут, прощаю...»

Я думаю, что очень важен такой опыт; очень важно, чтобы, когда мы молимся, мы не говорили ничего, что было бы неправдой. Поэтому если у кого есть молитвослов, и он по молитвослову молится – читай эти молитвы, когда есть время, ставь перед собой вопрос о том, что ты можешь сказать честно,

всем умом, всей душой, всей волей своей; отметь себе то, что тебе трудно сказать, но во что ты можешь вразить усилием если не сердца, то воли, сознания; отметь и то, что ты никак честно сказать не можешь. И будь честен до конца: когда дойдешь до таких слов, скажи: «Господи, я этого сказать не могу, – помоги мне когда-нибудь дорасти до такого сознания».

К Молитве Господней *«Отче наш»* в целом можно подойти с двух разных точек зрения. С одной стороны, преподанная нам Сыном Божиим, ставшим Сыном Человеческим, она действительно является в сущности своей молитвой сыновства вообще и сыновства Христа, о Котором сказано: «Бог так возлюбил мир, что Он отдал Своего Единородного Сына для спасения мира». С другой стороны, Молитва Господня является как бы путем целой жизни, она – путь, она – руководство. И если Христос сказал о Себе, что Он есть и Путь, и Истина, и Жизнь, то о Молитве Господней можно сказать нечто подобное: она есть путь, она открывает нам истину, и она приводит нас к жизни.

Но я начну с первой части и скажу о том, в каком смысле эта молитва является сыновней молитвой. Разумеется, слова *«Отче наш»* уже об этом говорят. Обращаться к Богу, к Небесному Отцу, Творцу вселенной, Вседержителю и называть Его Отцом можно действительно при сознании своего сыновства и того, что Бог действительно нам Отец, а не властелин. Но не только. Если мы вчитываемся в начальные слова этой молитвы: *«Отче наш, Иже еси на небесех (то есть: Который на небесах), да святится Имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя яко на небеси и на земли»* – мы ясно видим, что весь интерес, вся забота того, кто произносит эти слова, обращены на Бога и Отца, на Его волю, на победу Его правды, на водворение Его Царства, на прославление Его на земле как и на небе. Это молитва, которая начинается тем, что мы все, все, что у нас есть, все, что мы собой представляем, можем забыть хоть на мгновение и пожелать славы Того, Кто есть наш Отец Небесный, пожелать исполнения Его благой, чудесной воли, и того, чтобы Его Царство, которое есть Царство любви, братства, единства, чистоты, совершенства, водворилось на земле. В

этой части молитва «*Отче наш*» является в полном смысле сыновней молитвой, где молящийся уже думает не о себе, а о Том, Кого он любит больше всех, – о своем Отце.

Вторая часть этой молитвы может нас озадачить, потому что она уже конкретно как бы не говорит о том же самом. Из этого крика, этого моления, этой мольбы о том, чтобы все было по-Божьи, мы как будто сходим на низшую плоскость, мы думаем о земле, о себе: «*Хлеб наш насущный даждь нам днесь; остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим; не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Яко Твое есть Царство и сила и слава, Отца и Сына и Святаго Духа...*» И вот это окончание: «*Яко Твоя есть слава, Твое Царство, Твоя сила*» – нас возвращает к первичной теме о том, что мы сыновне обращены сердцем к Богу; мы всего этого просим, потому что Господь для нас, в нашем сердце, в нашем уме и сколько возможно в нашей жизни – воцарился, что Он стал Господом нашим, содержанием нашей жизни, нашей любви. И тогда понятным делается, каково соотношение начала и середины этой молитвы: середина молитвы действительно говорит о нас – но разве мы не являемся частью, и порой такой измученной, порочной частью той земли, которую нам надо превратить в Царство Божие, той земли, где Бог должен стать «*всем во всем*» (I Кор. 15,28)? Эта часть молитвы – крик жаждущей души о том, чтобы человек сам стал достойным сыном: не только в мечте, не только в желании, не только верой, не только надеждой своей, не только зачаточной своей любовью, но всей жизнью стал способен строить это Царство. А для этого нужны определенные условия.

Итак, прошения, содержащиеся во второй половине Молитвы Господней, являются как бы обращением на себя, после того как в первой ее части все внимание, вся любовь, весь порыв души обращены были к Богу. Мы потому молимся о себе так настойчиво, что мы призваны Богом быть на земле проводниками Его воли, строителями Его Царства, и что, как сказал еще на грани первого и второго столетий один из древних Отцов, святой Ириней Лионский, слава Божия – ничто иное, как человек, достигший своего совершенства, своей

полноты... Поэтому без того чтобы мы стали подлинно сыновьями Божиими, дочерьми Божиими, без того, чтобы мы достигли того, что видим во Христе (конечно, в той мере, в которой нам доступно), Царство Божие, о котором мы мечтаем и молимся, никаким образом не может водвориться на земле.

И вот мы обращаемся к Богу и просим Его: *«Хлеб наш насущный даждь нам днесь...»* Это имеет два значения: первое, которое бросается в глаза: не дай нам погибнуть, не дай нам умереть от нужды земной, от голода, от холода, от недостатка всего того, что питает тело... Но это имеет тоже и другое значение: не дай нам погибнуть без того, что питает и душу, и тело, и жизнь – не только земную, но вечную... В русском переводе этого не видно, но греческое слово, которое употребляется в этом месте, значит «сверхъестественный хлеб», – это не только хлеб с наших полей, это тот Хлеб Жизни, который принадлежит вечной жизни. Из Евангелия мы знаем, о каком Хлебе говорится: Христос является Хлебом Жизни. И через Свое присутствие, Свою благодать, через то непостижимое Бого-вселение, которое нам доступно, если мы только Ему уверуем всерьез, – Он является питанием, самой Жизнью нашей жизни. И поэтому когда мы молимся о том, чтобы Господь нам даровал хлеб жизни, мы должны помнить, что это и земной хлеб: ведь Господь знает наши нужды и милосердно, любовно думает о каждой нужде, самой мелкой или самой основной. Но если мы по-сыновнему молимся, то должны помнить, что основное, о чем мы просим, это то питание, которое сделает нашу душу крепкой, живой, способной на подвиг веры, на подвиг жизни.

Следующее прошение играет огромную, решающую роль в нашей судьбе: *«остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим»*, то есть: прости нам, Господи, так же, как мы прощаем... И этими последними словами мы говорим нечто очень для себя важное, потому что редко-редко найдется человек, у которого на душе не было бы какой-то горечи против другого человека; я говорю не о ненависти, а просто о нелюбви, об отвращении, о горечи. И вот перед нами встает вопрос или, вернее, требование: если ты не прощаешь,

если ты не освободишься от этой горечи, от этой ненависти, от холодности душевной, не ожидай, что ты войдешь в то Царство, где все является любовью, – не потому что Бог тебя отвергнет, а потому что подобное подобным познается, и для того, чтобы насладиться любовью, надо быть способным на любовь. Это реально, это правдиво и в самых обыкновенных человеческих отношениях: если кто-то нас любит, и мы не умеем отозваться на эту любовь, то эта любовь до нас не доходит; порой она даже становится для нас тягостью, порабощением, ограничением нашей свободы. Только если мы способны отозваться на любовь, на прощение, на дружбу, мы их можем воспринять. Также и тут: если мы хотим от Бога получить прощение, мир, примиренность, то и сами должны научиться давать то же самое тем людям, которые нас окружают: простить, как мы прощены. Не простим – Бог нас все равно прощать будет, но мы не сможем принять это прощение.

И дальше: *"не введи нас во искушение"*. Это очень трудное место, потому что слово «искушение» по-славянски значит не то, что оно значит теперь по-русски. Оно значит – **испытание**, а не только «искушение» в современном смысле этого слова. Греческий текст тут тоже труден, его нелегко перевести. В сущности, можно так сказать: не дай нам погибнуть в момент испытания, не дай нам войти, вступить в такую область искушений и испытания, с которой мы не сумеем справиться. Можно было бы прибавить: Господи, дай мне мудрость, дай мне мужество, дай мне разум и осторожность; и все вместе: осторожность, соединенную с мужеством, мудрость, соединенную с дерзновением, но не с дерзостью, не с мыслью, что «шапками закидаем», что море мне по колено, со всем справлюсь... Не введи меня в искушение, дай мне быть мудрым.

И наконец: *«избави нас от лукавого»*. Для современного человека, особенно воспитанного в безрелигиозном или антирелигиозном мире, мысль о том, что «лукавый» действительно существует, что существуют темные силы, – не только затемненные области в нашей собственной душе, но темные силы бесовские – трудно принять. И однако, у нас есть

свидетельства миллионов людей и тысяч святых, которые опытно знают и познали их существование и их страшную силу над нами. Опять-таки, тут можно сказать: подобное познается подобным; если только мы в себе носим скверну, то эту скверну используют темные силы. И вот об этом мы молим, потому что против них мы слишком слепы, бессильны, мы не знаем, как с ними справиться, что нам делать... Защити, Господи; только Ты (и это видно из всего Евангелия) одним державным словом можешь остановить их действие и их изгнать!..

Следующую беседу я начну с пояснения последнего торжественного восклицания: *«Яко Твоя есть сила и слава...»* – и попробую показать, каким образом вся эта молитва может быть для нас испытанием совести и путем к Богу, к сыновству.

Подход к Молитве Господней, который я сейчас хочу изложить, непривычный, и поэтому я должен взять ответственность за его извилины и за странность, которую, может быть, усмотрят в нем верующие, привыкшие к другому подходу.

Годами мне было исключительно трудно произносить Молитву Господню, потому что я не мог уловить, каким образом она переплетается с жизнью, в чем их непосредственная связь. И в течение долгой жизни я пришел к следующему заключению: вся Молитва Господня является как бы путем от земли на небо, путем от гибели к жизни.

Некоторые из вас, наверное, помнят рассказ о том, как древний Израиль, евреи были в египетском плену. Они пришли туда свободно, а постепенно местные жители их поработили, и евреи жили горькой жизнью, в рабстве. И все-таки они не забывали своего Бога; из глубин этого горя, из глубин своей порабощенности они умели не только Ему молиться о свободе, но и воспевать Его славу.

И вот здесь начинается духовная жизнь человека, христианская жизнь: в какую бы обстановку он ни был поставлен, как бы все ни было темно и страшно вокруг него, если он действительно верующий, если он действительно верит, что в его жизни ничего не может случиться иначе как с благословения Божия, он может из этих глубин мрака, ужаса,

страха воскликнуть: «А все-таки, Господи, слава Твоему Царству, слава Твоему имени!..» Мрак, о котором я говорю, бывает очень разный. Это может быть мрак внешних обстоятельств, которые иногда бывают так мучительно страшны: голод, холод, оставленность, гонения, тюрьма, война, брошенность самыми близкими людьми; момент, когда самый, может быть, нам близкий человек предает нас сознательно, как Иуда, который поцеловал Христа, чтобы показать, Кто Он, с тем чтобы Его взяли на смерть... Бывает тоже мрак внутренний, мрак отчаяния: жизнь не имеет никакого смысла, ее содержание настолько горькое и пустое, что не стоит продолжать жить... Этот мрак может быть мраком безбожия, когда тьма стелется, как дым, по всей земле в глазах того, кто не верит во что-то большее, более глубокое, чем земля. Как бы то ни было, в каких бы мы ни были обстоятельствах, если действительно для нас Бог – Тот, Кем Он является: предельная красота, торжество жизни, которое мы называем любовью, то мы можем из самых глубин мрака сказать: «А все-таки, Господи, слава Тебе!..» Вот где начинается духовная жизнь, сознательная и, скажу, героическая; потому что не-героической христианской жизни нет вообще. Если мы способны так начать, то с нами может случиться то, что случилось и с древним Израилем: в какой-то момент некто вступит в нашу жизнь и скажет: «Встань и пойдем! Пойдем на свободу, на внутреннюю свободу, такую, которой никто никогда не сможет у нас отнять». *«Избави нас от лукавого»*, избави нас от обмана, будто мы побеждены навсегда, избави нас от соблазна поверить во тьму, а не в свет, избави нас от всякой лжи, от всякой неправды жизни, избави нас от того, что нас внутренне разрушает, – *«избави нас от лукавого...»*

А дальше: *«не введи нас во искушение»*. На этом пути к свободе, к внутренней свободе, к торжеству жизни будут препятствия внутри нас, будут искушения извне. Что-то будет нашептывать: что ты думаешь о себе, живи спокойно, забудь про Бога, забудь про все, что только может тебя выделить среди людей и сделать жертвой. Забудь, живи, как все, войди в стадо... Внутренние голоса будут говорить: разве мало

привлекательного в жизни? Столько в ней хорошего; а вдруг придется оторваться от этого, чтобы вступить в еще неизвестную область духовной жизни. Стоит ли она того?.. Страшно!.. А бывают и внешние препятствия... И вот тут мы действительно должны молиться крепко: Господи, не дай нам быть побежденными испытанием, не дай увлечься искушением, дай нам мужество и мудрость, и крепость, и смирение, и верность!..

В изложении Молитвы Господней как пути к Богу мы дошли до места, на важность которого я уже указывал: *»Прости, как мы прощаем«*. Это страшно важный момент. Но что значит слово «простить»? Нам всегда думается, что простить значит – забыть. Простить **не** значит забыть, потому что забыть может всякий, кого не очень-то обидели; он рассердился, потом обида прошла. Но бывают обиды, которые так не проходят; а вместе с тем от нас требуется прощение. Это врата, через которые надо войти: не пройдешь – не пойдешь дальше... И вот мне думается, что прощение начинается с момента, когда мы посмотрим на человека, который нас обидел, унизил, оскорбил, обездолил – и вдруг поймем, нутром поймем, не только головой, что он слабый, хрупкий, податливый человек. Может быть, он и хотел быть другим, да ему не вмоготу – слаб; и обида, которую он нам нанес, вовсе не происходит от положительной злобы, а от того, что он трусливый, малодушный, жадный, мелкий человек. И тогда на него можно смотреть совершенно новыми глазами, – не как на гиганта, который нас старается или старался разрушить, а как на человека, в котором не хватает великодушия, внутренней красоты, чтобы быть достойным своего имени человека. Прощение начинается с момента, когда мы вдруг увидим его слабым, хрупким и достойным жалости. И в момент, когда мы это увидим, мы можем, так сказать, его взять на плечи, взять на себя и понести: понести обиду, которую он нам нанес, понести последствия его злобы, понести и сказать, как Христос говорил, когда Его пригвождали ко кресту: *«Прости им, Отче, они не знают, что делают!»* (Лк.23,34) И мы сможем сказать: прости ему, Господи, он просто не знает, что он делает (или: делал)!.. Или: прости! Он, может, даже и не думал

о страшных последствиях своих слов или действий; не хватило ума, не хватило воображения, и из небольшой злобы вырос страшный поступок, который меня так глубоко ранил, который, может быть, разрушил всю жизнь... И вот в тот момент, когда мы можем сказать: да, я понимаю, насколько он слаб. Хорошо, я понесу последствия этой слабости, я понесу последствия его трусости, его слепоты, его глупости, его болтливости, его безответственности, – начинается процесс прощения. И этот процесс может дойти до момента, когда человека делается настолько жалко, что злоба пропадает, но остается сознание ответственности за этого человека. И тогда можно молиться Богу о том, чтобы Господь его спас от него самого, чтобы Господь его спас от того, что он за человек, и от последствия этого в поступках, словах. Конечно, это нелегко дается, это один из самых трудных подвигов, но мы должны понять, что по отношению к Богу мы ничуть не лучше того человека, который нас так обидел. Ведь каждый из нас на каждом шагу проявляет отсутствие лояльности, презрение, безразличие к Богу – или непосредственно, или обращаясь с людьми так, как мы это делаем; а ведь наше призвание – именно так обращаться с людьми, как обращался бы с ними Христос. Если мы этого не делаем, мы неверны Ему, неверны нашему ближнему и неверны самим себе.

Меня недавно спрашивали: «Почему мы говорим в молитвах: *»Пресвятая Богородице, спаси нас!»* – а не: *»моли Бога о нас!»*», как мы это делаем по отношению к святым?» И мой ответ был такой: «Каждый раз, когда я грешу, когда я поступаю недостойно и себя, и Бога, и своего человеческого звания христианина, я беру на себя ответственность за страдания Христа, за Его Крест; в конечном итоге, я вступаю в ряды тех, которые были виновниками Его смерти. И когда я обращаюсь к Божией Матери и говорю: *»Спаси меня!»* – я как бы говорю: «Мать! я виновен в смерти Твоего Сына; но если **Ты** просишь, никто меня не осудит; спаси!..» И вот так должны были бы мы быть способны молиться о тех, кто нас обидел, потому что никто не может простить, кроме жертвы. Только у

жертвы есть власть простить, именно простить; и эта власть нам дана, и она подобна Божией власти нас простить.

А дальше все ясно. Дальше мы доходим до предела, где просим Бога нас напитать пищей вечной жизни, и вырастаем до момента, когда можем сделать все, что в нашей власти, для того чтобы быть достойными сыновьями, дочерями, обратиться к Тому, Кто является Славой Божией, и сказать начальные слова молитвы: *«Да святится Имя Твое, да будет воля Твоя, да приидет Царствие Твое»*, – и назвать Бога своим Отцом.

На этом я закончу свои беседы о Молитве Господней *«Отче наш»*, и дальше попробую сказать о молитве как таковой.

Я хочу затронуть вопрос не об общей церковной молитве, а о частной молитве. Дело в том, что когда мы бываем в храме, мы находимся перед событием: собрались люди единомысленные, стоящие вместе перед Богом и участвующие в чем-то, что превосходит их во всех отношениях. В Литургии происходит нечто, что может совершить только Бог. Во всенощной, в соединении вечерни и утрени, картинно представляется перед нами все миробытие, то есть вся история человечества в его греховности и в его святости. И вливаясь в эту молитву, мы поддержаны со всех сторон и молитвой других, и тем, что мы видим и слышим; нам остается только переживать то, что представляется нашим глазам и нашему чутью. Частная молитва в этом отношении, с одной стороны, гораздо более трудная. Она должна бы рождаться из внутреннего побуждения; с другой стороны, она является гораздо более личной, потому что, молясь в одиночку, мы не участвуем в общем деле, а стоим перед Богом как единица.

Сказать так не совсем правильно. С одной стороны, я стою перед Богом – да, один, никто меня, как будто, извне не поддерживает, ничто меня не побуждает, я не являюсь частью события, которое все равно происходит, молюсь я или не молюсь. Но с другой стороны, поскольку я христианин, даже в отрыве от всех я являюсь как бы частицей Церкви, и моя молитва не является только частным делом, она вливается в безмерный поток всемирной молитвы перед Богом.

Одновременно со мной или врозь молятся во всех краях света другие люди, обращаясь к Тому же Богу, и моя молитва, как ручеек, вливается в этот поток. Но есть еще другое, может быть, более важное обстоятельство. Поскольку я молюсь как христианин, моя молитва должна совпадать с волей Божией, с молитвой Самого Христа. Если, молясь, я прошу о том, о чем Господь Иисус Христос не мог бы молиться, если, молясь, я обращаюсь к Богу с прошениями, которые не могли бы быть произнесены Спасителем Христом, то моя молитва не христианская, и поэтому не может быть чистой, подлинной молитвой. Таким образом, даже молясь в одиночку, я являюсь, с одной стороны, частью молящегося мира, молящейся вселенной, и с другой стороны – выражением молитвы Самого Христа. Только тогда моя молитва может считаться христианской, подлинно христианской молитвой.

Но как же этого достигать? Как этого искать? Один из древних писателей говорит, что мы должны создать в нашем сердце престол Богу и поклоняться Ему из глубин нашего сердца. Что это на самом деле значит? Это, конечно, не значит, что мы должны молиться Богу сентиментально, будто весь вопрос в чувстве. Но каждый из нас ведь знает, как мы думаем о любимом человеке: как только мы услышим его имя – дрогнет наше сердце; как только мы подумаем о том, какие его нужды или радости, мы вливаемся в эти радости или нужды. Спаситель сказал: «где сокровище ваше, там... ваше сердце» (Мф.6,21; Лк.12,34), – вот в этом смысле мы должны воспитывать свое сердце и задумываться над вопросом: что для меня Бог? Что для меня Христос? Что для меня те ценности, ради которых Христос жил и принял на Себя страшную смерть?.. Если я могу сказать, что мое сердце там, где Он, что самое драгоценное, что у меня в жизни есть, это Бог, Спаситель Христос, область Божиего Царства правды, любви, красоты, тогда мое сердце может дрогнуть, когда я обращаюсь к Богу. Если же Бог является для меня отвлеченным понятием или отдаленным властелином, тогда, конечно, я не могу сказать, что Он является сокровищем для меня и для моего сердца, – этого не может быть. И вот первый вопрос, который встает,

когда мы хотим молиться в одиночку, без поддержки других, без помощи богослужения, это вопрос о Боге: что Он для меня значит? Реален ли Он для меня, дорог ли Он мне? важно ли для меня, чтобы Его имя свяtilось, чтобы Его Царство пришло, чтобы Его воля исполнялась на земле? Если да, тогда молитва станет живой и возможной. Иначе – живой она не будет, и рано или поздно она станет тягостью, и мы от нее отвернемся.

Итак, христианская молитва должна быть такова, чтобы она совпадала с молитвой Самого Христа, с Его предстательской молитвой, с Его печалованием о земле и о нас. Но раньше, чем добраться до этого, раньше, чем дойти до этого, мне кажется, надо научиться правдиво стоять перед Богом. Казалось бы, это самая легкая вещь на свете, но мы часто стоим перед Богом, словно ряженные. Мы приходим в храм или становимся перед иконами в сознании, что мы стоим перед Богом, и думаем: чего от нас ожидает Бог? Какого настроения? Какого телоположения? Чего Он хочет от нас? И стараемся приспособиться к этому... Вот этого-то и не надо делать, потому что Бог может спасти любого грешника – реального, настоящего, подлинного, но Он ничего не может сделать с тем «святым» или святошей, которым мы не являемся. Это очень важно; поэтому раньше, чем приступить к молитве, очень важно осознать – с чем я пришел к Богу? Иногда после трудового дня я чувствую только отчаянную усталость всех членов, всё болит; или, после умственного труда, слова уже тускнеют, очень трудно их употреблять. Почему не стать перед Богом и не сказать: «Господи, я всем телом сейчас изнемог, весь мой ум сейчас засорен пустыми или многими-многими словами, я сейчас побуду с Тобой молча...» Побывать с Богом молча так же драгоценно, как побывать с очень дорогим человеком. Вы, наверное, все знаете, как это бывает: встретишься с другом, сядешь, поделишься новостями, мыслями, чувствами, а потом постепенно разговор начинает утихать, и приходит момент, когда два друга могут сидеть молча, в глубоком-глубоком общении, в радости, что они вместе... Вот этого и надо искать. Когда телом устанешь, когда голова уже неспособна производить новые слова, так легко встать перед Богом, или

встать на колени, или даже просто сесть, и сказать: «Господи, мы сейчас вместе. Как это дивно!..» Мне кажется, я уже упоминал об одном западном святом, который был приходским священником во Франции. В его деревенской церкви часто сиживал старик: молча, четок не перебирал, губы его не двигались. И как-то священник ему говорит: «Скажи, дедушка, что ты здесь делаешь часами? Не видно, чтобы ты молился...» А тот поднял на него лучистый взор и ответил: «Я на Него гляжу, Он – на меня, и нам так хорошо вместе!» Вот это действительно подлинное и прекрасное общение с Богом.

Искать этого искусственно, конечно, нельзя, так же как нельзя нарочито вступить с молчанием с самым дорогим другом, но надо себе дать возможность, чтобы это случилось. И перед тем как начать молитву, часто так просто было бы сесть и побыть с Богом, зная, что Он на тебя смотрит, что ты в Его присутствии. Ты, может быть, этого не ощущаешь, но это так; и дать мыслям осесть, телу отдохнуть, и затем поставить перед собой вопрос: а теперь что? Хочется ли мне встречи с Богом, живой, любовной встречи в молчании или в слове? Или я стою перед Богом только по долгу, потому что я «верующий» и знаю, что мне полагается молиться?.. В этом случае так и скажи Богу: «Господи, какой стыд! Ты меня любишь, Ты мне это доказал смертью Христа, Который ради меня был убит – а мне просто скучно, мне не хочется этой встречи с Тобой...» Если ты это скажешь искренне, серьезно, осознав, как это позорно, тогда это тоже будет молитва, это будет исповедь, это будет покаяние. Молитва в себе содержит и покаянный момент, и радостный, ликующий момент; в то мгновение в тебе рождается покаянный момент. И тогда, может быть, и другие покаянные мысли придут, не только о том, что не хочется молиться, но и о том – почему? Неужели мне Бог так чужд, так далек, неужели между нами так мало общего, неужели так мало мне хочется встречи с Тем, Кто является самой жизнью души?.. А то, может быть, в течение дня я сказал дурное слово, после которого язык не повернется произносить святыя слова молитвы? Или поступил жестоко, несправедливо с ближним? Или осквернил себя телесно, душевно, допустил мысли или чувства, которые несовместимы

с общением с Богом всечистым, всесвятым?.. Подумай об этом внимательно, и если что-то вспомнится, снова покайся, и это тоже будет живая, честная, добротная молитва.

Я уже говорил о том, как можно свою молитву сделать честной, правдивой, о том, что быть правдивым нам иногда мешает желание представиться перед Богом, какими Он, будто бы, хочет нас видеть. На самом деле Он нас хочет видеть, какие мы **есть** – и вот этого надо добиваться. Но есть другое затруднение: порой, когда мы хотим молиться, разные тревоги, заботы нам мешают отрешиться от себя, от земли, и обратиться к Богу. И часто бывает, что человек борется, старается исключить из своего сознания то, что его больше всего заботит – и это ошибка, потому что забота, которая засела глубоко в сердце, нелегко удаляется из него. Но есть очень простой способ одновременно и с Богом общаться, и хранить в себе эти заботы: просто представить их Богу. Ведь было бы совершенно бесчеловечно отвернуться от мысли, что моя мать при смерти, что мой друг в опасности, что надо совершить какое-то дело для общей пользы, – отвернуться от всего этого ради того, чтобы побыть с Богом. Когда на сердце легла забота, тревога, встань перед Богом и скажи: «Господи, меня волнует то или другое: моя мать больна, мой друг в опасности, я сам в горестном состоянии...» Или скажи наоборот: «Душа так ликует, я так счастлив, все так дивно, что я не знаю, как отрешиться от этих чувств и сосредоточиться только на том, что Ты и я – лицом к лицу, вместе сейчас находимся. Но я Тебе хочу все рассказать – о своих страхах, о своем горе, о своем счастье, хочу поделиться с Тобой, как делятся с другом...» Зная, к тому же, что если действительно Бог есть Бог любви, то Он озабочен твоими заботами еще больше, чем ты, это можно сделать. Встань перед Богом и все Ему расскажи – не многословно, не болтая, а так, как можно рассказать самому близкому, дорогому другу: порой сдержанно, порой со слезами, порой с радостью, с ликованием души – все расскажи. И окажется, что когда ты это сделал, ты с Богом общался, но общался в истине, общался правдиво. И тогда это общение с Богом может дойти до твоего сердца, тогда ты вдруг можешь обнаружить, что Бог тебе

действительно друг, что ты перед Ним не только каешься в том, что было сделано плохого, но что с Ним можно поделиться всем, всей жизнью: или радуясь, или горюя, или ликуя – но все, все может быть с Ним разделено. Одного нельзя разделить с Ним – это безразличия. Если мы подходим к молитве с чувством: ой! Пришло время помолиться, а мне так хотелось бы заняться каким-то другим делом; ну, прочту те молитвы, какие положено, и доволюсь с Него... – это кощунство, этого никто не смей делать, потому что Богу не нужны эти молитвы. Эти молитвы когда-то вырвались, как кровь льется из сердца, из чьего-то человеческого опыта радости или ужаса; тогда они были истинны. И если ты хочешь их употреблять, если ты хочешь их повторять Богу, то они должны ключом бить из твоей души, так же как они били из души того, кто впервые их составил. Но их представлять Богу, будто ты молишься, тогда как эти слова тебе чужды – кощунство и подлог, такой же подлый, как если украсть письмо, написанное другим, и выдать его за свое, или чужое сочинение выдать за свое; этого никто не смей делать.

Но если это случится (и – увы, рано или поздно это непременно случится с кем-нибудь), и ты вдруг это заметишь – остановись и тогда действительно со стыдом скажи Богу: «Прости! Я Тебе жизнью и даже молитвой налгал. Какой это позор!..» И как только скажешь это, ты уже вернулся к правдивым отношениям, ты уже вернулся к тому, что можно с Богом говорить честно. Это очень важно. Я так настаиваю на этом, потому что если нет правдивости, если нет прямооты и правды в отношениях между двумя людьми или между человеком и Богом, то ни один разговор, ни один поступок не может заменить той правды, которой мы не потрудились создать. А эту правду мы создавать можем.

Святой Серафим Саровский одному своему собеседнику говорил: «От натуги ничего доброго не сделаешь, а от радости – что угодно можно совершить...» И вот одно из условий живой молитвы это чувство подлинной радости. Радость начинается с благодарности. Мы не умеем быть благодарными. Конечно, мы бываем благодарны, когда что-нибудь уж очень замечательное

случится или когда человек для нас что-нибудь сделает, что нас глубоко тронет. Но мы не замечаем бесконечного количества дивных вещей, которые с нами бывают, и поэтому вместо того чтобы радоваться все время – о мелочах, может быть, но как бы животворным образом, – мы ждем каких-то больших событий, которые дали бы нам повод к радости: найти невесту, жениться, получить повышение, успех какой-нибудь... А если бы только мы могли быть внимательны и обращать достаточное внимание на то, чем полна наша жизнь, как мы могли бы быть благодарны почти за все!

Я вам дам просто несколько примеров. Я очень долго болел. У меня была одышка, периодами я думал, что не выживу, потому что не мог дышать. За эти несколько лет я обнаружил, как дивно замечательно, что я могу дышать, что дышу свободно, и с тех пор, уже лет сорок-пятьдесят я не могу забыть этого чувства: что даже дыхание является просто чудом, даром. Кроме того, у меня был вывихнут позвоночник, когда мне было лет восемь, и до недавнего времени он оставался больным. Теперь мне его выправили, но долгие годы я постоянно не был уверен, что смогу встать, или нагнуться, или пересечь улицу, или поднять тяжесть, или быстро повернуть плечами. И когда это оказывалось возможным в разные периоды жизни, – как я это умел оценить, какое это было чудо, какая радость! Нормальный человек и не думает о том, что он дышит, не думает, трудно или легко нагнуться, повернуться, пересечь улицу; и поэтому мы столько радости пропускаем мимо.

Есть место в Евангелии от Матфея, где Спаситель говорит: «Блаженны нищие духом – тех есть Царство Небесное...» (Мф.5,3) В чем, казалось бы, радость быть нищим и в чем нищенство? Нищий это тот, у кого нет ничего своего. Это не значит, что у него ничего вообще нет, но своего – ничего, все – дар: пища, кров, башмаки, рубаха, доброе слово – все это он должен получить. И вот если подумать о себе: я существую. Не я себя создавал, не я себя вызывал из небытия. Но я живой, жизнь ключом бьет, несмотря на то, что я старый человек уже, у меня есть ум, чувства, мысли, знания; у меня есть друзья; у

меня есть дело; вокруг меня воздух разлит, солнце светит... – можно было бы продолжать без конца. Все это не от меня зависит; а вместе с тем все это мое, и я действительно принадлежу миру, где все является даром, плодом человеческой доброты, заботливости или чудом, дарованным изначально от Бога. Если себе это напоминать, если это переживать глубоко, сильно, тогда за один день, даже самый тяжелый, даже самый трудный, сколько мы могли бы собрать радости с поля нашей жизни, – как цветы собирают...

И вот этому надо учиться усердно, потому что если не научиться в самом малом находить величие любви, то никогда мы с Богом не будем разговаривать, как с другом. Он нам может быть Властелином, Он может быть нам Учителем, Наставником, Он может быть Спасителем, но Другом, с которым мы будем говорить ласково, радостно – нет, Он не может быть. И поэтому так важно научиться благодарности о каждой мелочи, обо всем том, что случается в нашей жизни, что сами совершили или чего добились, потому что мы не всегда можем добиться или совершить то, что надо было бы. Вот пришел ко мне друг с горем, а у меня сердце каменное, в этот момент отозваться не могу; пришел человек с нуждой – а мысли разбежались и у меня нет ответа, косность меня одолела, я не могу в себе вызвать ни чувства, ни мысли, когда она мне нужна, ни преодолеть косность порой: на все это требуется милость Божия. Отец Александр Шмеман, один из наших «молодых» богословов, которого мы недавно утратили, в одной из своих книг написал: «нам надо помнить, что даже пища, которую мы едим, это Божия забота и любовь, ставшие съедобными...» Конечно, сказано в шуточной форме, но сколько в этом правды! И вот если научиться быть всегда благодарными, радоваться на Бога, радоваться о Нем – многое станет возможным. Тогда можно каяться доверчиво, тогда можно просить с уверенностью в том, что Он слышит, тогда можно приобщить Его нашей заботе и нашей радости.

МОЖЕТ ЛИ ЕЩЕ МОЛИТЬСЯ СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Мне предложили тему: «Может ли еще молиться современный человек?», и об этом-то я и буду говорить, но несколько выйду за рамки самой темы.

Считает ли человек, что он молится или что не молится, думает ли он, что может молиться или что условия современности отняли у него эту способность – человек молится, разве что нам думается, что молитва присутствует лишь тогда, когда мы вежливой, складной речью выражаем свое отношение к Богу и к мировым вопросам, разве что мы забываем, что молитва вырывается из сердца и что всякий крик нашего существа есть молитва. Разумеется, мы не осознаем, что молимся все время и настойчиво; на самом же деле мы в каждый миг обращены всей устремленностью нашего существа, порывом (порой сломленным, когда наше сознание и наше сердце разделены), к каким-то целям, к каким-то желаниям. И я думаю, очень важно нам осознать, что предмет нашей молитвы и тот, к кому обращена эта молитва – не всегда Бог.

Когда мы обращаемся к Богу за помощью и одновременно всем существом желаем, чтобы эта помощь не пришла, чтобы путь искушения не закрылся перед нами; когда, подобно блаженному Августину, мы говорим: «Даруй мне целомудрие, но только еще не сейчас»; когда устами мы просим помощи Божией, а сердцем остаемся Ему чуждыми; когда мы желаем добра и вместе с тем всем существом надеемся, что успеем творить добро когда-нибудь позднее – все это свидетельствует не только о нашей внутренней разделенности, все это – молитва, которая не только не обращена к Богу, но обращена к князю мира сего и взывает: «Приди мне на помощь, поддержи меня на пути зла». Я думаю, что нам следует сознавать это гораздо более четко, чем мы это делаем, потому что это действительно так; и очень часто мы могли бы обращаться к Богу со словами: «Господи, прости!» гораздо более откровенно и честно, если бы признавали, как часто мы обращаемся к врагу и просим его

помощи! Я хотел бы дать вам пример из жизни, в котором есть, может быть, забавная сторона, – но и столь трагичная одновременно.

На протяжении лет пятнадцати я занимался одним бродягой, который то поселялся у меня, то уходил на все четыре стороны; то появлялся и говорил, что у него нет работы, а значит, и денег, то из наилучших побуждений приносил мне в подарок что-то совершенно мне ненужное. Однажды ему взбрело в голову прийти на Пасху в православный храм; он пришел, и вот что он потом рассказывал: «Стою я в церкви и вижу, как вы выходите из алтаря лицом к толпе и, обращаясь к ней, произносите «Христос воскрес!» с воодушевлением, с убежденностью, которые меня изумили. Но тут я подумал: чего же удивляться, это его дело, ему за это деньги платят... Но тут толпа отвечает: «Воистину воскрес!» И мне подумалось: кричат старики, молодежи нет. Но оглядевшись, я вижу, что вокруг стоят молодые люди, которые от всего сердца, вдохновенно кричат: «Христос воскрес! Воистину воскрес!» Тут я почувствовал, что во мне что-то дрогнуло, – уж очень убедительна была эта молодежь. Но тут мне пришла мысль: если все это так, мне надо переменить жизнь!.. И тогда (продолжал он) я обернулся к дьяволу и сказал: «Ты мне столько раз помогал без всякой моей просьбы, когда мне не нужна была твоя помощь, – теперь-то помоги, на помощь, на помощь!» И с искренним, совершенно естественным возмущением он закончил: «Негодник! Он и не подумал отозваться!»

Так вот, он попался, он попал в плен Христу, потому что дьявол его предал. Он не знал, что дьявол обманщик по природе, что если чего-то хочешь, бесполезно обращаться к дьяволу. Но этот пример показывает резко, грубо состояние, которое все мы, каждый из нас может обнаружить в себе. Это зов, обращение каких-то наших глубин к темным силам, потому что порой вопреки нашим убеждениям, нашим стремлениям, нашей воле, голод и жажда нашего сердца и наших тел обращается к ним. Я настаиваю на этом, потому что нам не предлагается выбор – молиться или не молиться; нам

предлагается выбор – молиться Богу или с рабской мольбой, с протянутой рукой обратиться к князю мира сего, в надежде на подачку, которая будет обманна, потому что он всегда обманывает... Это мне кажется важно, потому что всю жизнь, постоянно, всегда нам придется разрешать эту ситуацию. И когда люди говорят: «Мы не можем больше молиться», – на самом деле это означает, что мы не готовы служить ни Богу, ни дьяволу, мы ставим под вопрос и Того, и другого.

Теперь я хотел бы рассмотреть с вами вместе, во-первых, каким образом мы ставим Бога под вопрос, и затем – как Бог нас ставит под вопрос, почему мы бываем неспособны молиться Богу Живому, истинному Богу: ведь мы обращаемся не к истинному Богу.

Где же Бог в нашей современности?

Где же Бог в нашей современности? Мне часто доводится слышать: «Но как молиться Богу, когда Он явно равнодушен к человеческой трагедии, когда Его нет в ней, когда Он совершенно чужд ей? Как молиться Богу, Который укрылся в Своем небе и предоставляет человеку самому разбираться с ужасным Его даром, с дарованной Им нам свободой, за которую расплачиваемся мы, а Он как бы умыл руки?»

Поставим перед собой эту проблему и посмотрим, действительно ли Бог устранился или вина на нас, и мы не видим Его, мы не замечаем Его участие: оно совершенно особенного свойства, но оно полное, всецелое.

Для начала я хотел бы отослать вас к двум евангельским рассказам о буре на Генисаретском озере. Они построены в основном одинаково: ученики покинули один берег озера и направляются к другому. Ночью озеро охвачено бурей. Они борются со смертью, которая грозит им со всех сторон, которая силится сломить хрупкую безопасность их лодки. И наконец они оказываются лицом к лицу со своим отчаянием и с Божественным присутствием, которое они не умеют распознать. Таков общий план. Теперь что касается деталей: в первом рассказе мы видим их в лодке посреди бури; и в какой-то момент, когда силы их почти истощились, мужество покидает их, надежда колеблется, вдруг поверх бушующих волн, среди неукротимого ветра они видят, как Христос идет к ним – и не могут поверить, что это Христос. Им думается, что это призрак, и они вскрикивают от ужаса.

Почему они думают, что это призрак? Да просто потому, что они не могут представить, что Бог, Который есть Бог жизни, присутствует в сердцевине этой смертоносной стихии, окружающей их со всех сторон, что Бог, Который есть гармония и красота и покой, находится в самом центре разбушевавшейся природы. Они не могут поверить, что Бог – там, где они видят лишь смерть, смятение, опасность.

Не так ли мы поступаем каждый миг? Когда мы видим человеческие трагедии – личные, непосредственно нас касающиеся, или трагедии большего масштаба, охватывающие некую группу, которой мы принадлежим: нацию, народ – разве мы не поступаем именно так? Разве мы не ставим под вопрос самую возможность того, чтобы Бог присутствовал в сердцевине трагедии? Разве мы не говорим: «Господи, невозможно Тебе здесь быть, это призрак, это карикатура, это оскорбление Твоей святости и истинному Твоему присутствию; Тебя здесь нет; если бы Ты был здесь, то водворился бы мир, покой сошел бы, не было бы больше трагедии, не было бы больше проблемы... Не может быть, что Ты здесь!...»

Второй рассказ рисует нам происходящее несколько иначе, – вероятно, это другая буря. На этот раз ученики отплывают от берега не одни, Христос с ними. Бушует буря, и Христос, утомившись, засыпает на корме лодки. Он спит, положив голову на возглавие, подушку. Ученики в борьбе, они бьются с наступающей на них смертью, со смертью, окутывающей их отовсюду. Они борются за спасение своей жизни, отстаивают безопасность, укрытие, пусть хрупкое, обманчивое, какое представляет их лодка. И обессилев, теряя надежду, когда буря охватила их сердце, их душу, когда буря уже не вне их, но поколебала до глубин их самих, они обращаются ко Христу. И с чем же?

Они не обращаются к Нему с надеждой, которая превосходит их отчаяние, с уверенностью, что Он может в любой момент выправить любую ситуацию или придать смысл любой ситуации при всей ее трагичности; они обращаются к Нему с возмущением, с горечью: «Неужели Тебе дела нет, что мы гибнем?» Греческий текст жесток, груб; они будто обращаются ко Христу со словами: «Тебе безразлично, что мы сейчас погибнем!...» Они Его будят, тормозят Его. И даже не с мольбой, они не просят Его о помощи. Их слова означают: «Тебе безразлично, Ты спишь, положив голову на подушку, Тебе-то хорошо, удобно, а мы гибнем. Так уж нет! Если Ты ничего не можешь поделать, хотя бы войди в нашу тревогу, раздели наш ужас, умри с нами вместе сознательно!...»

И Христос отстраняет их. Он встает, не принимая оскорбление, Он его отвергает: «Маловеры, долго ли Мне быть с вами?» (Мф.8,26) И обратившись к рассвирепевшему морю, к разбушевавшимся над озером ветрам, готовящим гибель, ко всей этой буре, которая остается вне Его, которая никаким образом не проникла в Него ни отчаянием, ни страхом, Он проливает на бурю Свое внутреннее спокойствие и приказывает водам улежаться, ветрам утихнуть – и на озеро сходит покой.

Не это же ли самое мы переживаем по отношению к человеческим ситуациям? Сколько раз нам случилось в личной или семейной трагедии, перед лицом более обширных трагедий народов и стран, сказать: Бог-то в безопасности, Он на Своем небе, спит, поживает, смотрит, как мы сражаемся и бьемся, ждет момента, когда битва окончится, когда сокрушатся наши кости, когда будут сокрушены и наши души и наступит момент, когда Он будет нас судить – но до тех пор Он остается вне трагедии...

Возможно, если вы очень уж «благочестивы», вам не хватает мужества выразиться такими словами; возможно, что-то в вас нашептывает эти слова, и вы отбрасываете их силой воли; и тем не менее, в христианском мире сейчас беспрерывно слышится: «С Богом что-то не в порядке, что-то не так, есть требующая разрешения проблема...» Вот только решаем мы проблему по примеру апостолов; мы говорим: «Это призрак! Он не может быть в сердцевине трагедии; Он – Господь мира, покоя, не может быть Господом бури...» Мы говорим: «Ему безразлично! Он наделил нас этой опасной, убийственной свободой, а расплата за это предстоит нам...»

Так вот, я хотел бы, чтобы вы немного подумали о том, какое место Христос – Бог во Христе – занимает в истории, будь то ограниченная история человеческой души, личной судьбы, семейной группы, или большая, необъятная История всего космоса, так сказать.

За две тысячи лет, а может, и больше, до рождения Христа был человек, который бился над проблемой Бога. Звали человека Иов; у него было сыновнее сердце, он не мог удовольствоваться благочестивыми увещаниями своих друзей, считавших, что «Бог всегда прав» и, следовательно,

невозможно обвинять Его. Иов требовал, чтобы Бог предстал на скамье подсудимых, потому что не мог понять Его.

В какой-то момент, о чем говорится в книге Иова в конце девятой главы, он восклицает: «Где тот, кто встанет между мною и Судьей моим, кто положит свою руку на Его плечо и на мое плечо? Где тот человек, который в этой встрече, в этом противостоянии, являющемся судом и смертью – смертью Бога, если человек Его осудит и отвергнет, смертью человека, если Бог его отвергнет и осудит – кто тот человек, который сделает этот смелый шаг, такой шаг, который поставит его в сердцевину ситуации, точку столкновения всех сил, точку наивысшей напряженности? Где тот, который встанет там и взглянет в лицо и обвинителю, и обвиняемому, кто будет защитником человека и оправдателем Бога? Где тот, кто будет не просто посредником, посланником, в равной мере безразличным к тому и другому, и попробует установить компромисс или соглашение между ними; нет, Тот, кто встанет на это место, чтобы их соединить – и готов будет дорого заплатить за это?»

Иов чувствовал, что это неразрешимое напряжение между Богом, Каким Он виделся ему в переживаемой им трагедии, и Богом, Какой Он есть в реальности, не могло быть разрешено просто идеологической диалектикой, речами его друзей, которые объясняли ему, почему прав Бог. Когда друзья говорили ему: «Ты, видно, согрешил!» – он справедливо отвечал: «Нет, я не грешил – не в том смысле, как мы говорим, будто никогда не делали зла, а: я никогда не отлучился от Бога, я никогда не отверг Бога, я никогда не восстал против Бога – почему Он ополчился на меня?..» Он не мог принять и того, как выступали за Бога его друзья, будто всемогущий Бог вправе поступать по Своему произволу. Нет, такого Бога он не мог принять, потому что такого Бога нельзя уважать, Ему нельзя поклоняться с благоговением, Ему нельзя служить любящим сердцем.

Он еще не знал, что произойдет, но знал: что-то должно произойти, иначе эта тяжба – Бог перед судом человека и человек перед судом Бога – неразрешима.

Спустя несколько столетий произошло то, чего он ожидал, о чем мечтал помимо всякой надежды: Сын Божий стал Сыном

Человеческим... Нашелся человек, – *Человек Иисус Христос*, как называет Его апостол Павел, Который вместе с тем был Богом Живым, Тем, в Ком полнота Божества была явлена, вошла в мир в человеческой плоти.

И затем Он сделал этот шаг: Он вступил в самую сердцевину ситуации, более того: Он Сам **стал** этой ситуацией, потому что в Нем Бог и человек оказались ЕДИНЫ, и трагедия, в которой лицом к лицу сошлись Бог и Иов, сгустилась в одной человеческой личности и в одном Божественном Лице: в Человеке, свободном от греха, но Который в акте полной, ничем не ограниченной солидарности с падшим человеком стал не только проклятым, осужденным, но *клятвой* (см. Гал 3,13). Он встал перед Богом в полной солидарности с человеком – и от того умер. Он встал перед человеком в полной солидарности с Богом – и вместе с Богом Он был отвергнут, осужден умереть на Кресте... Вот место, какое занимает Господь.

И когда мы говорим об этих двух образах бури, точка, где в этой буре Господь, не точка «покоя», это точка, где сталкиваются, встречаются, противостоят все различные напряжения Истории, весь ужас взаимной ненависти, все то, что мы называем грехом, то есть последствия раздленности человека от Бога и человека от своего ближнего. Он в той точке, которую можно бы назвать центром циклона – не в месте покоя, а в месте равновесия, возникающего от максимального напряжения и столкновения. Да, наш Бог – не такой Бог, Который ушел на небо и ждет момента судить живых и мертвых; это Бог, Который стал солидарен с нами настолько, что это повергает в ужас.

Скажу еще одно об этой солидарности, потому что если мы не признаем этой солидарности, если не поймем, какое место Бог занимает по отношению к нам, Ему не оправдаться – Бог Он или нет, всемогущ или нет, мы не можем принести Ему нашу верность и уважение.

Изначально, с первого творческого акта Бог связал Свою судьбу с нашей: творческий акт, Божественное Слово, Слово, произнесенное Богом и из Которого появляются одна за другой, в новизне, в первой свежести, в изумленности, все Его твари, –

это Слово создает отношение между Богом и человеком. И это отношение ответственное, это не просто Божественное действие, последствия которого вернутся к Богу лишь позднее. В духовном тексте русского средневековья описывается Предвечный Совет, предваривший Сотворение; вот как выражает свое видение этот великий духовный писатель. Отец, обращаясь к Сыну, говорит Ему: «Сын Мой, создадим человека по Нашему образу и подобию». – «Создадим его», – отвечает Сын. «Сын Мой, – продолжает Отец, – этот человек отвернется от Нас, впадет в грех, и чтобы восстановить в нем первоначальный образ, Тебе придется стать человеком и умереть с ним». – «Пусть будет так, Отче», – отвечает Сын. И Бог создал человека.

Разумеется, этот текст – не Священное Писание, это образ, но он указывает нам нечто; он указывает, как Церковь в какой-то момент и на протяжении веков восприняла тот факт, что Бог не сотворил мир в момент безумия, ослепления, безответственности, а что Он несет полную ответственность за Свой акт.

И эта ответственность проступает все яснее и яснее на протяжении истории. Уже в Ветхом Завете, в библейской истории мы видим беспрерывно проявления этой незримой солидарности Бога с человеком: человек отворачивается от Бога, – Бог не отворачивается от человека; человек оказывается предателем – Бог остается верным; человек предается прелюбодейству – Бог остается верным: это все библейские образы.

И наконец, когда пришла полнота времен, эта солидарность наиболее совершенно проявляется в Воплощении Сына Божия, Который становится Сыном Человеческим; и это не просто солидарность извне, будто с другом, она становится таким единством, что человек и Бог оказываются связанными одной судьбой, неразрывно. Можно было бы сказать, что Бог обретает бытие во времени и в пространстве и общую с человеком судьбу, и вместе с тем человек в таинстве Воплощения превосходит, преодолевает время и пространство и уже

вступает в тайну вечности, пришедшей в Лице Того, Кто есть Альфа и Омега, начало и конец всего.

Но задумаемся на миг о солидарности Христа. Как далеко она идет? Кого она обнимает? Кого она охватывает? Кем она овладевает, чтобы спасти его? Когда мы думаем о человечестве Христа, мы постоянно говорим: «Да, Он уподобился нам, Он родился, рос, Он испытывал голод и жажду, Он уставал, Его окружала любовь и ненависть; Он отзывался радостью или горем – и в конечном итоге, Он умер...» И нам порой кажется, что высшее проявление этой солидарности – Его смерть. На самом деле, эта предельная солидарность включает нечто еще большее.

Вы, наверное, помните, как апостол Павел нам говорит, что смерть – расплата за грех: грех как разделенность от Бога. Смерть – результат этой разделенности; никто не может умереть, если не познал эту разделенность. И предельная трагедия, высшая трагедия, благодаря которой мы можем благоговеть перед нашим Богом и уважать Его, в том, что ради того, чтобы разделить нашу судьбу, Он принял даже и это. Вспомните крик, который Он испустил на Кресте, самый трагичный вопль Истории: «Боже Мой! Боже Мой! Зачем Ты Меня оставил?» (Мф.27,46) В Нем как бы померкло сознание Его Божества, и в этом «метафизическом обмороке» Сын Человеческий разделяет ужасную судьбу человека, который потерял Бога и от этого умирает; Он остался без Бога...

Ту же мысль мы выражаем уже не словами Евангелия, а в терминах Апостольского Символа веры, когда говорим, что Христос «сошел в ад». Ад, о котором идет речь, не дантовское место мучений; это более ужасный ад Ветхого Завета, шеол, место, где Бога нет, место радикального Его отсутствия... Да, Христос потерял Бога из солидарности с человеком – и Он сходит туда, куда сходят все люди: в окончательную и полную пустоту разлученности. Он сходит туда как человек, но вместе со Своим человечеством вносит туда полноту Божественного присутствия; и ада, как его понимал древний Израиль, больше нет.

И тогда мы можем понять, что означает эта солидарность: Он согласился принять на Себя, поднять, усвоить Себе не только физическую смерть, но глубинную причину этой смерти, а именно, потерю Бога; можно было бы сказать, употребляя слово в его этимологическом значении, – атеизм, безбожие... Видите, как далеко идет эта солидарность: не только Бог соединяется с человеком, не только Он не делает различия между добрыми и злыми – теми, кого общество принимает и кого оно отбрасывает, – Он соглашается усвоить Себе сердцевину человеческого ужаса, отсутствие Бога, чтобы быть с нами в самой глубине этого отсутствия. Он не только в сердцевине Истории, Он в сердцевине клятвы... И слова, за сотни лет до того написанные автором псалмов: «Куда убегу от лица Твоего? На небесах престол Твой; в ад ли? но и там Ты еси...» (Пс.138,7). Для древних евреев звучали невозможностью, потому что для них шеол именно означал «место, где Бога нет» – как может Он быть там, где Его нет?.. И вот Он там: как Человек, Он принял отсутствие, как Бог, Он уничтожил это отсутствие.

В таком случае не кажется ли вам, что мы можем относиться к Богу не как к Тому, Который нас предал, оказался неверен, Богу, Которого невозможно уважать, а как к Богу, Которого мы можем уважать от всего сердца?

Но если мы хотим молиться Ему в исторической буре, будь то личной или всеобщей, мы должны присоединиться к Нему там, где Он есть; а то, что мы делаем, уже до нас пытались сделать апостолы: они пытались остаться в своей хрупкой ладье и не рисковать жизнью вне ее. То же самое делаем мы в нашей столь же хрупкой ладье – в Церкви; мы пытаемся остаться под ее защитой от бури и в лучшем случае призываем к себе тех, кого она закрутила, кого она сломила, и говорим: «Идите к нам; если бы вы были с нами, вы не были бы в этом безумии разбушевавшейся стихии...» Но человек прекрасно знает, что хрупкая церковная ладья – и я говорю не о Церкви с большой буквы, я говорю о наших жалких, духовно бедных человеческих общинах, – не является местом полноты Присутствия и победы... Пример тому, образ – слова Петра,

когда он увидел, услышал, что Христос говорит: «Это Я!» И отозвался: «Если это Ты, повели, чтобы я пришел к Тебе по волнам», – и пошел. И пока он думал лишь о Христе, к Которому шел среди бушующих волн, он шел; когда он вспомнил о себе и об опасности смерти, он стал тонуть. Разве не точно так же мы относимся к Истории и к Богу?

Порой, да, мы делаем этот смелый шаг и выходим за пределы той хрупкой защищенности, на которую мы возложили надежду; а потом мы спохватываемся, что защиты нет, и забываем, что единственная защита – это Живой Бог, Который все держит в Своей руке.

Бог в сердцевине истории, Бог с каждым, кто страдает; Он глубже, чем кто-либо из нас, осознает страдание, потому что может измерить его глубину так, как мы не в состоянии ее измерить. И в таком случае, я думаю, Он вправе задать нам вопрос. Вы, наверное, помните конец книги Иова: когда Иов в итоге оказывается лицом к лицу с Богом, Бог не отвечает ему, Он не объясняет ему подробно Свое отношение к страданию, к смерти, к жизни, к тому, как разворачиваются человеческие трагедии. Бог поступает иначе: Он ставит Иова перед лицом всей тайны Творения и вопрошает: «Где ты был, когда все это появилось Моим державным словом? Где была твоя мудрость? Где была твоя сила, где был твой разум? Как ты можешь теперь судить Меня, когда Тебя не было при начале Моих дел?..»

Но Он говорит нам не только это; об этих Его словах можно было бы сказать, если проявить поменьше «благочестия», что мы часто проявляем, что это отговорка, лазейка для Бога, один из доводов, которые может привести Бог и на что нам нечего возразить... Но Он ставит и другой вопрос: «Где ты, обвиняющий Меня, стоишь в трагедии Истории? Ты Мне говоришь, что не можешь молиться, потому что Меня там нет; а ты? Ты-то где?»

И теперь я скажу немного на тему заступничества – что оно подразумевает. Среди трагедии Истории мы обращаемся к Богу; случилась ли беда с нашим другом, или что-то касающееся непосредственно нас, или более общие события в пространстве

и времени, порой мы оборачиваемся к Богу и говорим: «Господи, приди, помоги, помоги!»

Очень часто наше заступничество этим и ограничивается; если выразиться более жестко, сняв с нашей молитвы налет благочестия, мы просто сказали: «Господи, я заметил много неладного в том мире, который Ты создал, а Ты как будто не обращаешь на это никакого внимания; взгляни, Господи – в Индии голод, в Персии землетрясение; происходит революция, есть концентрационные лагеря, есть смерть, страдание, страх, насилие, жестокость: что Ты со всем этим делаешь?»

Разве не так мы часто поступаем, когда ходатайствуем за кого-то? Разве наше заступничество не сводится часто просто к тому, что мы призываем Бога и напоминаем Ему о том, что Он должен был бы сделать? Заступничество состоит не в этом; заступничество не состоит в том, чтобы напоминать Богу, что Он забыл Свои обязанности. Заступничество, предстательство на западных языках – например, по-французски *intercession* – происходит от латинского слова, которое значит сделать шаг, который приведет вас в центр ситуации: то, что я описал недавно в отношении Иова, что составляет суть Воплощения. Вот в чем заступничество; оно начинается с действия, а не с речей. Христос – Ходатай, Первосвященник всего мира именно потому, что, став человеком, Он явился Заступником, и изнутри этой ситуации может в чистоте Своего совершенного человечества и в силе Своего Божества, как Сын Человеческий и Сын Божий, вознести Свою молитву к Отцу.

Но когда молимся мы, не слышим ли мы в ответ, как передает Исайя в шестой главе своего пророчества, что Бог восседает на Своем престоле и говорит: «Кого Мне послать?» (Ис.6,8) Часто ли нам случалось, любому из нас, услышав, даже как бы издали, из глубин совести, словно шепот, голос Божий, – часто ли нам случалось ответить: "Вот я, Господи, пошли меня! (Ис.6,8) Пошли меня в сердцевину этой ситуации; я войду туда, я встану там, я пойду и останусь там, пока она длится. Не столько, сколько хватит моего терпения, не до того момента, когда эта ситуация покажется мне слишком болезненной, – я

останусь там до тех пор, пока обе стороны находится в ней, в солидарности, от которой я не отрекюсь».

Часто ли с нами так было? Не очень-то! Разве что вы бесконечно более выдающиеся люди, чем те, кого я встречаю изо дня в день; я честно скажу от своего имени, как и от вашего: не часто... А тогда в чем же заключается наше заступничество? Где мы стоим? Теперь Бог мог бы задать нам вопрос: «Ты говоришь, что не можешь молиться, потому что не знаешь, где Я? Я – в Гефсиманском саду; Я – там, где Меня прибывают ко Кресту; Я умираю, Я жажду; Я испускаю вопль всей твари, которую ты, человек, в особенности – ты, христианин, предал: Боже Мой! Боже Мой! Зачем Ты Меня оставил? (Мф.27:46) Я умираю на Кресте. А ты, – ты-то где?»

Я хотел бы теперь дать вам пример, который одновременно иллюстрирует положение, какое мы должны бы занимать, чтобы быть в состоянии молиться, если хотим молиться, и заповедь, которую несет моя Церковь.

Когда мы думаем об апостолах, о святых, мы воображаем, что это были люди настолько исключительные, настолько глубоко отличные от нас; но обратимся к смутным годам чужестранного вторжения и гражданской войны в России. В небольшом провинциальном городке, который только что перешел из одних рук в другие, молодая женщина лет двадцати пяти с двумя маленькими детьми оказалась в ловушке: ее муж принадлежит к противоположному лагерю, она не сумела вовремя бежать, она скрывается, надеясь, что наступит момент, когда ослабнет внимание тех, кто ищет смерти ее и детей, и она сможет попытаться убежать. В страхе проходит день, за ним ночь, еще день; к вечеру второго дня дверь лачуги, где она прячется, открывается, и входит молодая женщина, соседка ее лет, простая, ничем не выдающаяся женщина из народа. Она спрашивает: «Вы такая-то?» И мать со страхом отвечает: «Да». – «Вас обнаружили, сегодня ночью за вами придут, чтобы расстрелять, вам надо бежать». Мать, глядя на детей, отвечает: «Куда я пойду? С детьми не убежишь, они не могут идти быстро и далеко, нас сразу узнают!» И эта соседка, незнакомая в предыдущее мгновение, вдруг перестает быть просто соседкой,

она становится тем великим, величественным, что Евангелие называет «ближним», самым близким, настолько, что никого нет столь же близкого; эта женщина становится ближней для матери и говорит: «Вас не будут искать – я останусь здесь вместо вас...» И мать возражает: «Но вас расстреляют!» – «Да, – отвечает та, – но у меня нет детей». И мать с детьми уходит, но перед тем задает ей вопрос: «Как тебя зовут?» И все что нам известно о ней, о ее прошлом, о ее конкретной реальности – это ее имя: Наталья.

Я это передал вам не просто как рассказ, хотя он очень точно иллюстрирует, что такое акт заступничества, а не просто заступническая речь. Я не стану пытаться вообразить, что же происходило в эту ночь; я просто хотел бы провести некоторые параллели, которые, как мне кажется, допустимы.

Спускается ночь, осенняя ночь, все более холодная, сырая, окутывающая одиночеством; и эта молодая женщина, одна, отрезанная от всех, ничего не может ожидать ни от кого, кроме смерти, она стоит перед лицом надвигающейся смерти, смерти, которая никак ей не принадлежит; она молодая, она живая, и убить собирались не ее.

Вспомните Гефсиманский сад: там тоже в ночи, холодной, темной ночи, на расстоянии от друзей, которые от усталости и печали уснули, был Человек, тоже молодой, тридцати с небольшим лет, Который ожидал грядущей смерти, ждал, что будет убит за других, потому что Он согласился на смерть, чтобы человек, его друг, каждый отдельный человек: вы, я, и ты, и она, и мы, и они – чтобы все ушли из этой ночи, которая держала Его пленником. И мы знаем из Писания: Христос в этой ночи плакал перед Своим Отцом. Мы знаем Его ужас, знаем обращение к Отцу, знаем о кровавом поте, знаем, что в невыносимом одиночестве перед лицом грядущей смерти Он обратился к ученикам – все ли спят, нет ли хоть одного? – и остался один перед лицом собственной смерти, которая была чужой смертью: чужая, невозможная, бессмысленная смерть.

Вот первый образ: Наталья была в той же ситуации, никакой разницы, она была на месте Христа. Не раз, должно быть, Наталья подходила к двери, смотрела и думала: «Достаточно

открыть ее – и я уже не Зоя, я снова Наталья, мне не грозит смерть, никто меня не тронет...» – но она не вышла.

Можно измерить этот страх, напряжение этого ужаса, если вспомнить двор у дома Каиафы: Петр – камень, Петр, крепкий ученик, сказавший Христу, что не отречется от Него, если и все отрекутся, что пойдет с Ним на смерть, – Петр оказывается лицом к лицу с молодой женщиной, служанкой, и достаточно этой служанке сказать ему: «И ты был с Ним...» – как Петр отвечает: «Нет, я не знаю этого человека...» – и отходит; и это повторяется, и еще раз он клятвенно говорит, что не имеет ничего общего с осужденным; и после этого, обернувшись, встречается взором со Христом... Наталья тоже могла бы отречься и сказать: «Нет, я не умру, я отказываюсь, выхожу на свободу», – но она этого не сделала. Эта хрупкая женщина двадцати с небольшим лет сумела выстоять там, где вся человеческая крепость Петра оставила его.

К тому же, эта молодая женщина не раз, вероятно, спрашивала себя, не напрасно ли она умирает. Умереть ради того, чтобы спаслась эта женщина и ее дети – да! Но какая чудовищная, трагическая бессмыслица, если и их схватят, и ее расстреляют!.. Вспомните человека, которого Священное Писание называет величайшим среди рожденными женами: Иоанна Крестителя. В конце жизни, также стоя перед лицом надвигающейся смерти, Иоанн Креститель посылает двоих своих учеников спросить у Христа: «Ты ли Тот, Которого мы ожидали, или надо было ждать иного?..» Сколько трагизма в этой фразе, которая кажется важным вопросом для него, как и для нас, но вопросом столь трагичным для него. Он умрет. Он умрет, потому что был Предтечей и Пророком и Крестителем Христа, и перед лицом грядущей смерти вдруг охватывает его сомнение: не ошибся ли я? Что, если Тот, Кого я возвещал, еще не пришел, что, если Тот, о Ком я свидетельствовал от имени Бога – не Этот?.. Тогда бессмысленны все годы непосильного подвига в пустыне, и отречение от себя, ради которого Писание называет его «гласом вопиющего в пустыне», не пророком, говорящим от имени Божия, но голосом Божиим, звучащим через человека, который настолько отождествился с этим

голосом, что уже неважно, Иоанн это или другой, говорит только Бог – и теперь эта грядущая смерть: если Иисус из Назарета – Тот, тогда все это имело смысл делать; но если это не Он, тогда Иоанн обманут Самим Богом...

И так же, как Наталья, окутанная в этой ночи молчанием и одиночеством, Пророк не получает никакого ответа, вернее, получает ответ Пророка: "Пойдите и скажите Иоанну, что вы видели – слепые прозревают, хромые ходят, нищие благовествуют; блажен, кто не соблазнится о Мне». (Мф.11,4–6) В темнице, где его ждет смерть, он должен встать перед лицом всего своего прошлого и своего настоящего, всей своей смерти – в одиночестве, в державной ответственности человека во всем величии этого слова.

Наталья тоже не получила никакого ответа. Теперь то я мог бы ей сказать, что Зоя спаслась, что детям уже за пятьдесят лет, многое мог бы сказать еще – теперь; но она этого никогда не узнала и в течение ночи была расстреляна.

Вот акт заступничества, вот что позволяет Наталье не в благочестивых речах, но всем своим существом воззвать: «Господи! Спаси их! Возьми мою жизнь, но отдай ее другим!» И действительно, эту жизнь они приняли, но не временную, не жалкую, кратковременную человеческую жизнь. Они получили от нее еще нечто. Вы помните то место у апостола Павла, где он говорит: «Уже не я живу, но живет во мне Христос...» (Гал.2,20). Так вот, эта женщина и ее дети говорили мне: «Она умерла нашей смертью, и вот уже пятьдесят лет мы пытаемся жить ее жизнью, жить в меру Натальи...»

Бог мог бы поставить нам вопрос – и вопрос этот был бы таков: «Ты, обвиняющий Меня в том, что Меня нет, – где ты сам? Стоишь ли ты вне трагедии, глядя на нее со стороны и восклицая: Бога нет, где же Он, куда Он смотрит?.. Или ты там, в сердцевине трагедии?.. Если бы ты был там (мог бы сказать Господь), люди увидели бы, что там – Я, потому что ты – частица, живой член Моего Тела, частица всецелого Христа. Твое присутствие было бы Моим присутствием. Твое отсутствие заслоняет Мое реальное присутствие. Твое место – в сердцевине трагедии, и если бы ты стоял там, ты сумел бы

молиться. Ты не молишься, ты не в состоянии молиться, потому что тебя там нет. Ты не в состоянии молиться Господу бури, и поэтому создаешь себе ложный покой и ложную успокоенность...»

Вот в чем вся проблема: в той ситуации, где мы находимся, в Истории, как и в нашей частной жизни, мы обвиняем Бога! Бог нас не обвиняет, но лишь с грустью задает нам вопрос: «Где ты?..» Быть может, вы помните роман польского писателя, который, правда, скорее известен моему поколению, чем более молодым людям, «Quo vadis?», «Камо грядеши?» Это история из времен самого первого гонения. Спасаясь от него, Петр уходит из Рима; у городских ворот он встречает Христа и спрашивает Его: «Quo vadis, Domine? Куда идешь, Господи?..» И Христос отвечает: «Иду в Рим умереть с Моими братьями, потому что ты их оставил...» Вот как ставит нам вопрос Господь.

Заступничество – да, реальность, молитва – реальность, но она реальность только тогда, когда является ответственной, вовлеченной позицией, «ангажированностью». Мы все время говорим о вовлеченности: политической, общественной, всевозможной, но сами мы безответственны; мы то включаемся ответственно, то безответственно отходим; включаемся на время, как можно наняться на какой-то срок! А затем, когда мы устали страдать, мы говорим тому, кто в сердцевине страдания: «Продолжай, а я отдохну; когда усталость пройдет, я вернусь поддержать тебя...» Бог так не поступает!

Я хотел бы дать вам еще один пример. Человек, которого я знал близко, который оказал на меня определенное влияние в молодости, во время немецкой оккупации был схвачен и отправлен в концентрационный лагерь. Он вернулся оттуда через четыре года. При первой встрече я спросил его: «Что вы вынесли из лагеря?» Он ответил: «Тревогу». Меня это поразило, потому что он был человеком крепкой веры, сильным человеком; и я переспросил: «Вы хотите сказать, что потеряли веру?» И он ответил: «Нет; но видишь ли, пока я был в лагере и подвергался жестокостям, насилию, я сознавал, что Бог дает мне власть прощать. В любое мгновение я мог сказать: Господи, прости! они не знают, что творят... В любое мгновение я мог

сказать: Господи, Тебе больше нечего взыскать с них, я простил им в Твое имя. А теперь я на свободе; те, кто нас так мучил, когда-то встанут перед судом Божиим, и я хотел бы всем существом воззвать к Богу: Прости! Но как Он может мне верить? Я больше не страдаю...»

Вот человек зрелый, не герой, он был человек жесткий, трудный, тяжелый, от которого нельзя было ожидать каких-то мистических порывов. Он сумел молиться, потому что был в сердцевине драмы. Мы не в состоянии молиться – мы на берегу моря и просим Бога спасти тонущую лодочку. Если бы нам хватило мужества самим взяться за дело, мы сумели бы молиться, мы были бы там же, где наш Ходатай, Первосвященник всей твари, Христос. Наше призвание в этом.

Может быть, вы мне скажете, что образы, которые я выбрал, слишком велики для нас. Разумеется, кто из нас подобен Наталье или этому человеку, о котором я говорил, кто из нас действительно в меру образа Христова! Но если мы не таковы, значит, мы неверны своему призванию, потому что мы призваны быть живыми членами Тела Христова. Патриарх Алексей Московский (Симанский; † 1970 – *Ред.*) как-то в ответ на вопрос, почему в России не борются за большую свободу для Церкви в советском обществе, ответил: «Потому что Церковь – не бюро пропаганды, Церковь – Тело Христово, ломимое за спасение своих гонителей...»

Мы – это Тело, либо мы изменники. Иного выбора нет. Мы должны быть присутствием Христа, по примеру Натальи, по примеру этого человека – в малом и в великом, все равно. Когда кто-то унижает вас и вы не в состоянии простить, когда кто-то вас обидел, и вы не можете простить, когда у вас напряженные отношения в той небольшой человеческой среде, которая вас окружает, и вы не умеете разрядить это напряжение – здесь-то и начинается проблема заступничества, и здесь же она разрешается.

Мы никогда не сможем молиться, кроме как под воздействием Святого Духа, храмами Которого мы призваны быть, и не только местом вселения, но откровением, проявлением, сиянием Его в мире.

Наше призвание – стать «причастниками Божественной природы» (2Пет.1,4), – (это слова апостола Петра из его послания), стать не просто вообще детьми Божиими, но, по слову святого Иринея Лионского, в Единородном Сыне, в Котором мы, действием Духа Святого, едины, стать *единородным сыном Божиим*.

У нас нет выбора; либо мы принимаем свое христианское призвание, либо мы должны его отвергнуть. В таком случае, наберитесь мужества – наберемся мужества! – ставить Бога под вопрос и понять, где Его место и что Он такое. И будем готовы, что Бог может поставить нас под вопрос, и признаем собственную трусость, свое предательство, свое отсутствие. И изнутри этой ситуации, где Бог окажется оправданным в наших глазах, а мы окажемся осужденными, мы найдем, в акте покаяния, путь к соединению с Ним, и тогда сможем вознести свой голос, воздеть руки, устремиться душой к Богу в заступническом действии по образу Христа, а не в порыве, который будто стремится противостоять «несправедливости» Божией – что мы так часто пытаемся сделать.

РАЗГОВОР О МОЛИТВЕ

Пер. с англ. по изд.: Practical Prayer: An Interview with Metropolitan Anthony of Sourozh conducted by Nicholas Chapman. Conciliar Press, 1989. Публикация: журнал Библейско-Богословского Института "Страницы". 1997. Т.2. Вып. 4

Многие наши читатели вышли из среды, никак не подготовившей их литургически. Что Вы можете посоветовать, чтобы богослужение стало личной молитвой, идущей от сердца, а не просто механическим повторением?

Все имеющиеся у нас богослужебные молитвы вышли из сердца написавших их святых. Это не просто готовые молитвы, которые мы можем прочесть, и посчитать, будто мы квиты. Для того, чтобы молиться ими от всего сердца, всем сознанием, мы должны научиться чувству и отношению тех святых, которые их написали. Дело не в том, чтобы просто пользоваться богослужебными молитвами в храме; надо продумывать их в течение недели. Мы должны читать их вдумчиво и размышлять над ними, и не искать волнующих переживаний, а стремиться глубоко проникнуть в их смысл. Мы должны стараться собрать из мыслей, наполняющих эти молитвы, порой даже из самих слов, то, что соответствует нашему собственному опыту. В таком случае, когда мы придем в храм, эти проблески оживут вместе с церковной молитвой.

Во время же самого богослужения в храме литургические тексты не должны быть предметом медитации или размышления. Во время службы человек должен целиком обратиться в слух. Надо слушать всем сердцем, всей жизнью, всей чуткостью, и просто дать молитвам пронизать нас, охватить нас, ни на минуту не задумываясь: «Что со мной происходит? Как я отзываюсь на эту молитву?» Это можно сделать с большим успехом в другое время, но не в течение самой службы.

И еще одно я считаю важным, когда мы учимся пользоваться готовыми молитвами. Пользуясь молитвами, составленными святыми, следует молиться этим святым, чтобы

они просветили нас, просить их поддержать нашу молитву, донести ее к Богу. Я думаю, что если мы будем так поступать, мы постепенно вращаемся в самые молитвы и в богослужebное действо.

Является ли богослужение способом общения со святыми?

Разумеется, оно может быть таким общением. Порой мы только и можем прочесть молитву и сказать святому: «Я не очень-то верю, что это может помочь, но эти слова произнес ты; помолись со мной, и пусть эта молитва поднимется к Богу по твоей вере». У меня был однажды такой опыт, когда я прочел одну из молитв Василия Великого. Я сказал ему: «Я не очень верю, что она поможет, но ты-то верил, раз составил эту молитву. Помолись со мной; все, что я в силах сделать – это принести ее вместе с тобой, полагаясь на твою веру». Я произнес эту молитву и получил ответ на нее.

Не будет ли лицемерием – молиться готовой молитвой, не участвуя сознанием в ее духовном опыте? Например, допустимо ли читать покаянные молитвы, когда сами мы холодны и бесчувственны ко греху?

Это не будет лицемерием, при условии, что мы честны. Если мы сначала скажем Богу: «Я не могу отозваться цельно, у меня нет глубокого покаяния, выраженного в этой молитве, но я хотя бы умом сознаю, что разделен от Тебя, разделен от моего ближнего, сломлен внутренне, и я читаю эти молитвенные слова святого, которые лучше и правдивее выражают то, что я хотел бы выразить сам, – с тем, чтобы эта молитва постепенно изменила меня внутренне».

Недостаточно молиться лишь ради того, что это «правильно», «так надо». Молиться надо так, чтобы мы постепенно вращались в молитву. Если вы идете на концерт, вы, скорее всего, неспособны воспринимать музыку с тем же чувством, с каким композитор воспринимал жизнь, красоту, смысл – все, что он заключил в свое творение. Но если во время концерта вы дадите музыке унести вас, охватить вас, воздействовать на вас, вы постепенно станете более восприимчивы к тому, что хотел передать композитор.

Почему молитва, будучи столь существенной частью нашей христианской жизни, так трудна?

Потому что мы лишь смутно сознаем, что нуждаемся в молитве. Будучи христианами, мы знаем, что должны молиться и должны относиться к жизни определенным образом. На самом деле наше отношение не таково. И мы не можем молиться от всего сердца и ума, когда наше сердце и ум разделены. Молитва трудна, потому что нам не удастся сделать ее частью собственного опыта. Чтобы молиться искренне, мы должны молиться изнутри собственного, а не чужого опыта. Для начала, из множества и разнообразия православных молитв следует выбрать те, которые нам доступны. Позднее мы сможем попробовать пользоваться и теми, которые более трудны. Таким образом, мы сможем произносить эти молитвы, так сказать, от собственного имени, молитвенные слова захватят нас до глубины. Если в какой-то момент окажется, что это нам недоступно, мы должны сказать Богу: «Я не могу произнести эти слова из убеждения, но я могу произнести их в акте веры, разделяя чужой опыт».

Например, дойдя до слов «прости, как я прощаю», вы можете остановиться и сказать: «Господи, я не умею прощать в совершенстве. Я могу лишь сказать: я **хотел бы** уметь прощать. Прости меня хотя бы в той мере, в какой это будет целительно и полезно для меня». То же самое относится к молитвам, в которых мы о чем-то просим, что-то утверждаем, хотя неспособны прочувствовать эти слова до глубины.

Возможно ли мирянину, живущему среди смятения, безумия XX века, вести тот образ жизни, который Вы описываете? Могут ли живущие в миру вести молитвенную жизнь по образу монашествующих?

Думаю – да, вполне, лишь бы мы соединили молитву с жизнью и жизнь с молитвой.

Если мы стараемся уйти от жизни и предаваться молитве, воображая, будто стремимся быть созерцательными монахами, ничего не выйдет. Заботы оторвут нас от молитвы. Но если мы сознаем, что все в жизни – ситуации, куда Бог нас поставил, чтобы мы принесли веру туда, где веры нет, принесли надежду

туда, где нет надежды, принесли свет – пусть хоть тусклый, малую искру света – туда, где только тьма или сумерки, чтобы мы были солью, предохраняющей от гниения, чтобы принесли крупицу любви туда, где безлюбивность, тогда никакая ситуация не окажется настолько дурной или полной тревоги, чтобы мы не смогли войти в нее молитвенно, в молитвенном духе. Мы можем сказать: «Господи, Ты послал меня в эти сумерки, в эту тьму. Будь со мной, и даруй мне быть Твоим присутствием».

Если мы так молимся, мы можем принести всю ситуацию Богу. Очень часто люди говорят: «Я хотел бы молиться нерассеянно, однако на мне груз забот». Надо ли стараться отстранить эти тяготы? Очень часто Бог озабочен ими гораздо больше, чем мы.

Прежде чем пытаться побыть с Богом в неразвлеченном покое и тишине, следует обратиться к Нему и сказать: «Господи, меня заботит и тревожит то-то и то-то». Чья-то болезнь, чье-то недоброжелательство, даже просто волнение ребенка перед экзаменом – для Бога нет ничего слишком мелкого. Принесите Богу все до мелочи, скажите все, что у вас накопилось. А затем в акте веры скажите Богу: «Я вручил это все в Твои руки, на некоторое время пусть это будет в Твоих руках»

Если вы честны, можете добавить: «Не думаю, что сумею передать Тебе эти заботы надолго, потому что я недостаточно доверяю Тебе. Я возьму эти заботы обратно, потому что озабочен ими больше, чем Ты» (позже вы обнаружите, что это не так, но тем не менее нам часто приходится начинать с этого). А затем, передав заботы Богу, скажите: «А теперь, Господи, давай побудем немного вместе».

Ведь именно так вы поступили бы с женой или с другом. Вы пришли с грузом забот, вы не можете просто наслаждаться обществом, счастьем, что вы вместе. Вы сначала скажете: «Ох, у меня был такой тяжелый день!» – и перескажете жене, или матери, или другу тяготы дня. Облегчив душу, вы сможете откинуться в кресле и сказать: «Ах, как хорошо нам быть вместе».

Есть рассказ из жизни французского святого XIX века. Он был приходским священником в маленькой деревушке; там был

старик, который часами сидел в церкви. Однажды священник сказал ему: «Дедушка, что ты делаешь тут часами? Губы у тебя не шевелятся в молитве, четки ты не перебираешь, что ты делаешь?» И старик ответил: «Он глядит на меня, я гляжу на Него, и нам так хорошо вместе». Этого невозможно достичь, пока не отдашь все свои заботы, не поделишься ими. Общение возможно только после этого. Но если подходить так, тогда все в жизни отказывается поводом для молитвы.

Например, вы проснулись утром. Вы можете осознать, приучить себя сознавать, что вы воскресаете, подобно Лазарю, потому что в вашем положении сон – то же самое, что смерть. Во сне вы не сознаете ничего, вы беспомощны, беззащитны, весь мир перестает существовать, как если бы вы были мертвы.

А затем Бог зовет вас: «Гряди!» И вы вступаете в день, которого никогда в истории еще не было, это совершенно новый день. И Бог говорит: «Войди в него во имя Мое». И вы можете просто ответить: «Господи, благослови этот день для меня, и благослови меня на этот день». И войдите в этот день, как вы вышли бы на равнину, покрытую снегом. Она чиста, нет ни следа на ней, и вы должны задаться вопросом: «Как мне пройти по ней благополучно? В какую сторону идти?» – И идите!

И тогда вы должны принять всякую встречу как Богом данную ситуацию, каждое событие – как посланное Богом. Встретившись с человеком или с ситуацией, вы можете сказать: «Господи, дай мне зрение, дай мне понимание, дай мне мудрость, дай мне нужные слова и верные действия!». Если позднее вас охватит колебание, вы можете сказать: «Господи, просвети меня!»

А сделав то, что следовало, обернитесь к Богу и скажите: «Господи, если то, что я сказал или сделал, правильно, пусть Твоим благословением оно будет, словно зерно, пусть принесет богатый плод. Если я поступил неверно, изгладь это из памяти этого человека». Вспомните урок старой русской сказки: самый важный момент жизни – теперешний миг, потому что прошлого уже нет, а будущее еще не настало. Самый важный человек на свете – тот, с которым вы общаетесь в данный момент; и самое важное **дело** в жизни – **сейчас** сделать для **этого** человека то,

что нужно. И тогда никакие события ни на миг не отвлекут вас от молитвы.

Это не обязательно будет созерцательная молитва; но с другой стороны, если вы помолились утром и сохраняете чувство присутствия Божия, если сердце ваше загорелось, ум просветлел, воля встрепенулась, тело собралось, тогда вы будете в состоянии человека, который утром получил письмо либо с замечательным известием, которое озарит весь день светом, либо с трагичной вестью, которая тенью ляжет на весь день, – ни на один миг эта весть не будет забыта. То же самое можно сказать о молитве.

Мы часто не находим пятнадцати минут, получаса, чтобы посвятить их молитве перед работой. Видимо, такова неизбежность нашей жизни, полной спешки...

Я думаю, это столь же неверно, как если бы мужчина сказал жене: «У меня нет на тебя времени, но я зарабатываю тебе на жизнь, я покупаю тебе подарки, чего еще тебе от меня надо?» Это не отношения. Вероятно, жена сказала бы: «Пожалуйста, не бери дополнительной работы ради того, чтобы купить мне новую шляпку или сумку; лучше проведи это время со мной». Единственное, что имеет ценность между Богом и вами, это то, каковы ваши отношения.

Порой бывают вещи более значительные, чем обязательная молитва. Я вспоминаю своего друга, его родители были ужасно бедны. Однажды он принес матери букет цветов. Я вспыхнул и сказал: «Ты что, не понимаешь: в доме **хлеба** нет!» И его мать сказала мне: «Не ругай его. Я могу прожить без хлеба, я не могу жить без цветов».

Такие вот отношения и должны быть между нами и Богом. Речь не идет о получасе или пятнадцати минутах; дело не во времени. Если вы взглянете на жену и скажете: «Дорогая, как я люблю тебя!» – это займет один миг, и все произошло. В один прекрасный день вы разразитесь долгой речью на тему единения в вечности, к которому ведут брачные узы. Ваша жена, вероятно, терпеливо все выслушает, а затем скажет: «Милый, мне пора на кухню». Бог может отреагировать так же.

Если вам не хочется побыть с Богом, что толку обращаться к Нему с речью? Должны быть отношения, должна быть дружба. Так что если вас не тянет уделить Ему пятнадцать или тридцать минут из двадцати четырех часов, может быть, вам следует задаться вопросом, каковы ваши подлинные чувства к Нему. Так ли вы поступили бы по отношению к своей жене? К друзьям? Все дело в этом.

Молитва оживет, если вы воплотите ее в действие. Если вы говорите в молитве: «Боже, даруй мне то или иное», это означает, что вы должны быть готовы действовать в этом направлении изо всех сил. Есть рассказ о святом, который молился, чтобы ему было даровано терпение. И тут же кто-то из его друзей довел его до ярости. Он обратился к Богу и сказал: «Я же только что просил терпения!» И Господь ответил: «Да, и Я умножаю случаи, на которых ты мог бы ему научиться». Я думаю, вы должны быть готовы приложить все силы к тому, чтобы жизнью исполнить то, о чем говорите. Что толку говорить: «Господи, я люблю Тебя!» и ничего не сделать в доказательство этого утверждения?

Как мирянин может употреблять Иисусову молитву, чтобы с ее помощью утвердиться в молитвенной жизни?

Молитва Иисусова – нечто совершенно простое, если мы не сделаем из нее сложное упражнение: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного!»

Начало ее – исповедание веры, и молитвой Иисусовой нельзя пользоваться, если вы не можете совершенно честно произнести ее вводные слова. Произнося *Господи*, надо признавать Христа Господом, сделать Его Царем в нашей жизни (не в эмоциях, а в жизни), так чтобы приобрести *ум Христов*; в сердце – чтобы сердце ваше было чисто; в воле – чтобы вы стремились хранить всецелую верность тому, что вам открылось в Евангелии от Бога.

Это первое. Затем, *Иисус*. «Иисус» – человеческое имя Бога. Это исповедание воплощения. Верите вы в него или нет? *Христос*: Он – исполнение Ветхого Завета. *Сын Божий*: Он истинно Единородный Сын. Это все исповедания веры, и вам следует испытать себя, и если вы не можете верить в это, так и

скажите Богу, и сократите молитву. Скажите: «Иисусе, Сыне Божий»; или: «Господи Иисусе Христе». Или просто: «Иисусе», если единственное, что связывает вас с этой молитвой – Его имя, Его Личность. Но не лгите; или скажите Богу, что произнесете эти слова, потому что сколько-то веры у вас есть, хотя и несовершенной.

И затем слова *«помилуй меня»*. Это не значит: «Господи, будь добр ко мне. Ты знаешь, как я слаб, Ты знаешь, как я плох, но Ты-то благ, не обращай на это внимания». *Милость* – слово, говорящее о прощении, о даре, но в ответ на мольбу о нем, на страстное желание, на тоску по примирению. Оно значит, что мы осознаем, насколько велико наше призвание и как мы слабы. Мы обращаемся к Богу, как Павел, просивший о силе. И Господь ему ответил: "Сила Моя в немощи совершается... Довольно тебе благодати Моей..." (2Кор.12,9) Мы взываем и просим, чтобы нас любили строго и нежно одновременно. Это требует от нас очень многого: готовности принять от руки Божией то, что Он благоволит дать, и остаться верными.

И наконец, *грешного*. Кто такой грешник? Тот, в первую очередь, кто нарушил закон Божий. Грешник – тот, кто живет таким образом, что становится чужд Богу, кому стыдно перед лицом Божиим, кто позорит Бога перед другими людьми. Это человек разделенный в самом себе, разделенный от ближнего, удаленный от Бога. Грешник потерял связь с Богом, со своей совестью, со своей собственной жизнью, с жизнью ближнего. Каждый из нас может сказать, что он таков. Не в том дело, что мы обнаруживаем, что совершили один особенно отвратительный грех, и каемся в нем. Дело в нашем образе жизни.

Так что Иисусовой молитвой может пользоваться любой человек, Единственное предостережение: не следует пытаться сделать из нее некий талисман. Не следует воображать, что, употребляя ее, мы занимаем какое-то особенное положение по отношению к Богу. Она должна быть честная и искренняя. Мы должны обратиться к Богу и сказать Ему правду, мы должны осознать свою греховность и свою нужду в Нем, и должны верить, что Бог всегда отзовется на нашу молитву.

Можно посвятить ей несколько минут в день, собирая внимание на ее словах, а затем оставить ее. Никогда нельзя повторять молитву без внимания. Она не должна «жужжать» внутри нас, крутиться, словно колесо. Она – само внимание, полное благоговения молитвенное трезвение. Тогда ею можно пользоваться в любой момент или в определенное время.

Часто бывает какое-то расхождение между личной молитвой и богослужением, общественной молитвой. Считаете ли Вы, что оно реально? А если нет, как Вы сами включаете личную молитву в общественную?

Я бы сказал, что первостепенна, наиболее важна личная молитва, то, каковы ваши личные отношения с Богом. Если вы молитесь лично, ежедневно лично общаетесь с Богом, то, придя в храм на службу, сможете включиться в богослужение, которое глубоко личностно, но вместе с тем превосходит вас, вы сможете внести в него или воспринять от него молитвенный дух. Когда вы приходите на богослужение, вы должны дать себе погрузиться в Бога, – погрузиться в молитву. И лишь если вы погружены в Бога и в молитву, вы становитесь едины с другими, не через пение, службу, действия, а уходя в Бога в ситуации, которая особенно насыщена, потому что вас несет молитва всей Церкви, и вы несете молитву других людей.

Кроме того, разумеется, в рамках богослужебной молитвы совершаются таинства. Но в таинствах можно участвовать лишь постольку, поскольку вы в Боге. Если вы пришли на богослужение, православное или иное, будучи или не будучи православным, и просто стоите, ожидая конца, вы не участвуете в службе. Если вы подходите к причастию только потому, что сегодня воскресенье, или ваши именины, или заодно со всеми, очень вероятно, что вы не причаститесь.

Есть очень сильное место у Симеона Нового Богослова, где он говорит, что Бог есть огонь. Но Он – наш Спаситель, и когда мы подходим к причастию недостойно, не сознавая, что мы делаем, Он допускает это, но как бы отходит из преподаваемых нам Хлеба и Вина. Вы принимаете хлеб и вино, ничего больше, потому что иначе вы сгорели бы дотла. И я думаю, что инославный, погрузившийся в Бога во время православного

богослужения, по духу бесконечно ближе к литургии и даже к таинству Причащения, чем православный, который просто стоит и надеется, что служба не слишком затянется. Хотя что касается Симеона Нового Богослова, я не уверен, что тут, как и в некоторых других вещах, он не более радикален, чем Церковь в целом. Например, когда он говорит, что тот, кто не испытал воскресения на земле, не познает его в вечности – это больше, чем мы ожидаем из учения Церкви, это очень радикальный подход.

Помните тот отрывок, где он говорит, вернувшись из храма после причащения: я сижу на деревянной скамейке, гляжу на эти дряхлые руки, на это стареющее тело, и вижу с ужасом, что это руки Божии и что это тело Божие, потому что путем причащения это стали члены Христовы; я взираю вокруг себя на убогую келью – и она шире небес, потому что небеса не вмещают Бога, а она содержит Бога... Конечно, идеально было бы, чтобы мы могли каждый раз **так** пережить прикосновение к святыне; но с другой стороны, часто бывает, что человек причастится и через какое-то время начинает переживать, и начинает меняться, что более важно, чем его переживания. Я могу вам процитировать другого духовного писателя, который говорит: ты не ожидай, что переживешь что-либо сразу после причащения; иногда через два или три дня поднимется то чувство и то переживание, которое ты не смог иметь в тот момент. Потому что иногда душа оцепеневает или углубляется так, что не до чувств, хотя что-то происходит на глубине.

Итак, личная молитва важнее общественной молитвы и является необходимым условием подлинной общественной молитвы?

Я думаю, что она – предварительное условие, так же как отношение любви есть первое условие любого общения на словах, или как взаимная любовь среди группы людей и взаимное доверие, дружба предваряет любые слова, какие прозвучат между ними. Иначе это будет механическое упражнение, когда вы можете показать другим свои знания, продемонстрировать свою начитанность, но подлинного общения не будет. Душа ваша никак в этом не участвовала.

Но, как сказал один западный богослов, «одиноким христианин – не христианин». Быть христианином значит быть членом тела Христова, а тело Христово – это не только я, но все другие верующие. Приходя в храм, мы можем, если не отвлекаем сами себя и друг друга, вдруг почувствовать, что мы в таком месте, где царствует Божественное присутствие и тишина. В этом отношении молитва в храме может быть более значительна, чем молитва дома.

Кроме того, мы ходим в храм, чтобы принять молитвенную помощь от всех других верующих и поделиться со всеми своей молитвенной настроенностью. Не в том смысле, что «я могу молиться, а вот этот, там, видно, не умеет...», а в том, что я стану перед Богом, уйду в свои глубины, откроюсь до конца, и на этой глубине окажусь единым со всеми, кто молится – глубоко ли, поверхностно ли, кто борется за молитву, кто отпал от нее по усталости или незрелости. В этом отношении Церковь является сложным организмом, куда все вносят свой опыт Бога, свое стояние перед Богом, свою молитву к Богу, восполняя друг друга, помогая друг другу. И поэтому так важно не отвлекать другого человека от молитвы, даже по каким-то уставным соображениям, для того, чтобы он «лучше» поступал в храме; это можно делать потом или в другой момент. Когда-то в одном со мной приходе был страстный уставщик. И бывало, я (да, по невежеству, мне было лет 17) стану на колени и поклонюсь до земли: я вдруг почувствовал Божие присутствие, я хочу Ему поклониться, преклониться перед Ним... -и тут меня этот уставщик по плечу хлопает: «Вставай, в воскресенье на колени становиться нельзя!» А мне думается: Ах! Бог **так** доволен, что мне захотелось преклониться перед Ним, и Ему там безразличен устав... Мне кажется, что в этом отношении должна быть свобода. Устав – как леса, которые поддерживают здание, пока оно не стоит по-настоящему.

А относительно мнения, что можно было бы молиться так хорошо дома, скажу: те люди, которые умеют петь, могут петь себе всласть дома, однако когда они соберутся и составят хор, этот хор звучит совершенно по-иному. Ни один голос не должен выдаваться, все голоса должны слиться, и они составляют

нечто, что содержит в себе каждый звук и каждый голос, а вместе превосходят все голоса вместе взятые. В этом отношении наша церковная молитва подобна хору: каждый из нас вносит, может быть, ничтожный голосок, но вносит один неповторимый звук, который есть звук чистой любви и чистой веры; он сливается со всеми, и это делает его участником тайносовершения. И это очень важный момент. В древности тот, кто не имел права причаститься, не должен был оставаться в храме после ухода оглашенных. И я бы сказал, что это наш нравственный долг: прийти в церковь и внести в нее то малое, что мы можем внести. Например, мытарь пришел в храм, остановился у притолки и сказал единственное: что он недостоин вступить в эту священную область... И тем самым он внес в эту область то, чего ни фарисей, ни обыватели не внесли.

Поэтому речь не идет о том, чтобы ты внес свою святость. Ты можешь внести свое покаяние, ты можешь внести отчаянный крик: «Господи, откройся мне! Я Тебя не знаю...»

Хорошо ли помолиться сначала дома, прежде чем прийти на литургию в воскресенье?

Да, лишь бы эта молитва не убила молитвенный дух, лишь бы вы обратились к Богу и сказали: «Господи, я собираюсь на литургию, я иду в место, Тебе посвященное. Это Твой дом. Я там встречу людей, которые любят Тебя, вероятно, больше, чем я, которые лучше меня умеют молиться. Какое чудо, какая радость, какое счастье! Благослови меня пойти и всем сердцем быть там с Тобой, как я от всего сердца присутствовал бы на дне рождения моей матери или моего ребенка – так же просто и непосредственно».

Если вам помогает чтение молитв, читайте, но не подражайте многим молитвам или каким-то определенным молитвам – **молитесь Богу!** Если вам нужна поддержка молитв святых, пользуйтесь ими. Если вы чувствуете, что какая-то молитва не дает вам взлететь духом, не дает душе сыграть перед Богом, не приносит вам радости и любви, не пользуйтесь ею. Я знаю, что это звучит неблагочестиво, но таково мое убеждение. Мне 75 лет, у меня было время подумать, я

священник более сорока лет, и таково мое чувство. Вы же знаете: у апостолов, у первых христиан не было всех тех молитв, какие есть у нас, а как живо было их отношение с Богом!

Так что не следует позволять молитвам, накопившимся за столетия, – несмотря на все их богатство – стать багажом, тянущим нас вниз и отрывающим от Христа?

Нет, так же как вся музыка на свете, все искусство мира не должно помешать вам посмотреть на солнечный закат и воскликнуть: «Как это прекрасно!» – или так же отреагировать на прекрасную мелодию. Есть стихотворение немецкого поэта, где говорится: «Маленькая песенка – чем она так драгоценна? В ней немного мелодии, немного гармонии и вся человеческая душа».

Все дело в этом. Если вы можете вложить в слабый звук вашего голоса, в ту небольшую гармонию, какую вы способны создать между Богом и вами, всю вашу душу целиком, Бог будет рад этому. Если вы просто произносите вежливое обращение, если вы просто читаете слова, то в ответ на прочитанный вами псалом Бог может отозваться: «Я это уже слышал – и царь Давид произносил гораздо лучше».

В заключение поговорим несколько об ином. На нас быстро надвигается ХХI век. Каким Вам видится будущее православия на Западе – особенно учитывая ныне существующие его разделения по национальной линии? И что мы, миряне, можем сделать ради подлинного единства, которое преодолело бы национальные и культурные преграды?

Ну, во-первых, сама жизнь на Западе постепенно разрушает многие культурные и национальные барьеры. Первое поколение эмигрантов говорило по-гречески, по-русски, по-арабски, на всех языках Востока или Севера. Теперь большинство молодежи говорит по-английски, по-немецки, по-французски и т.д. Так что возникает общий, объединяющий всех язык. Если первоначальный язык сохраняется, это благо, потому что знание двух или трех языков позволяет глубже понимать значение слов, образ мыслей, чем один язык. В этом смысле наша

этническая принадлежность может сохраниться, но не быть полной стеной отчуждения.

Во-вторых, мы должны помнить, что каждый народ, каждая этническая группа может что-то открыть каждой другой в плане своего знания Бога, опытного переживания Его, того, каким образом этот опыт выражался на протяжении столетий. Так что нам следует сохранять собственное национальное наследие, свою духовность и делиться ею, потому что из таких частей складывается целостное Православие.

Кроме того, мы должны сознавать, что единство возможно среди подлинных христиан. Если мы исповедуем одну православную веру и живем соответственно, мы становимся ближе друг другу, даже если неспособны говорить на одном языке.

И наконец, я верю, что осуществление единства придет от верующего народа, а не от иерархии. Иерархии приходится преодолевать всякого рода проблемы – богословские, канонические, исторические, дипломатические. У народа этих проблем нет. Я абсолютно убежден, что если люди разной национальности чувствуют, что они братья во Христе, православные братья, и становятся едиными на этом уровне, рано или поздно иерархи обнаружат, что разделены только они сами. Может быть, тогда они придут в разум.

Дай-то Бог!

Да! Но мы должны стремиться к этому и сами.

ХРИСТИАНСКАЯ МОЛИТВА СЕГОДНЯ

Б.Р. «Ваше Преосвященство, для англианина – редкостное удовольствие говорить с Вами о молитве. Вы с такой щедростью дарите свое время Англиканской Церкви, и мы бесконечно благодарны Вам за это. Что, в результате общения с нами, Вы можете сказать о духовности нашей Церкви?

М.А. Если определять духовность как дыхание, действие Святого Духа в людях и в общинах, больших и малых, то я могу сказать, что в англиканском исповедании (как и в римокатоличестве, как и в нонконформистских общинах) на меня сильное впечатление производит горячее **стремление** людей к Богу, к тому, чтобы слушать Его, стараться понять пути Божии и не пытаться переиначить их по-своему. Меня поражает **сила**, с какой Бог действует, и небывалая готовность, которую люди Ему предлагают слушанием, исканием ответов на глубинные вопросы, принятием требований Божиих и Его неумолимой взыскательности к нашему поведению.

В искании новых путей молитвы есть ли, по-Вашему, такие факторы в современной жизни, которые требуют ломки традиционных христианских методов молитвы и духовной жизни?

Нет, не думаю.

Значит, те же формы молитвы годятся для всякого поколения?

Никакие формы никогда не выразят полноты Божественной жизни в нас, – не могут они и создать ее. Сейчас некоторым людям кажется, что какие-то формы устарели. Но новые формы может создать только новое бытие жизни Духа, а не какие-то попытки с нашей стороны придумать выражения более подходящие для данного поколения.

Существуют ли какие-то основные формы молитвы?

Я все больше убеждаюсь, что мы должны помнить о некоторых факторах. Любая частная или общинная молитва должна выражать природу Церкви, которая есть Тело Христово и Храм Святого Духа, но также и совокупность людей, которые

нуждаются в спасении и борются с грехом, стремятся к покаянию, обращению, обновлению. Но в молитве нет места лирическому самовыражению – когда люди, вместо того, чтобы выражать свою христианскую сущность, пытаются включить в акт молитвы свое мелко-повседневное «я» и опыт.

Вас это тревожит?

Я считаю, что это совершенно ошибочно, этому не может быть места в христианской молитве.

Думаете ли Вы, что нынешнее общество вседозволенности является соблазном или опасностью для духовной жизни и духовного развития?

Если вседозволенность означает, что не существует абсолютных нравственных норм и единственный критерий – мое желание или настроение, то, разумеется, это идет вразрез с духовной жизнью, ибо голос Духа что-то повелевает и что-то запрещает, так же, как и Евангелие и Церковь, – потому что какие-то факторы неизбежно разрушают духовную жизнь.

Есть ли в современном человеке что-то по существу своему безбожное или противобожное?

В нас масса безбожного и противобожного; Бог не есть вседозволяющий Бог.

Многих христиан приходится убеждать в том, что молиться стоит, что молитва реальна и важна. Как можно убедиться, что, молясь, мы не занимаемся самообманом и не говорим в пустоту?

В основе молитвы лежит наше взаимоотношение с Богом. Оно так же хрупко, как и любые другие отношения. В процессе взаимной беседы мы раскрываем общие для нас моменты, гармонию ума и души. Единственный способ испытать, чего стоит молитва, это взяться за нее и убедиться, насколько она реальна как опыт.

Могли бы Вы назвать нашу беседу сейчас молитвой?

Нет, молитва – это наше отношение с Богом. Хотя беседа наша уходит корнями в ту же уверенность в вещах невидимых.

Мой духовный руководитель сказал мне недавно, что молитва становится для него все более и более трудной. Я

задумался: отчего бы? Соответствует ли это и Вашему опыту?

Нет, я не могу сказать так по своему опыту, вероятно, я просто недостаточно усерден! Но временами употребление формальной молитвы становится более трудным: когда двое становятся очень близки, традиционные выражения могут быть в тягость, утомляют.

Но Вы не находите, что молиться становится труднее?

Нет, напротив, я нахожу, что молитва становится опытом более легким, более радостным, что она более отвечает своему назначению, чем раньше.

Есть ли какое-нибудь правило?

Основное правило – искать Бога и никогда не искать никакого «опыта». Целью должен быть Один Бог.

Но если вычеркнуть мой опыт Бога, то я останусь ни с чем. Бог открывающий Себя есть неотделимая часть меня и моего опыта...

Можно относиться к этому двояко. Можно смотреть на Бога как на обстоятельство для получения опыта. Или можно сказать: мой опыт – это побочный результат моей встречи с Богом... Общая сумма одинакова, отношение же совершенно разное.

Значит, не надо искать мистического опыта?

Ничего не ищите; сделайте усилие, чтобы встать перед Богом такой, какой вы есть, с всецелой устремленностью и с благоговением, на какие вы способны. Не старайтесь натянуть на себя какую-то личину... будьте готовы ко всему, что Он захочет вам дать. И тогда каждая встреча становится обращением, изменением, превращением; она очищает наше сердце, укрепляет нашу волю, увеличивает готовность к послушанию.

А надо ли делать сознательное, напряженное усилие с тем, чтобы угадать намерение Божие, или следует сохранять непринужденность и просто дать Ему проникнуть в вас?

Думаю, что усилие необходимо.

Я отметил в Вашей последней книге, Вы говорите об усилии и называете его очень напряженным. Когда Вы сами кончили молиться, есть ли у Вас чувство, что Вы прошли через напряженное упражнение, как бы выдохлись, чувствуете себя усталым?

Нет, это опыт действительно животворящий, из молитвы выходишь ожившим.

Вы не находите, что напряженное молитвенное усилие (которое Вы проповедуете) духовно утомительно?

Нет.

Существенно ли, чтобы занятые люди отводили для молитвы строго определенное время?

Да; чем более вы занятой человек, тем существеннее выделять для молитвы определенное время.

Играет ли фактор времени какую-то роль в молитвенной жизни, Ваше Преосвященство? Есть ли разница, короткое это время или продолжительное?

Невозможно вырваться из суеты и установить себя в присутствии Божиим мгновенно и с легкостью. У разных людей это бывает по-разному. Тот, кто отводит молитве полчаса, имеет какие-то шансы на успех. Пять минут – рискованно; может, конечно, вам и повезет. Идеальное время – час в день.

Могут ли помочь, наряду с определенным временем, и определенные формы молитвы?

Очень мало кто может начать молиться без каких-либо привычных форм; иногда можно брать эти молитвы предложение за предложением, расширяя и разбирая их подробно, углубляя и развивая.

Как тогда в отношении умной молитвы и медитации – являются ли они уделом простых христиан или лучше оставить их святым и «специалистам»?

Суть вопроса в том, должен ли христианин постоянно и упорно размышлять о каких-то вещах. Разумеется, должен. Возьмите Молитву Господню, «Отче наш», или ектеньи, – мы часто должны были бы продумать: что означают это прошение?

Надо посидеть и подумать молитвенно?

Да. Надо также продумать молитву с практической точки зрения действования. Не взваливайте это на Бога: Его дело – дать нам силу действовать. Но наше дело – действовать, и это нужно делать с умом.

Важна ли тишина, молчание?

Тишина, молчание – существенная часть наших молитв. Как и в каждом взаимоотношении, мы тогда близки с человеком, когда можем молчать вместе, когда не нужно непременно что-то говорить: подлинное, теплое, сближающее, радостное молчание.

Состоит ли Ваша собственная молитва главным образом из молчания?

Молчания должно быть как можно больше – лишь бы оно не выливалось в мечтательность или потерю трезвости. Это должно быть активное безмолвие часового, бдительное и трепетное, с чувством Бога и жизни. Мы должны стремиться к внутреннему безмолвию, независимо от того, безмолвны ли мы внешне или нет.

Что Вы скажете о посещении храма? Является ли это существенной частью молитвы или можно быть молитвенным христианином, не посещая никакие места «отправления культа»?

Думаю, что и не ходя в храм, можно быть таким же молитвенным, но не таким же полноценным **христианином**. Быть христианином означает быть членом Тела Христова: существуют узы любви, общность веры, гармония сердец, – все это находит выражение в общественном богослужении.

Каково место таинств? Являются ли они существенной частью молитвенной жизни? И если да, то какие именно?

Для православного таинства совершенно необходимы. Это действия Божии, которыми нам передается семя Божественной жизни. Помимо таинств, нет нормальных путей получить то, что они дают; они – «дверь богопознания». Православная Церковь не определила слишком категорично границы таинств. Каждое чудо – «внеочередное таинство».

Что Вы скажете о традиционной практике, например, поста? Важна ли такая практика для сегодняшней

христианской жизни?

Думаю, что важна на двух уровнях – нравственном и физическом. Мы забываем, что состоим из души и тела. В Библии так ясно показано, что тело – партнер на равных началах с духом. Мы призваны прославлять Бога в наших телах, так же как в наших душах; Бог достигает нас через наши тела, и наши тела имеют равное значение с душами в деле спасения. Аскетизм прилагается к телу и к душе в духовной гармонии.

В Вашей последней книге Вы как будто развиваете мысль христианской наступательности, скорее чем терпеливого выжидания: Царство Божие надо завоевывать, а не ждать его прихода. Божия любовь выглядит беспощадной. В то же время Вы постоянно утверждаете, что все духовное обновление принадлежит будущему, почти в противоречие эсхатологическому «ныне» Евангелия. Может быть, я Вас плохо понял?

Думаю, что ошибочно сидеть и ждать, чтобы Царство Божие наступило, – оно не свалится готовым вам прямо в руки. Но его нельзя и «сфабриковать»: это Божий дар, Божие присутствие.

И Вы продолжаете вместе с тем утверждать, что мы должны терпеливо дожидаться этого будущего дня?

Да, я уверен, что в один прекрасный день Царство Божие раскроется в своей полноте. Но Воплощение и Дар Пятидесятницы сделали это будущее уже присутствующим среди нас и внутри нас. Чтобы завоевать Царство, мы должны победить себя, восторжествовать над самими собой. Стены Иерихонские должны пасть.

Что Вы хотели сказать в своей книге, говоря о молитве «когда Бога нет» и о благодарности за это отсутствие?

Я много писал об этом в книге «Учитесь молиться». Думаю, что каждая встреча с Богом есть суд. И бывают моменты, когда встреча с Богом была бы осуждением для нас – не потому что мы грешники, а потому что мы не каемся, отвергая истинного Бога ради идолов, и не хотим отказаться от них. Бог тогда предстает как Судья, не как Спаситель.

Вы употребили выражение «язычники, вырядившиеся в евангельские одежды». Вам кажется, что это характеристика многих христиан?

Многие из нас до сих пор в большой мере язычники; Евангелие не дошло до нас в достаточной степени.

Вы ведь не станете говорить о себе, что Вы – больше язычник, чем христианин? Или станете?

В намерении я христианин, но я вижу в себе массу недолжного.

В Вашем кабинете немало книг о восточных религиях и о йоге. Помогают ли Вам восточные религии и йога?

Из индийских религий я научился многим ценным вещам, и интересовался йогой, когда был врачом. Я не продолжал изучать их систематически, но стараюсь быть в курсе дела, потому что люди задают вопросы на эту тему.

Сегодня «попкультура» по-видимому удовлетворяет и увлекает взрослую молодежь. Это царство популярного отзывается на все и отвечает всем: оно достигает их потаенных глубин, дает им возможность самоопределения. Попмузыка была названа скалой спасения. В молодежном мире это их царство; нашего царства нет нигде. Их царство «поп» и бизнеса более реально, чем наше. Мы ожидаем того далекого дня; они живут настоящим...

«Попкультура» это опьянение звуком и движением. Христово Царство – внутри, Царство устойчивости и глубоких, ответственных взаимоотношений; оно здесь, хотя часто неузнанное в этом мире. «Поп» требует внимания посредством шума. Мы ошибаемся, когда обещаем, вместо того, чтобы требовать. Множество молодежи ответило бы на вызов, – мы не обращаемся к ним с вызовом, не требуем достаточно. И наше дело – дать им этот вызов не просто в словах, разумеется, но **бескомпромиссной инаковостью, отличностью** нашей мысли и нашей жизни. Мы должны были бы звать всех людей открыть для себя Христа; ученичество – это нечто суровое, требовательное, полное вызова. Мы должны предостерегать людей, чтобы они **не** спешили следовать Христу, пока не готовы заплатить цену. Мы должны были бы охлаждать легко

воспламеняющиеся призвания, а не стремиться вербовать как можно больше людей в христианскую Церковь. Надо со всей резкостью ставить перед людьми **ВЫЗОВ** христианства.

Проповеди о молитве

ИСЦЕЛЕНИЕ РАССЛАБЛЕННОГО

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В одном из своих сочинений преподобный Ефрем Сирин говорит: «Не заключа́й свою молитву в одни слова, пусть каждое твое действие будет Бого-служение...»

Этим он говорит многое. И первое: все, что мы делаем, имеет какое-то духовное значение. Всякий человек на земле в той или иной мере есть священник Бога Живого; он принадлежит двум стихиям – земной и небесной, духовной и вещественной, и призван все, что есть в нашем мироздании, сделать частью ликующего Божиего Царства. Нет ничего на земле и в поднебесье, что не могло бы войти в Царство вечной славы, когда "Бог будет все во всем» (1Кор.15,28), за исключением человеческого греха.

И вот в сегодняшнем Евангелии мы видим, как это осуществляется в четырех людях, принесших своего расслабленного друга к ногам Спасителя: их действие оказалось живой мольбой, без слов свидетельствующей и об их вере в Господа, и о любви их к своему другу.

Такова должна быть и наша молитва предстояния и печалования друг за друга. Недостаточно стать перед Господом и Его просить, чтобы Он сделал для людей то, что в Его имя мы должны бы для них сделать; недостаточно взывать к Богу о помощи там, где Он вправе нам сказать: **ты** иди и сотвори дело милосердия, дело правды, дело любви... Это мы должны помнить непрестанно.

Некоторые недоумевают, почему Господь взглянул с благоволением на этого человека и исцелил его по вере других. Да потому, что вера этих «других» была не просто верой, а делом живой молитвы и живой любви. Этот человек стяжал себе любовь друзей, которые потрудились и взяли на себя риск принести к Спасителю больного друга.

Молитва должна заключать в себе все, вся жизнь наша должна быть предстоянием перед Богом и, во имя Божие, стоянием среди людей и перед людьми. Если мы будем так

жить, тогда не будут упрекать христиан, что они крепки только в слове, а когда доходит до дела – бессильны, безразличны; тогда только можно будет сказать, что молитва – это дело, превращенное в созерцание, а дело есть молитва, ставшая поступком.

Вот над чем нам всем надо задуматься. Вся жизнь должна стать мольбой и делом милосердия, и только тогда наша словесная молитва будет не пустым звуком, а тоже частью дела, свидетельствованием перед Богом о том, что нашего сердца тоже коснулось сострадание, тоже коснулось чужое горе, и что, взывая к Нему, мы говорим: «Господи, если Ты хочешь меня послать и сотворить через меня дело Твоего милосердия – пошли, вот, я раб Твой пред Тобой!.. Аминь».

25 августа 1965

НАЧАЛО ЛИТУРГИИ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Литургия начинается не тогда, когда священник произносит первый возглас; она начинается тогда, когда все верные собираются вместе в храме, составляя Церковь Живого Бога, царственное священство Его Церкви. Потому так грустно, когда люди приходят поздно, лишая себя и других этой радости – радости первой встречи, радости совместного предстояния перед лицом Божиим.

Второе существенное качество начала Литургии – тишина. Мы приносим с собой множество забот и трудностей; но перед тем, как обратиться к Богу, нам надо обрести тишину. Я подчеркиваю, что те, кто приходит в церковь до начала Литургии, должны пребывать в молчании и собранности; они не приходят сюда для светской встречи, они приходят, чтобы объединиться в молитве. Те, кто разговаривает, грешат против Бога и против тех, кого они лишают молитвенной тишины. Только в тишине можно обрести молитву; молитва возникает только тогда, когда плоть замолкает и стоит в страхе и трепете перед Богом. Надо учиться молчанию, покою, чтобы услышать и познать тишину храма, так как она есть тишина Божиего присутствия среди нас.

Нам знакома та тишина, которая, бывает, когда мы одни, находит на нас и чудесным образом нарушает одиночество; тишина, которая объединяет два существа; тишина, которая обретается в глубине человеческой. Если мы не прерываем эту тишину, то слышим слово, беседу, идущую в глубине человека; тогда наши уста начинают говорить в страхе и трепете. Каждое слово тогда бывает целомудренно, трезво и выражает тишину.

Мы все знаем это состояние; но почему же мы не даем ему вселиться в нас, когда мы стоим перед Богом в Его храме? Из-за беспечности и неопытности. Научимся же приходить рано, научимся соблюдать тишину и молиться. Не будем прерывать царственную тишину и будем стоять перед Богом, объединимся в одно друг с другом и с Господом. Тогда, молясь первыми

словами Литургии, мы сможем выразить все богатство, на которое способна душа человеческая, обращенная к Богу. Аминь.

1966

О НЕУМЕНИИ МОЛИТЬСЯ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Мы постоянно жалуемся, что обстоятельства складываются так, что у нас не бывает возможности жить глубокой внутренней жизнью; этим мы оправдываем себя в том, что не умеем молиться, что чувства наши поверхностны, что нет углубленности в нашей душе. Но этим мы свидетельствуем только о том, что не знаем даже в человеческой плоскости, что ничто глубокое не может быть поколеблено внешними случайными обстоятельствами. Когда у кого-нибудь на душе радость, ему кажется, что море по колено; случайные невзгоды, мимолетные обиды, житейские трудности не могут потушить этой радости, пусть даже она мала, словно искра. В древности говорили, что вся тьма мира бессильна потушить одну искорку пылающего огня. Когда на душу ляжет глубокая скорбь, скорбь о чем-то, что для нас действительно имеет значение, тогда опять-таки, внешнее бессильно над нами. Ни развлечения нас не развлекают, ни пустота жизни не делает нас пустыми. Жизнь становится глубокой и в радости, и в горе. А наша внутренняя жизнь в Боге так легко нарушается случайными обстоятельствами только потому, что она на поверхности, она не глубока.

Хочу вам привести в пример случай из языческой древности. Пришел к одному человеку странник, и в течение всей их беседы домочадцы в глубоком молчании сидели вокруг шатра. В какой-то момент хозяин дома сказал своему гостю: «Мне пора молиться», – и стал молиться; и весь дом вдруг ожил, все стали разговаривать между собой. Гость с удивлением сказал: «Что же вы делаете? Он теперь молится, а вы его тревожите...» И один из домочадцев ответил: «Не бойся! Пока он говорил только с тобой, малейший шум мог бы его развлечь; но теперь, когда он говорит со своим Богом, ничто не может оторвать его от этой беседы».

Разве это не пример, которому мы, христиане, могли бы, должны бы последовать? Мы должны так углубить свою

внутреннюю жизнь, чтобы она стала настоящей жизнью. Христос не напрасно сказал: «где сокровище ваше, там и сердце ваше» (Лк.12,34); а где сердце наше, там и все силы наши собраны... Мы не умеем молиться сосредоточенно и глубоко, не умеем хранить в душе тот глубокий покой молитвы, который приобретаю в храме, или который иногда дается нам, как неожиданный подарок от Бога. Мы не умеем уйти от суеты в те глубины, где можно неразвлечено думать о Боге и где созревает жизнь, как действие, достойное Бога. Все это говорит только о том, что сердце наше не глубоко и что сокровище нашей жизни – не Бог. Над этим следует подумать, потому что другого средоточия жизни всего мира нет: кроме Бога, нет центра жизни для человека. Когда человек не Бога ставит в центр всего, что делает, он мечется из стороны в сторону и не находит себе покоя ни в чем и никогда.

Будем же следить за собой день за днем и замечать, когда нам жизнь и настроение свидетельствуют, что сокровище наше – не Бог; и будем каяться в этом, то есть не плакаться только, не только жалеть, а заставлять себя повернуться лицом к Богу и ставить себя на второе место, а Бога – на первое, отстранять от себя то, что мы ставим на место Бога. Когда Бог станет для нас сокровищем, жизнь наша станет глубока; тогда в сердце нашем будет покой, в мыслях – ясность, в воле – твердость; и мы сумеем прославлять Бога и в душах наших и в телах наших. Аминь.

12 сентября 1965

О МОЛИТВЕ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Приходится слышать и читать в современной литературе: молитва так интересна, молитва так полна жизни – почему бы вам не приступить к молитве?.. А мне хотелось бы наоборот сказать: «Будьте осторожны; молитва полна глубины, но глубины страшной, поистине именно страшной глубины, потому что молитва – встреча лицом к лицу с Самим Господом». Моисей, пророки, святые с трепетом подходили к Богу – а они были святые; как же мы можем приступить к Богу без страха и трепета? Ведь всякая встреча с Богом – это нечто подобное последнему суду: безответственно в Божие присутствие прийти нельзя. Встретив Господа, можно отойти от Него только оправданным или осужденным, другом или врагом – среднего пути нет.

Бог нас создал. Он нас создал для того, чтобы мы имели радость бытия, радость Им жить, радость Его знать, радость знать и любить друг друга. Он открыл нам возможность вместе строить Царство любви, мира, вечной радости. Он наш Творец, мы от Него зависим совершенно. И это могло бы быть страшно, если бы Он не был Бог любви, потому что зависеть от кого-либо, если мы не любимы, страшно. Но Он нас любит; Он нас так любит, что стал человеком, страдал, умер для того, чтобы мы могли свободно любить и жить. Как естественно должно бы нам желать встречи с Ним!.. И однако, это не всегда так. Иногда нам этой встречи хочется, но иногда мы ее откладываем, боимся ее. Почему? Потому что мы Бога не знаем лично, не знаем как друга, не знаем близко, как родного. В этом наша вина. Мы могли бы Его знать, если бы только подходили к Нему в молитве и стояли лицом к лицу с Ним, давая Ему возможность нас встретить; и тогда желание молиться росло и росло бы в нас, как желание радости, как нарастание жизни. А молитва бывает иногда трудная. И не только потому, что мы не знаем Бога; а потому что нам стыдно. Стыдно не столько своих грехов, сколько своей молитвы; нам кажется, что молитвенные

слова неправдивы; мы говорим Богу одно, а жизнь наша говорит о другом; мысли наши не соответствуют нашим словам. В сердце очень много такого, что нельзя уложить в слова молитвенные. Как это выправить?

Часто мы это «выправляем» самым простым образом, самым бессмысленным, безнадежным образом: мы перестаем молиться; мы укрываемся от Бога, мы создаем себе мир, в котором наша неправда укладывается. Но тогда мы теряем и молитву, и Бога, и смысл, и жизнь. Настоящий путь, выводящий нас из этого тупика – трудный путь. Надо переменить жизнь; надо переменить содержание своего сердца; надо стать достойными тех молитвенных слов, которые мы произносим. И тогда мы сможем говорить правдиво, и тогда молитва будет радостью живой встречи.

Как же нам научиться молитве? Раньше всего, нам надо помнить, что не только в те моменты надо молиться, когда молитва бьет ключом из наших сердец. Так молился один мальчик, который мне раз сказал: «Имею ли я право, когда я так счастлив, что Бог меня любит, прыгать, танцевать и кричать: я Тебя люблю, я Тебя люблю, я **так** Тебя люблю!» Да, он был прав, и как было бы замечательно, если бы и взрослые могли так же непосредственно и живо молиться...

Но есть моменты, когда молитва нам не дается так легко. Тогда надо молиться из глубины своих убеждений; потому что не всегда мы можем чувствовать живо, но мы от этого не меняемся. Иногда усталость одолевает нас, иногда мы ничего не чувствуем, кроме боли в теле и усталости душевной. Но мы можем Господу сказать, глубже этой усталости, за пределом этого бесчувствия: «Я знаю Тебя, я люблю Тебя! О Боже, Отче, Ты – моя надежда. О Господи Иисусе, Ты – моя защита. Душе Святой, Ты – моя помощь. Троице Святая, Боже мой, благословен еси во веки!» Аминь.

НЕДЕЛЯ О САМАРЯНКЕ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В сегодняшнем евангельском чтении есть слова, которые могут обрадовать всякого человека, если он найдет в себе правдивость и силы посмотреть на себя и на свою жизнь без лжи. Христос, обращаясь к самарянке, ей говорит: «Как хорошо ты сказала, что у тебя нет мужа – поистине ты правду сказала!..» (Ин.4,17) Разумеется, Господь ее хвалил не за прошлую жизнь, но за то, что она была способна правдиво и истинно на эту жизнь посмотреть и правдиво о ней сказать: Как хорошо, что ты так сказала, ты правду рекла...

Дальше разговор вдруг меняется: в то мгновение, когда она видит, что этот Человек может говорить не о земном, а о чем-то более глубоком, более основном, она уже не спрашивает Его о воде, о колодце, она Ему говорит: «Наши отцы поклонялись на этой горе, а вы говорите, что... в Иерусалиме нужно поклоняться Богу; где же правда?..» (Ин.4,20) Все забыто: и черпало забыто, и жажда, и далекий путь из Самарии, – остался один основной вопрос: где поклоняться Богу, как поклоняться так, чтобы Господь это поклонение принял? И потому что эта женщина имела правду в своем сердце и была способна без лжи на себя взглянуть, без лжи сказать о себе истину, Христос ей открыл, что Богу надо поклоняться «в духе и истине» (Ин.4,23).

Бог может спасти каждого из нас, но Он ничего не может сделать, если мы лжем перед собой и лжем перед Ним. Он может спасти того грешника, которым мы являемся, Он не может спасти того иллюзорного праведника, которого мы стараемся представить собой и которым мы не являемся. Если мы хотим поклониться Богу, то мы должны поклониться Ему в истине, в правде, в честности и в доброй совести, – тогда Бог делается нам доступен.

И еще: поклоняются Богу не тут или там, поклоняются Богу в духе своем и в сердце своем, всей правдой, всей истиной, всем пламенем своей жизни. Поклонение Богу не заключается в

том, чтобы в одном или ином месте приносить Ему молитвы, которые с кровью вырвались когда-то из чужих сердец; поклоняться Богу значит стоять во всей правде и неправде своей перед Богом, но истинно перед Ним стоять, видеть в Нем своего Господа и Бога и поклоняться перед Ним, видеть в Нем то, что Он представляет: святое, дивное, прекрасное. Если мы так поклоняемся Богу, то это поклонение должно пойти далеко за пределы хвалебных песней церковных или даже покаянных наших слов; поклонение Богу должно стать всем в нашей жизни. Каждый раз, как мы творим правду и правду говорим, каждый раз, когда мы творим добро и проявляем любовь, каждый раз, когда мы достойны своего имени человека и имени Божия, мы поклоняемся Богу духом и истиной.

Вот станем этому учиться; но начать мы можем только с того, чтобы перед собой, перед Богом, перед людьми встать в правде нашей, какие мы есть, и поклониться всей жизнью нашей, и словом и делом. Аминь.

19 мая 1968

«ВЫЙДИ ОТ МЕНЯ, Я ЧЕЛОВЕК ГРЕШНЫЙ...»

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Слыша сегодняшний евангельский рассказ об улове рыб и об ужасе апостола Петра, когда он вдруг узнал и пережил, Кто находится рядом с ним в его утлой лодке, мы испытываем или, вернее, должны испытывать страх за ту легкость, с которой мы приближаемся к Богу, ожидая от Него встречи лицом к лицу.

К Богу мы должны приближаться и идти к Нему всегда, но идти с духом сокрушенным, сердцем смиренным, идти, сознавая, что никакого права не имеем на эту встречу и что если она случится, то только по безграничной, непостижимой Божией милости.

Но обычно мы не так идем к Богу. Мы становимся на молитву – и тут же ожидаем глубоких религиозных переживаний; мы приходим в храм – и как бы требуем от Бога, чтобы Он нам дал молитвенное настроение. Мы живем, изо дня в день забывая Его присутствие, но в те моменты, когда вдруг об этом присутствии вспоминаем, мы как бы требуем от Бога, чтобы Он сразу же отозвался на нашу мольбу, на наш крик, на наше желание.

Часто Бог не приближается к нам потому, что если мы в таком духе к Нему обращаемся, то встреча с Ним была бы для нас судом, перед которым мы не могли бы устоять. Он встал бы перед нами и сказал: «Ты звал Меня – с чем ты передо Мною стоишь?..» И мы остались бы безмолвны, трепетны и осуждены. Поэтому, когда мы молим Бога, чтобы Он скорее ощутимо отозвался на наш вопль или просто на наше желание встречи, мы делаем ошибку: мы должны искать Бога, но ждать трепетно того момента, когда Он захочет явиться нам.

Но и тогда, как бы мы были богаты духом, если были бы способны пережить эту встречу, как пережил ее Петр, который осознал, Кто с ним, пал к Его ногам и сказал: «Выйди от меня, Господи... я человек грешный!» (Лк.5,8) Мы часто молимся, воображая, что уже находимся в Царстве Божием, что уже принадлежим Божией семье, что мы уже среди тех, которые

могут ликовать в Его присутствии. Как часто должны бы мы отдавать себе отчет, что всей своей жизнью вышли из этого Царства, что в нашей жизни Бог не Царь, Он не Господь, не Хозяин, Он даже не друг, который в любую минуту может постучаться и ради которого мы способны все забыть. Если бы мы так стояли вне и стучали в дверь, если бы сознавали, как мы еще чужды всего того, что обозначает Царство Божие, тогда мы не порывались бы, как мы часто делаем, иметь какие-то ощутимые религиозные переживания или непосредственное Божие откровение Его присутствия и приобщения Ему. Мы стояли бы кротко, тихо, смиренно зная, что нам по праву нет места там, где Он находится, но зная также, что Его любовь простирается до пределов земли, до пределов бездны.

Будем вспоминать почаще эти дивные слова петровы: «Выйди от меня, Господи... я человек грешный!» (Лк.5,8) – и когда будем приступать к молитве, будем в этом духе приступать, кротко стоя у двери, стуча трепетной рукой – не откроет ли Господь?.. Но если не откроет, пусть будет для нас достаточной радостью то, что мы Его знаем, любим, что мы к Нему стремимся. И покажем Ему правду нашей любви, истинность нашей веры, честность, добротность наших стремлений такой жизнью, которая сделала бы для нас возможным встретиться с Господом лицом к лицу и услышать от Него радостный глас, а не скорбный, Аминь.

6 октября 1968

ДЕСЯТЬ ПРОКАЖЕННЫХ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Я хочу обратить ваше внимание на три черты сегодняшнего евангельского чтения. Первая -это то, как прокаженные подошли ко Христу; они стали, как говорит Евангелие, *вдали*; они знали о себе, что они оскверненные, знали, что прикосновение к ним опасно, и даже ради того, чтобы получить исцеление, не дерзнули других подвергнуть опасности осквернения и заразы.

В области молитвы мы очень редко настолько трезво сознаем свое духовное состояние, что согласны остановиться в каком-то отдалении от Господа. Мы знаем, что в Царство Небесное ничто нечистое не войдет, и однако, как только в нас рождается нужда, тоска, сознание нашей неизбывной нужды в Боге, мы сразу дерзаем подойти и думаем, что имеем право на вход, право подойти к Богу, право быть пропущенными всеми другими, потому что нам что-то нужно. А на самом деле это показывает, насколько мало мы сознаем, как страшно подойти к совершенной чистоте, будучи самому в нечистоте... Как страшно и трепетно должны бы мы приближаться! Как часто, когда Господь делает шаг к нам, мы должны бы, подобно Петру, Ему сказать: «Не подходи, Господи... я человек грешный...» (Лк.5,8). Подумаем об этом.

Второе: прокаженные потому могли подойти ко Христу, что верили не только в Его мощь, в Его власть, но и в Его любовь. Они верили, что Он захочет им помочь и что только Он может это сделать. И это вопрос, который перед каждым из нас стоит, когда мы становимся на молитву: верим ли мы на самом деле, всерьез, что Бог нам хочет добра? Верим ли мы в любовь Божию или подходим к Нему, зная, что Он все может, но думая: а может быть, Он не захочет?.. И в этом сказывается наше глубинное к Нему недоверие, потому что во все внешнее мы верим, а в любовь не верим – ни в человеческую, ни в Божию. И поэтому то, что кажется нам верой, когда мы к Богу бросаемся, расталкивая иногда других, в надежде: вот, я к Нему

прикоснусь, вот, я у Него вытребую ... – такая вера разбивается о более глубинное недоверие, которое не дает нам ни встать поодаль, ни быть уверенным в том, что любви у Бога и на нас хватит...

И последнее – благодарность. Десять прокаженных были очищены; только один вернулся ко Христу, благодаря Бога. Девять других, очистившись, вмешались в человеческую толпу, а ко Христу не вернулись. Вернулся только один, притом самарянин, то есть человек чужой, внешний даже с религиозной точки зрения, ибо между ним и Богом, между ним и Христом не было ничего общего. Он знал, что по своему положению прокаженного, по своему отчуждению от веры, которую исповедует Сам Христос, он ни на что не имеет права, и поэтому, получив исцеление, вернулся к Нему: потому что никакие права, никакой общественный строй не соединял его с Господом. И Христос подчеркивает, что он поступил правильно.

Действительно, мы часто думаем, что плод молитвы в том, чтобы получить просимое. Это не так: просимое, то, что мы получаем, нам нужно только в момент получения, но через час мы уже исчерпали свою нужду, и нам нужно уже что-то иное. На основании, которое было положено Божией милостью, мы можем начать строить другое. Получение просимого – это мгновение; а единственное, что пребывает, что составляет между нами и Богом, Который к нам милостив, или людьми, которые к нам добры, единственное, что составляет нечто окончательное, окончательно пребывающую связь – это благодарность. Когда получение добра, милости, любви воплотилось в нас благодарностью, то между нами и тем, кто дал, навсегда остается связь; мы уже от него неотделимы. И это самый богатый плод молитвы: чтобы между тем, кто дал, и тем, кто получил, на веки веков осталась связь любви, благодарности и взаимной радости.

Вот, поучимся в этом коротком евангельском чтении всему, что оно может дать, ибо то, что оно нам может дать – насущно для нашей внутренней жизни. Аминь.

15 декабря 1968

МОЛИТВЕННОЕ МОЛЧАНИЕ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Мы начали богослужение с короткого молчания, и это молчание было глубоко. Это не был просто момент, не нарушаемый ни голосом, ни движением; это был момент глубокого, осмысленного безмолвия. Каждый стоял перед Богом и с памятью о тех людях, которые когда-то жили на земле, а теперь стоят перед престолом Бога, у Которого нет мертвых и живых, для Которого все живы. Как легко молчать, как глубоко бывает молчание, когда все сердце может уйти в одну мысль, когда то, что у нас в сердце и на уме, может свободно занять все наше сознание и широко разлиться за пределами нашего времени, в прошлое и в бесконечное будущее.

Так надо вообще научиться молиться: всегда начиная с молчания и в этом молчании встречая все то глубокое, значительное, что есть у нас в душе, все наше прошлое, всех людей, которые когда-либо коснулись струн нашего сердца и родили в нем жизнь... В таком углубленном молчании можем мы найти себя самих, – но не поверхностное «я», которое постоянно рябит, дробится, разбивается, которое никогда не может себя найти в цельности. И наконец, в нем мы можем найти Бога Живого, родного нам Бога, – Христа, слово Которого мы слышали и слышим, образ Которого для нас так часто бывает ясен и глубок; и в Нем, через Него найти всю полноту, глубину, тайну и живое, настойчивое присутствие Живого Бога. Из этого молчания и вырваться не хочется; так бы хотелось в нем пребыть и уйти все глубже и глубже, в те недра души, которые, словно град Китеж, уже принадлежат вечности, уже являются Царством Божиим, пришедшим в силу. И как грустно бывает вырваться из него...

Но нужно ли вырваться? Нет, не нужно! Если бы наше сердце всегда было глубоко, если бы сознание глубины и простора жизни, память о людях, о Боге были достаточно глубоки, то всегда и во всякое время мы могли бы пребывать в этом глубоком молчании души, даже тогда, когда говорим, когда

действуем, когда слушаем, когда заняты бесконечным количеством дел, составляющих жизнь. Так на самом деле бывает в те дни, когда блеснула нам заря такой большой радости, что она сияет и озаряет все вокруг, все пронизывает светом и отнимает у всего тень и мрак. Так бывает, когда души коснется такое истинное и глубокое горе, что она делается уже непроницаемой для того, что извне могло бы войти в нас, раздробить, измельчить...

Почему же мы не можем чаще войти в такое молчание, когда становимся перед Богом Живым? Потому что редко-редко, становясь перед Богом, мы готовы оторваться от того поверхностного, что не дает молчать душе, не дает осесть мыслям, не дает сердцу стать прозрачным, глубоким и тихим. Приходя в храм, становитесь всегда, как сегодня мы встали, перед лицом всего прошлого вашей жизни, всех людей, всех глубин, всех трагедий, всех озаряющих радостей, которые дало вам небо и которым место была земля. Станьте перед этим, перед всем сонмом людей и событий – и вы легко войдете в тишину Господню и в углубленное молчание, в пределах которого и молиться можно, и стоять перед Богом легко, и легко объять любовью и живых и усопших. Это и есть Царство Божие. Аминь!

1969

ИСЦЕЛЕНИЕ СЛУГИ СОТНИКА

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Как мы тоскуем порой о том, чтобы к нам, под наш кров пришел Христос, чтобы Его присутствие было ощутимо, чтобы Он был близок к нам! Это бывает, когда нас удручает телесная болезнь; бывает – когда горе нас удручает, когда охватит отчаяние, когда жизнь пуста, когда не видать будущего; бывает это в минуты более светлые, когда душа тоскует о том, чтобы в нее влилось вечное, чтобы ей раскрыться, прорваться сквозь все ограничения земли. И мы тогда бываем в горе и тоске: «Господи, приди! Господи, неужели Ты не услышишь моего зова? Неужели Ты останешься далеким? Господи, **приди** же!..»

С какой тоской, но в другом расположении, Дух и Невеста (согласно Священному Писанию) зовут, взывают к Господу о том, чтобы пришел конец времени, чтобы прошло время и настала вечность: «Приди, Господи Иисусе, и приди скоро!» (см. Откр. 22,17–20). Но мы-то просим только, чтобы Господь пришел и разомкнул нашу тоску, исцелил нашу болезнь; Невеста же и Дух ждут, чтобы все прошло: земля, и небо, и время, и остался только Господь в Своей славе перед нами, среди нас и – Духом Своим Святым – в нас самих.

Это время придет; но можем ли мы честно, по совести сказать, что и мы вливаемся в эту великую и страшную молитву Церкви-Невесты и Духа Святого о том, чтобы прошло все, прошло время, не стало земли, не стало ничего из того, что мы знаем, и настало бы вечное Царство Божие? Едва ли; не хватает в нас веры, не хватает простого, ласкового доверия к Богу, что когда это будет – **все** будет... Мы продолжаем взывать на земле: «Господи! Приди к нам!..» Мы боимся, как бы Господь не сказал: «Я разорву пелены времени и пространства, разорву все, что держит воедино землю и небо, и настанет Царство, и войдете вы в него...» Мы говорим: «Господи, нам боязно неизвестное, но Ты вступи в ту область, которая нам так известна, в область, которая нам родная, своя, войди в нашу скорбь, войди в наше горе, войди в нашу временную жизнь, и

только исцели; сделай, чтобы она была не такой мучительной, не такой горькой, не такой страшной! Исцели мое тело, сделай цельной мою душу, выправь мою жизнь...»

И Христос то приходит ощутимым образом, а то мы ждем и думаем: неужели не придет Господь?.. И из глубины времени нам говорит сотник, язычник: «Господи, Тебе ли прийти в мой дом? Нет, Господи! Не надо! Я недостойн этого! Но скажи только одно слово – и все будет хорошо!..» (см. [Лк.7](#))

А это слово у нас есть; это слово звучит, поет, гремит на каждой службе, когда мы читаем Евангелие; это слово мы можем читать у себя дома: слово Христа, слово исцеляющее, преображающее, слово силы и света, слово жизни и духа, такое слово, которое никто на земле произнести не может, потому что Божие слово проникает до самых глубин человека и все преображает. У нас **есть** это слово...

Когда сгустилась тьма, когда охватил страх, когда гнетет болезнь, когда душа охвачена тоской, когда надежда колеблется, обернемся к Господу и скажем: «Господи! Я недостойн, чтобы ощутимо, чудесно Ты сейчас мне явился! Но у меня есть Твое слово, живое и животворящее, дивное, преображающее слово!..» – и обратимся к этому евангельскому слову, возьмем в руки святую и Божественную книгу, и прочтем, что говорит Господь, и представим себе, что сейчас Он нам эти слова говорит. И тогда преобразится все вокруг нас; душа вострепещет, Жизнь войдет в нашу жизнь, Христос Своим державным и живоносным словом будет под нашим кровом, под кровом нашей души, среди нас, в нашей семье, в нашем горе или в нашей радости... Научимся этой вере и этому смирению сотника, язычника: «Я недостойн, Господи, чтобы Ты вошел под мой кров, но скажи одно слово – и все будет хорошо!» Аминь.

16 июля 1978

НЕПРЕСТАННАЯ МОЛИТВА

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Не напрасно Бог открывает нам святость и величие некоторых подвижников духа. Множество других, вероятно, неизвестных нам, покоятся в славе Божией; но о некоторых нам открыто для того, чтобы мы чему-то научились от них. Сегодня Церковь вспоминает святого, чье имя, возможно, мало кто из нас знает: преподобного Иоанникия Великого. И я хочу остановиться на одной из сторон его жизни, которая была для него решающей и от которой, я думаю, мы можем научиться.

Он жил в VIII веке, родился в Вифинии и был воином. А потом, оставив службу, вернулся в родную деревню. Это был человек простой, неграмотный, не имевший никакого, по нашим понятиям, образования. Он ходил в церковь, слушал чтение, воспринимал, что мог; до того дня, когда он услышал одно слово из послания апостола Павла; это слово ударило его в душу и открыло для него совершенный смысл жизни. Это слово было: «Непрестанно молитесь» (1Сол.5,17).

Он вышел из храма и никогда больше не вернулся в свою хижину, но ушел на гору, которая была неподалеку, и решил, что слово, услышанное им не слухом только, а всем существом – Божий призыв, и что если Бог зовет, то Он даст и силы, и разум, и помощь. Он знал только одну молитву: «Отче наш». И он начал произносить эту молитву, медленно, внимательно, доводя до глубины сердца каждое прошение этой молитвы, каждое ее слово, делаясь единым, насколько умел, со своей молитвой. И пока длился день, дела шли хорошо; к суровой жизни он привык смолоду; он собирал ягоды, ел, что можно было, молился. А затем наступила ночь, полная мрака, страхов, непривычных звуков в зарослях вокруг него...

Годы спустя он встретил другого подвижника. К тому времени он вырос в полную свою меру, стал человеком молитвы; он был весь – молитва, словно огненный светоч перед лицом Божиим. И подвижник спросил его: «Скажи, отче, кто научил тебя так молиться?» Иоанникий посмотрел на него и

сказал: «Я дам тебе ответ, потому что думаю, ты поймешь: непрестанной молитве меня научили бесы». И дальше он рассказал, что после первого дня, когда настала ночь и на него напал страх, он почувствовал себя бесконечно беспомощным и беззащитным. Он сидел, окруженный неведомой опасностью, полный страха, и даже не мог читать Молитву Господню; он только мог сказать: *«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня!»* И так он от страха взывал всю ночь. Когда наступил день и он стал бродить, он знал, что повсюду вокруг таится опасность. Собирая ягоды, он знал, что в этих самых кустах прячутся звери, которых он слышал ночью. И так он продолжал, пробираясь в кустах, пробираясь в лесу, осматривался, стараясь найти защиту и помощь в этом крике: *«Господи, Иисусе Христе! Сыне Божий! Помилуй меня!»* И снова наступила ночь, и он кричал все настойчивее; и так он кричал изо дня в день и из ночи в ночь.

Очень скоро он обнаружил, что может справиться со страхом окружающей его физической опасности; но тогда возникли другие опасности. Он стал видеть зло, которое таилось в его собственном сердце, разделенность ума, колебание воли, требования плоти – все, что рождается изнутри. И когда он начал бороться с этим, он обнаружил, что темные, злые силы используют всякую слабость, всякий недостаток в нем, чтобы разрушить его изнутри. И Иоанникий продолжал взывать к Богу теми же словами, пока однажды наконец не наступил мир. Вот почему он сказал, что бесы, зло, которое существовало в нем самом, научили его молиться непрестанно: не усилием воли, а по неизбывной нужде он кричал всем своим существом о защите, а потом и о спасении.

Мы можем спросить себя: почему у нас нет такого побуждения? Отчасти потому, что мы не окружены опасностью; вокруг нет ничего, что заставляло бы нас кричать о защите от таких вещей, с которыми нам не справиться; мы не чувствуем себя беспомощными, мы чувствуем себя крепкими, чувствуем себя в безопасности, чувствуем себя защищенными.

Но есть и другая причина: мы очень нечутки к опасности, которая таится в нас самих, мы очень нечутки к недостаткам и

разрушительному злу внутри себя. Мне вспоминаются слова одного духовного писателя об этой борьбе со страстями, со злом. Однажды он был спрошен учеником: «Почему я этого не вижу? Я не чувствую, чтобы зло ополчалось на меня, чтобы меня преследовали искушения; в чем разница между святыми и нами?» И духовник ответил: «Злу нет нужды преследовать тебя; ты сам гонишься за всем, что возбуждает, пробуждает страсти в тебе: зачем злу ополчаться на тебя, когда ты только и ищешь случая послужить ему?»

Задумаемся немного об этом: и о святом Иоаннии и об этих словах. Почему мы так спокойны? Материально это легко понять, но духовно? Потому ли, что мы никогда не противимся врагу, никогда не вступаем в смертный бой против любого зла, живущего внутри нас? Оттого ли, что мы воображаем, будто зло – это только боль, страдание и горе вокруг нас, от которых мы защищены?

Подумаем об этом, потому что наше христианское призвание – быть воинами, поражать зло внутри наших сердец и водворить Христа Царем нашей жизни. Царство Божие начинается внутри нас. Пока мы в плену у любых побуждений, влекущих нас во все стороны, зачем злу открывать собственное лицо, обнаруживать свое присутствие? Только если мы возьмем на себя *подвиг добрый* с тем, чтобы все свое существо подчинить святости, чтобы тело наше, наша душа, наш ум, все в нас было как бы продолжением присутствия Христова, местом вселения Святого Духа, чтобы нам стать участниками Божиего делания и Божией жизни, – тогда только начнется для нас эта борьба. Но в этой борьбе мы должны помнить слова Христа: «Не бойся! Я победил мир» (Ин.16,33) Мы можем победить, потому что Крест свидетельствует не только о человеческой ненависти к Богу, он также свидетельствует о Божией победе через любовь, которая может превозмочь страдание, отвержение и самую смерть. Аминь.

17 ноября 1985

В НЕДЕЛЮ О САМАРЯНКЕ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В сегодняшнем Евангелии Христос призывает нас поклоняться Отцу «духом и истиной» (Ин.4,23); что же значат эти слова? «Бог есть Дух» (Ин.4,24), – говорит Господь, – и таковых хочет и поклонников Себе... Не внешним благочестием, а самыми глубинами души должны мы поклоняться Богу; не устами, а самой глубиной нашего существа должны мы познать, что Бог есть предельная святость, самое драгоценное в нашей жизни. И мы должны хранить себя достойными, чтобы Он к нам пришел; трудом, верностью, любовью сделать себя достойными приступить к Нему, преклониться перед Ним, поклониться Ему, и не внешне, а именно глубинами своими.

И еще – истиной должны мы служить и поклоняться Богу, не видимостью, а самым существом вещей. Мы исповедуем, что верим в Бога, Который есть любовь; если мы живем иначе, чем той любовью, которой нас любит Господь, то как бы мы ни исповедовали правоту нашей веры, мы лжем жизнью и этим свидетельствуем, что наши слова – пустой звук, а не жизнь, не дух, не истина. Если мы исповедуем, что Господь так возлюбил нас, что жизнь Свою отдал за нас и нам дал пример, по слову Самого Спасителя, чтобы мы Ему последовали, то любить иначе, чем всей жизнью и, если нужно, всей смертью – ниже нашего христианского достоинства. Если мы исповедуем, что верим в Христово слово, что оно для нас – истина, и жизнь, и смысл жизни, то каждый раз, как мы нарушаем Христовы заповеди, попираем их, забываем, что Он когда-то призвал нас к чистоте, и правде, и святости, мы перестаем жить истиной и не можем больше Ему поклоняться истиной.

Эти слова Христовы предельно просты, но, как говорит апостол Павел, они – словно меч обоюдоострый вознаются в нас, разделяя в нас тьму от света, разделяя в нас все, что достойно Бога, от всего, что недостойно ни Бога, ни нас самих. Если мы хотим быть Христовыми, то должны научиться именно так Ему поклоняться – не словом, а всей жизнью, не

внешностью, а глубинами, не только исповеданием, а осуществлением на деле того, что мы исповедуем. Аминь.

4 мая 1980

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

О молитве чаще всего ставят самый общий вопрос: «Как молиться?» Молиться надо вглубь; молиться надо трезво, не ища эмоций, не ища переживаний, не ища какого бы то ни было мистического опыта. Надо встать перед Богом во всей своей правде и неправде – какой ты есть, и открыть Богу свою душу искренне, трезво, честно, чтобы Он не от сатаны знал о тебе, а от тебя самого, не от Своего премудрого ведения знал о тебе, а от твоего к Нему доверия и от твоей верности Ему. Это первое. Феофан Затворник говорит: «Доброе начало – половина дела», – и советует отдать немного времени тому, чтобы войти в молитвенное настроение, не спешить перейти от обычных дел к молитве, а стать, или посидеть, помолчать, подумать: с чем я сейчас к Богу пришел? Хочу ли я действительно с Ним встречи или встаю на молитву только по обычаю, по традиции, по чему-либо еще? Тянет ли меня что-либо к себе, притягивает ли меня к себе что-либо больше, чем встреча с Богом в данную минуту?.. И скажи это честно Богу, и покайся, если нужно, и пожалея, – или обрадуйся. А потом молись, доводя каждое слово молитвы до собственного сознания и до собственного сердца. Если слова до тебя не дойдут, ты не учуешь Божиего присутствия через молитву. Мой духовный отец мне советовал так читать утренние или вечерние молитвы: стал, помолчал, предстал перед Богом, перекрестился: «*Во имя Отца и Сына и Святого Духа*», – не в свое имя и не ради себя самого, а во имя Божие и ради Него. Потом прочти первую фразу молитвы, помолчи мгновение, соверши земной поклон и повтори ее, помолчи мгновение и повтори ее еще раз; тогда переходи на следующую фразу. Это значит, что утренние или вечерние молитвы (с поклонами) занимают приблизительно два часа с половиной, – но они доходят. Они доходят, потому что ты услышишь те же слова три раза и заставишь свое тело поклониться и восстать. Конечно, дойдут, сколько возможно, в пределах твоей глубины. Молись так, чтобы сердце на них отвечало, а если не отвечает, остановись, скажи: «Господи,

прости! Я сказал святые слова, а до меня они не дошли...» – и подумай, почему. Если тебе покажется, что знаешь причину, скажи: «Господи, я не могу произнести *оставь долги мои, как я оставляю*, потому что у меня в душе горечь, злоба, ненависть, непощение. Прости!.. Хочу простить – не могу; помоги моей немощи!..»

Дальше молись так: какова бы ни была воля Божия о мне, пусть это будет... Тебе не нужно знать, какова она, и главное, тебе незачем просить о том или другом конкретно, что может случиться. Можно сказать: «Господи, всей душой я этого желаю, но пусть будет, как Ты Сам знаешь; оно будет лучше...» Если так совершать утренние, вечерние молитвы или, если вы будете монахами и келейно придется совершать вечерню, утреню, полунощницу, повечерие, какие бы то ни было службы – не «совершайте» службу, а молитесь. Я хочу сказать: не старайтесь пробраться с одного конца молитвенника к другому. Феофан Затворник говорил: «Определи свою молитву временем, которое у тебя есть, а не количеством страниц, которое содержит правило...» У тебя полчаса – пусть будет полчаса; начни читать, но читай так, как я сказал раньше. И если в результате (потому что ты сегодня читаешь медленно из-за того, что тебя какое-то изречение из псалма остановило и ты не можешь от него отойти, оно тебя держит своей силой) в течение этого получаса ты сказал первые три строчки псалма, но сказал так – считай, что ты совершил вечерню, не беспокойся о прочем; другой раз все прочтешь. И вот так молитесь вглубь, серьезно, как Феофан говорит: со всем доступным тебе вниманием, со всем благоговением и с готовностью, чтобы совершилась воля Божия, – и научишься молиться.

Кроме того, мне всегда кажется, что мы делаем ошибку, считая, будто инициатива в молитве – наша; я стал на молитву, я с Богом говорю. И притом я должен иметь какие-то чувства, и Бог непременно должен каким-то образом ответить.

Иногда бывает у нас живое чувство, что Бог тут; это может случиться в храме, это может случиться дома, это может случиться среди природы. Тогда на это чувство можно

отозваться, на это присутствие Божие отозваться словом, или поклоном, или еще чем-то. А иногда бывает, что никакого чувства нет, кроме того, что кажется, что если я буду сейчас говорить, я буду кричать в пустые небеса. Но тогда можно вспомнить, что еще до того, как я родился, Бог через тысячелетия обращался ко мне со Своим Божественным словом, и взять, открыть Евангелие. В этом Евангелии Господь говорит не «вообще», а каждому из нас; можно прочесть несколько строк и посмотреть: что мне ответить Богу, Который мне вот теперь это сказал?.. Если сердце дрогнет и отзовется – тогда сказать легко; если только умом уловишь смысл того, что Он говорит, можно сказать: «Да, Господи, я Твои слова понимаю; до сердца моего они еще не дошли, но спасибо, что Ты мне это сказал...» И подумать: «Вот, Он мне говорит то-то, – как я могу на это отозваться?..» И сказать Ему: «Вот что я могу на это ответить...»

Если вообще никакого отзвука в душе нет или в уме, тогда можно сказать: «Господи, какой ужас! Ты говоришь, а я стою и всем нутром каменный». А уж если бы непременно надо было Тебе ответить, я бы сказал: «И не говори, – я Тебя не слушаю, я Тебя не понимаю, не теряй времени, не трать много времени напрасно». Мы редко находим в себе мужество, честность так отозваться. Но я помню, раз у меня был случай в нашем храме, когда после чтения Евангелия у меня было чувство, что – да, Господь говорил, и до меня ничего не дошло: ни сердце не согрелось и не дрогнуло, ни умом я не ухватил то, что Он говорил, а просто отозвался совершенным окаменением, даже не безразличием, потому что безразличие само по себе уже какое-то чувство, какое-то отношение. А проповедь-то надо было говорить; и я вышел и сказал: «Вот что случилось. Христос говорил, а я только и мог Ему ответить, что Он напрасно это делает, что у меня ни чувства, ни мысли, – ничего нет для Него; какой это ужас! Подумайте о себе...» Я не сказал ничего больше, ну, может быть, немножко подробнее. И я думаю, что если это случается с нами, когда мы на молитву становимся, мы можем честно Богу так и сказать.

Какой выход из этого? Быть честным по отношению к Богу – это уже выход и достижение, потому что это значит, что между нами и Богом только правда, никакой лжи, ни обмана, ни красования, а просто голая, печальная правда.

Что можно делать дальше, поскольку это нас не очень-то удовлетворяет? Если это вечерняя молитва, можно перекреститься, лечь в постель и сказать: «Господи, молитвами тех, кто меня любит, спаси меня!» и потом начать думать – кто же есть на свете, кто меня достаточно любит, чтобы мне и молиться не нужно было, чтобы я мог, как труп, лежать; и все равно я, как покойник в церкви, окружен любовью, молитвами, людьми, которые стоят перед Богом и из глубины души говорят: «Спаси же ее, спаси же его, Господи!..» И если так полежать немного, вспомнится имя, поднимется в памяти лицо, и каждый раз, как кто-нибудь так вспомнится, остановись вниманием и скажи: «Спасибо тебе за твою любовь!..» А Богу скажи: «Господи! благослови этого человека за его любовь...» И так можно вспомнить двух, трех, пятерых – сколько ни случится, пока не уснешь. И это честное, здоровое отношение к Богу в периоды безмолвенности.

Дальше: бывает, что утром проснешься тоже без особенных чувств или мыслей. Тогда приди в сознание того, что ты всю ночь был в полной беззащитности, не осознавал ни себя, ни окружения; был, словно Лазарь во гробе; и пришло утро, и ты, как из смерти, вошел в новый день, которого никогда от сотворения мира не было. И этот день лежит перед тобой, как снежная равнина; ты будешь прокладывать через эту равнину путь; следы твоих ног будут ложиться на эту равнину, – как бы ее не осквернить! Как бы не проложить такой путь, который в погибель!.. И можно сказать (я, конечно, не имею в виду, чтобы такими же словами каждое утро): «Господи, благослови этот день, который Ты создал! И благослови меня войти в этот день и пройти через этот день согласно Твоей воле!..»

Еще одно: бывает, что мы читаем молитвы и ожидаем, что каждая молитва будет рождать в нас живые чувства. Но задумаемся: почти над каждой молитвой надписано чье-нибудь имя: Иоанн Златоуст, Василий Великий, Симеон Метафраст,

Макарий Великий, Симеон Новый Богослов и т.д. Неужели мы можем вообразить, что я, такой, каков я есть, могу до конца воплотить в себе опыт о Боге, о данном святом, о жизни, о внутреннем мире целого ряда святых! Воплотить опыт даже одного из них немыслимо. И потому можно сделать несколько вещей.

Во-первых, можно начать с тех молитв, которые уже как-то согрели наше сердце в прошлом. У каждого из нас есть какая-нибудь молитва, которую мы любим.

Второе: когда мы приступаем к какой-нибудь молитве, над которой стоит имя того или другого святого, мы можем остановиться и сказать: «Святой Иоанн, святой Василий, в этой молитве ты заключил свой опыт, свое сердце, свою душу влил. Сколько сумею, я буду присоединяться к тому, что ты здесь говоришь. Будут вещи, которые мне невдомек, будут вещи, которые я превратно понимаю; я постараюсь быть честным, а ты помолись со мной». И если мы читаем эту молитву и доходим до какого-нибудь места, которое мы честно произнести не в состоянии, мы можем остановиться и сказать: «Господи! Я не могу этого сказать от себя; я эти слова произнесу только потому что это правда, которая меня превосходит, дай мне когда-нибудь дорасти до их понимания!..» Тогда можно говорить такие слова, не прячась от Бога, – все равно Его не обманешь.

Дальше: Иоанн Лествичник говорит, что когда ты читаешь молитву и внимание отходит, вернись к тому месту, где твое внимание отошло, и повтори; сделай это раз, сделай это два, сделай это сколько угодно, потому что кончится тем, что дьяволу надоест первому, и ты сможешь сказать эти слова. А если не сумеешь сказать, то борьба за эти слова гораздо важнее, чем легкое произнесение этих слов без усилий.

Если помолился невнимательно, всегда можно остановиться в любой час дня и сказать: «Господи, прости! Какой позор: я маму люблю, но в тот момент я думал только том, чтобы выпить горячего кофе... Прости меня!» – а Бог и без того маму любит, Он не ждет наших молитв. Когда мы молимся, мы просто присоединяемся своей молитвой к Божией любви, а не творим эту Божию любовь, не создаем ее.

А иногда бывает, что действительно можно помолиться как бы на основании молитвы и веры святого, даже без особенной собственной веры. Я некоторым из вас уже рассказывал этот позорный эпизод. У нас в церковном доме завелись целые отряды мышей, и я хотел их сбить. И я вспомнил, что в Большом Требнике есть молитва, вернее, увещание, кажется, святого Василия Великого, всем вредным тварям, целая страница, где перечислены все возможные звери, которые, в общем, портят нам жизнь. Я подумал: ну, Василий Великий писал, значит, должно быть, правда. Хотя я не верю, что что-нибудь может получиться, но раз Василий Великий в это верит, пусть он и чудо творит!.. И сказал ему: «Святой Василий, я не верю, будто что бы то ни было может получиться; но раз ты писал эту молитву, ты верил. Так вот, я эту молитву прочту, а ты ею молись, и увидим, что получится». Я надел епитрахиль, сел на кровать, передо мной был камин, и стал ждать. Вышла мышь; я ей говорю: «Сядь и слушай!» Она села на задние лапы, усами движет: видно, слушает. Я тогда прочел эту молитву, мышь перекрестил и говорю: «А теперь иди с миром и расскажи другим». И после этого ни одной мыши не было. И меня это особенно обрадовало, потому что это было уж никак не по моей вере. Это было чистое чудо, неоскверненное мной, если можно так сказать...

Мне мешают молитвенные слова. Я с детства знаю их наизусть, но внимание уходит от слов, не может сосредоточиться. Иногда какие-то слова действительно доходят, а так, чтобы систематически хотя бы «Отче наш» дошло, уж не говоря об утренних молитвах Василия Великого или полутора страницах Макария – я не могу! Ни на каком языке не могу. Мешает, что очень много слов, много мыслей, и вообще, всю жизнь надо думать только вот над этой строчкой...

Феофан Затворник в одном из своих писем говорит, что надо сначала глубоко вдуматься, вчувствоваться, вжиться в слова молитвы, но постепенно надо дойти до того момента, когда эти слова как бы делаются прозрачными и мы можем сущность молитвы пережить без слов. Я могу дать вам пример.

Уже много лет тому назад, когда я был молодым, я читал на клиросе вместе со старым дьяконом, которому было тогда лет восемьдесят пять. Пяти лет он был отдан в России в монастырь, потому что семья была совершенно безденежная, крестьяне средней России. Там он воспитывался и ничего другого не знал, кроме этого монастыря и эмиграции. Мы с ним на клиросе были. Он пел и читал, а я читал, потому что петь не могу. Пел он и читал с такой искрометной быстротой, что я даже глазами не мог уследить по строчке. Мне тогда было лет девятнадцать, и потому я был более наглый, чем теперь; и когда он кончил, я к нему обратился: «Отец Евфимий! Вы у меня украли всю службу быстротой своего чтения и пения, а что хуже – вы и у себя ее украли, потому что вы не могли следить за тем, что говорили или пели». И он заплакал и сказал мне: «Прости меня! Но знаешь, я с пяти лет слышу эти слова. Как только я научился читать, я их читал с листа и пел, и теперь, уже много лет, когда я вижу эти строчки, вся моя душа начинает петь, как будто рука коснулась арфы, и все струны запели». Мне тогда стало стыдно, и я подумал: вот, надо так вжиться в молитву, чтобы уже не надо было ползти от слова к слову, чтобы эти слова были, словно рука Божия, коснувшаяся меня... Вот к чему надо стремиться, а не втягивать себя обратно в слова, когда сердце уже ответило.

Иногда одно слово в молитве поражает до слез. И конечно, важнее как бы пасть внутренне на колени перед Богом и жить с Богом какое-то время, чем Ему (или себе) прочесть еще молитву, которая не доходит, потому что мы слишком переполнены тем, что только что пережили.

Знаете, есть еще один момент. Порой при чтении той или другой молитвы нас охватит радость, ликование от встречи с Богом (конечно, не о себе самих). И нет никаких сил и возможностей втиснуть себя потом в сокрушение, в плач о своих грехах. В такие моменты надо оставаться со своим ликованием, потому что это ликование, радость, благоговение – это момент, когда мы с Богом. Это нам подарок от Бога, – как же мы можем Ему сказать: «Да, но сейчас время читать другие молитвы?» Этого нельзя делать!

Как соотносить Иисусову молитву с молитвенным правилом? Как вообще быть с правилом?

Первое – что касается правила. Когда читаешь Добротолюбие или жития некоторых святых, встречаешь такие фразы: «Своди уставную молитву на предельный минимум и дай простор Иисусовой молитве...» Если попробуешь докопаться, что этот отец Церкви называет «минимумом», вот вам пример. Григорий Синаит пишет, что надо свести уставную молитву к абсолютному минимуму: всего-то читай полунощницу, утренние молитвы, утреню, вечерню и повечерие... Посмотришь и думаешь: ну и ну!.. Потому что после того как ты спокойно отмолился какие-нибудь восемь часов, у тебя остается, вероятно, десяток часов на Иисусову молитву. Но тут надо сообразить, что то, что он называет сокращением устава до минимума, для нас соответствует доведению устава до беспредельного максимума. Так что когда мы читаем у отцов Церкви: «Оставь отчасти уставную молитву», – мы из этого заключаем: ох, чудно! Я не буду молиться ни вечером, ни утром, заведу четки и все будет хорошо... Вот тут-то и нет! Отцы очень настаивают на том, что надо долго навекать параллельно уставной молитве и Иисусовой молитве, потому что уставная молитва питает нас иначе, чем Иисусова молитва, питает нас на другом плане.

Во-первых, в уставной молитве есть громадное разнообразие, тогда как в Иисусовой молитве есть порой очень мучительное **однообразие**. Повторяется одна-единственная формула. Я не хочу сказать, что она беднее, но у человека непривычного рождается какой-то голод ума, голод чувства, голод к тому, чтобы молиться словами и образами и последованиями, которые его возбуждают. Если взять просто вечерние или утренние молитвы: там содержится целый ход мыслей; по их расположению идет переход от чувства к чувству; они не в случайном порядке расположены. В пределах каждой молитвы – слова, которые были написаны святыми, не надуманные, а вырванные с кровью из души или в моменты большого подъема, или в моменты мучительного страдания; через эти слова мы можем немножко прозреть, чем жил этот

человек. Мы можем немножко приобщиться к тому, что составляло его душевно-духовную жизнь. Мы можем, если эти слова принять не только как выражение наших желаний, наших прошений, но также как мерку христианской жизни, стараться **жить** согласно с нашими молитвами. Если я утром сказал: «Господь, даждь ми терпение», – я должен учиться терпению в течение дня, а не ждать, чтобы Бог мне дал просто так, и т.д. Значит, эти молитвы питают нашу душу, и если мы к ним относимся вдумчиво, если мы их не только продумаем, но, как Феофан говорит, их «обчувствуем», то наши мысли пронизываются понятиями, которые принадлежали отцам; и постепенно мы начинаем думать их мыслями, наше сердце склоняется к их чувствам, и мы меняемся соответственно. Наша воля, направленная по руслу этих молитв, выпрямляется и выправляется согласно Божией воле; поэтому они необходимы. Попутно скажу, что если мы хотим молиться этими молитвами плодотворно, надо, во-первых, их употреблять трезво, спокойно, из глубины внутреннего убеждения, и предоставляя Богу, а не нашей душевности родить в нас соответственные чувства.

Другое, что необходимо (я уже об этом сказал): что бы мы ни говорили в молитве, мы **должны** осуществлять в жизни. Если этого не делать, то через самое короткое время слова молитв делаются приторными и вгоняют нас в уныние, потому что это пустые слова; и мы отлично понимаем, что ни Бог, ни мы сами ими не живем.

А третье – совет, который мне был дан в свое время: когда мы молимся какой-нибудь молитвой и знаем, кто эту молитву составил – Марк Подвижник, Василий Великий, Симеон Метафраст – раньше, чем ею молиться, можно остановиться, обратиться к святому и сказать: «Вот, я сейчас приступаю к чтению твоей молитвы; помолись, чтобы и мне приобщиться твоему духу – в меру моих возможностей, разумеется...» Так, чтобы молитва, которая выросла из всего опыта данного святого, нас и с ним связывала – любовью, почтением, его благословением, его молитвами.

Делая это, можно приступить к Иисусовой молитве, и это второе, о чем я хотел бы сказать. К деланию Иисусовой молитвы можно подойти совершенно различно. Можно стараться, например, учиться Иисусовой молитве так, как описывает Странник или Добротолубие, воспринимая ее как почти исключительную внутреннюю активность. Это возможно при определенных условиях: руководства, времени, тишины и т.д.

Есть и другой подход, доступный всем: употребление этой молитвы, как любой другой, принимая в учет, что она полна смысла, глубины, но ни в коем случае не является магическим приемом, как Феофан говорит, талисманом, амулетом, который нам позволяет достичь чего-то как бы без труда и потов. В этом плане Феофан дает совет – причем в письме к мирянке; он говорит: «Употребляй Иисусову молитву, как **всякую** другую молитву, **не** воображая, что ты делаешь что-то особенное, значит, не гордясь тем, что ты стала «делательницей» Иисусовой молитвы или чем-нибудь таким. И употребляй ее так: между каждыми двумя молитвами правила – пять Иисусовых молитв. Как? Во-первых, с предельным вниманием, которое ты можешь вложить в молитвы; во-вторых, со всем благоговением, которое ты можешь вложить в действие, когда подходишь к Живому Богу. В – третьих, с надеждой и мольбой о покаянии, о том, чтобы Бог тебя изменил – и ничего другого. Не вкладывай чувств и мыслей в нее, пока молишься. Предоставь Богу дать тебе любые мысли, любые чувства, какие Он захочет; а ты Ему просто говори, предстоя перед Ним».

Если навыкнуть этому, если Иисусова молитва привьется, тогда можно молиться немножко больше. Но совершенно необходимое условие: в начале выбирать такое время, когда можно ею заниматься без развlecения, без помехи, со всем вниманием и благоговением; причем заниматься не долгое время, а, скажем, прочесть десять раз. Если есть возможность – сказать молитву; помолчать; положить земной поклон; встать; дать себе телесно успокоиться, и произнести молитву еще раз... Если класть поклоны и употреблять Иисусову молитву одновременно и быстрым ритмом, тогда постепенно от

телесного упражнения рождается какое-то полуистерическое состояние, набегают одно на другое, так что человек теряет трезвость. В Иисусовой молитве, как во всякой молитве, надо избегать того, чтобы нарастало какое-то настроение; все, что произойдет в душе, должно быть от Бога. Он должен вложить в нас чувства; Он должен дать нам мысли; Он должен исправить нашу волю; Он должен как-то дойти до нашего тела. Но мы не должны это делать путем как бы взвинчивания себя, – это очень важно.

Можно прочесть Иисусову молитву десять раз и успокоится. Если в течение дня Бог на душу положит несколько раз повторить молитву, надо это делать; но надо всячески стремиться делать это с очень ясным вниманием. Если внимание **случайно** отрывается от молитвы, это не драма; но если мы приступаем к молитве, зная, что сейчас мое внимание **никаким** образом не может к ней прилепиться, я просто занят другим и как бы сознательно вступаю в молитву невнимательно, это губительно. Губительно просто потому, что очень легко привыкнуть к какому-то механизму и потерять молитву при этом, так же как, скажем, люди, которые выполняют большие молитвенные правила, часто теряют молитву, потому что – когда же им молиться, когда они молитвословят?!

Следующее, самое, может быть, существенное в Иисусовой молитве: эта молитва – **предстояние** перед Богом; в ней как бы нет движения от мысли к мысли. В Молитве Господней мы переходим от одного понятия к другому: *«Да будет воля Твоя.., да приидет Царствие Твое...»* и т.д. Здесь же – совершенное единство темы, нет никаких переходов. И она позволяет научиться молитвенно и жизненно **предстоять** перед Богом, просто **стоять** перед Ним как бы в совершенной неподвижности. И в этом отношении она, конечно, преимущественно молитва того, кто пребывает внутри себя, кто пребывает, скажем, в затворной келье. Но она же является и путем к этому, потому что такая стабильность достигается не внезапно, а постепенно обучением себя этому предстоянию.

Теперь – содержание этой молитвы. Добротолюбие, местами и Странник, цитируя его, говорят, что она – сокращение

всего Евангелия. И действительно, в ней две части; первая: «*Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий...*» Здесь исповедание веры, здесь напоминание нам, **Кто Тот** Бог, перед Которым мы стоим. Перед Кем я нахожусь? Кто Он?.. Причем напоминание не какого-то статического Бога, а напоминание о Боге, Который нас **всё время** к чему-то обязывает.

Возьмите коротко каждое слово:

Господи. Во-первых, Священное Писание нас учит, что никто не может назвать Христа Иисуса своим Господом, если он не движим Святым Духом. Значит, сказать Христу «Господи», это **уже** войти в какое-то отношение с Господом Духом Святым, это уже выразить тот опыт, который нам дан даром Святого Духа, Его неизреченными мольбами внутри нас или Его ясным словом молитвы в нашей душе. Но второе: сказать «Господи» нас обязует к тому, чтобы признавать Его **на самом деле** Господом, хозяином нашей жизни. «Не всякий, говорящий Мне: «Господи, Господи!», войдет в Царство Небесное..» (Мф.7,21). И если только я **державу** сказать Богу «Господи», это значит, что я Его безраздельно признаю своим Господом, хозяином моей жизни, и все **без исключения**, что в моей жизни будет происходить, всякую встречу, всякое событие, все без остатка я буду принимать как от Его собственной руки: все, что я буду делать, я буду делать как верный слуга, раб, наемник или сын, в зависимости от того, в какую меру я достиг – ради Него.

Далее: *Иисус* – исповедание исторической истинности Воплощения. Это земное, человеческое имя Сына Божия, ставшего Сыном Человеческим; это центральное исповедание христианской веры.

Христос – Помазанник: исполнение закона и пророков.

И, наконец, *Сын Божий* – потому что мы знаем то, чего Ветхий Завет не знал; мы знаем, что Он поистине Сын Бога Живого.

Эта формула может показаться сначала чисто христоцентричной, то есть сосредоточенной ни на ком ином, как на Христе Спасителе. На самом деле это не так; мы не можем назвать Иисуса Господом иначе как Духом Святым; мы не можем говорить о Сыне Божиим, забывая об Отце. И тут

сказывается нечто очень важное: Христос Себя называет дверью. Он – дверь, которой входят, Он – путь, которым идут, Он – **не** конечная цель в этом смысле. И вот это – полное, содержательное исповедание веры. Сказав это, мы действительно стоим перед Богом Живым, Богом Евангелия.

А вторая часть: *«Помилуй мя, грешного»*. Слово «грешный» в ней имеет как бы два оттенка. С одной стороны, каждый из нас грешит фактически – словом, делом, помышлением. С другой стороны, быть грешником, это не только значит грешить, это состояние, а не только поступок; и в конечном итоге это состояние отделенности, отрубленности. Мы отделены от Бога; мы отделены друг от друга, если даже мы ничего не делаем предосудительного по отношению к Богу или к ближнему; до тех пор, пока мы отделены, мы в состоянии грешности. И это состояние мы должны были бы воспринимать как предельно трагическое, потому что быть отделенным от Бога значит нести на себя смерть; это **смертная** опасность. Она должна бы нас побуждать к этому **крику** Иисусовой молитвы постоянно, если бы только мы осознавали, «како опасно ходим» (Еф.5,15)), как **страшно** это состояние оторванности, в конечном итоге – от жизни, от любви.

И затем смысл слова *«помилуй»*. Его значение глубже и богаче, чем то, какое мы вкладываем, когда думаем о слове «помилуй» почти что в смысле «пожалей», «отнесись ко мне без гнева». Комментарий, который дают некоторые отцы греческого Добротолюбия, заключается в том, что корень греческого слова «elehson» («помилуй») и того слова, которое дало по-гречески «оливковое дерево», «оливковое масло» – один и тот же. Филологи об этом спорят; но достаточно того, что отцы Церкви мыслили в этом порядке. И можно себе представить, что это значит помимо филологии, если посмотреть на Священное Писание. Первый момент, когда появляется образ оливкового дерева, это конец потопа. Ной посылает голубя, который приносит ему веточку оливкового дерева, и эта веточка значит, что гнев Божий прекратился, милость и прощение Божии – даром, незаслуженно, по одной любви – даются человечеству, и теперь, когда видна земля, перед ним есть будущее, перед ним

расстилается жизнь. Вот первое, что мы можем видеть в слове «помилуй», «elehson».

Но недостаточно, чтобы перед нами было будущее. Дорога может лежать перед нами, а мы не в состоянии шагнуть и шагу по ней, если парализованы болезнью, ужасом, страхом, нерешительностью. И второй образ: добрый самарянин, который возливает на раны человека, попавшего к разбойникам, вино – очищающее, жгучее, и исцеляющее масло. Нам нужно исцелить душой и телом, чтобы воспользоваться тем, что Бог предлагает нам.

И последнее. Есть образ в Ветхом Завете – помазание царей и священников. Почему нужно помазание? Потому что и первосвященник и царь стоят на грани между святыней Божией и грехом человеческим, между единой волей Божией и противоречивыми волями человеческими. И тот и другой, каждый в своей сфере, призваны к тому, чтобы согласовать одно с другим: чтобы народная воля Древнего Израиля была бы волей Божией. И на этой грани стоять человек не может, потому что всякий человек под судом Божиим. В Послании к евреям говорится, что Первосвященник входил во Свята Святых **единожды** в год и то не без крови, потому что должен был принести жертву за себя и за народ раньше, чем сам войдет в святилище. Только один Человек мог стоять на этом месте – Тот, Которого Павел называет «Человек Иисус Христос» (Рим. 5:15) – именно подчеркивая, что Он – Человек в **полном** смысле слова. Именно потому, что Он – Бог и человек, Он может стоять на этой грани и как Бог и как человек без осуждения. Вот это третья форма освящения, помазания.

Если вы спросите, какое это к нам имеет отношение: это имеет аналогичное отношение вот в каком смысле. Наше человеческое призвание сверхчеловечно; мы не можем своими силами осуществить то, к чему призваны. Апостол Петр в Послании говорит, что мы призваны стать причастниками Божественной природы. Никакими человеческими силами это не может быть достигнуто; это может быть **дано** и может быть принято любовью и смирением – но не человеческими ухищрениями и силой или умением. Дальше: мы призваны стать

членами Тела Христова, то есть так сродниться со Христом, так с Ним соединиться, чтобы мы были **Им**, в каком-то смысле, настолько, что Иринея Лионский в конце второго века говорил, что если мы действительно так соединены со Христом, то когда все будет завершено в конце времен, когда будет явлена полнота человечества, то мы не только будем сынами и дочерьми Божиими, но в Единородном Сыне мы будем *единородным сыном*. То есть наше положение по отношению к Богу и Отцу будет то же самое, какое имеет Единородный Сын, пришедший плотью в мир.

Далее. В Пятидесятнице, согласно рассказу, который мы находим в 20-й главе Евангелия от Иоанна, дается дар Святого Духа каждому в отдельности и всем в совокупности. Этот дар может быть **только** даром; опять-таки, мы можем быть Богоприимными, но не можем сами создать изнутри себя никаких условий, кроме как раскрытых сердец, открытых рук. И все это говорит о том, что чтобы быть человеком, просто **человеком**, но в настоящем смысле слова, мы должны стать чем-то превосходящим всякое наше представление; а такими мы можем стать только даром Божиим, а вовсе не собственными ухищрениями. И поэтому нам нужно излияние Святого Духа, дар Духа, **помазание** Духом – просто чтобы осуществить наше человеческое призвание. Я говорю сейчас не о священстве, не о монашестве, ни о чем формальном, а просто чтобы быть человеком.

А человек, словами того же Иринея Лионского, нечто очень великое. Я вам давал одну его цитату; в другом месте он говорит, что слава Божия, то есть сияние Божие – это человек до конца живой, Человек, пронизанный полнотой жизни, которая от Бога, и **есть** слава Божия, Его сияние и прославление.

Вот что содержится в словах «*Kurie elehson*», «Господи, помилуй», – и вот почему на все случаи жизни Православная Церковь отзывается в богослужении этими словами: что еще другое нужно? Начинается на самой глубине греха: «Господи, да прекратится Твой гнев! Господи, дай мне – незаслуженно, даром, несмотря ни на что – Твое прощение!.. Господи, продли мне дни жизни и открой передо мной путь!.. Господи, Ты все это

мне даешь, Ты уже дал, а я не могу шагнуть вперед: душой, телом, всем естеством я расслаблен – исцели меня, обнови меня, дай мне жизнь!.. Господи, оказывается, этот путь – не земной, это путь от земли на небо; как его осуществить? Как это возможно?.. Излей на меня ту благодать, которая из меня сделает богочеловека, по образу Того, Кто, будучи Богом, стал человеком...»

Вот приблизительно, насколько мне пришлось читать, содержание этой молитвы; и конечно, она только предстояние: никуда не двинешься. Куда же идти, если все – только в том, что ты стоишь с раскрытыми руками, с открытым сердцем? Это молитва как бы стойкого предстояния перед Богом; но если ее употреблять, как я сейчас говорил, при этих понятиях, с совершенной простотой, незатейливо, тогда все просто.

В Добротолюбии, у Странника, у Игнатия Брянчанинова, у Феофана указаны телесные упражнения или телесная дисциплина, связанная с этой молитвой. В этой дисциплине есть принципы, универсальные вещи. Принцип тот, что все, что в нас происходит в душе, в мысли, или в чувстве, или в воле, так или иначе, отзывается на нашем телесном состоянии. Вы сами знаете, что ваше телесное состояние, когда вы читаете что-то, что вас глубоко волнует, не таково же, как когда вы просто греетесь на солнце; и чем бы ни была занята мысль, чем бы ни горело сердце, куда бы ни направлялась воля, в зависимости от содержания и от напряженности внутреннего состояния, ваше тело меняется. И исходя опять-таки из опыта молитвы, наблюдая тот факт, что те или другие молитвенные состояния **всегда** связаны с тем или другим телесным состоянием, аскеты выработали физические упражнения, которые могут создать тот телесно-душевный строй, при котором молитва легче спорится; но никакой телесный или душевный строй не может молитву ни создать, ни вызвать. В конечном итоге, вся традиция исихазма в том, чтобы достичь телесно-душевного безмолвия, глубокого молчания души и тела; и изнутри этого молчания начинается молитва. Но самое молчание – это только возможность молитвы, это не сама молитва.

С другой стороны, телесные состояния для духовных отцов могут служить гораздо более удобным и легким способом проверить качество молящегося и его духовного опыта, присутствие или отсутствие прелести, чем описания с его стороны его душевных переживаний, потому что душевные переживания очень клубящиеся, а телесные состояния – удивительно четкие вещи.

Это общий принцип. В результате были выработаны специальные технические приемы, которые можно найти у целого ряда отцов, – у Симеона Нового Богослова подробно об этом пишется и у других. Но заниматься ими без руководства нет никакого смысла, потому что непременно заходишь в тупик: в какой-то момент не знаешь, куда дальше идти – это в лучшем случае. Тут опять-таки большой помощью может явиться епископ Феофан Затворник. Не то в одном из своих писем, не то в «Пути ко спасению» он говорит, что для того, чтобы вести духовную жизнь, надо быть, как хорошо натянутая струна – и этого всякий может достичь. Мы все можем научиться неподвижности или, наоборот, гармоничному движению, которое не было бы ни напряженным, ни расхлябанным. Мы можем научиться не быть напряженными в уме и вместе с этим вне всякой дремоты; мы можем не быть бесчувственными сердцем и вместе с этим не в каком-то истерическом состоянии. Вот этого мы должны искать – физически, внешне. Мы должны учиться и сидеть и двигаться так, чтобы владеть своим телом. Потому что мы можем Богу дать только то, чем мы овладели, мы не можем принести Богу то, чем сами не овладели.

Вот все, что я могу об этом сказать. Можно заниматься Иисусовой молитвой, но не делать из нее мистический фокус.

И не обязательно ею заниматься?

Я все меньше думаю, что это обязательно. Был период, когда я очень даже думал, что это обязательно; но из того, что я вижу вокруг себя последние двадцать пять лет, у меня впечатление, что есть люди, которые идут другим путем. Скажем, святитель Тихон Задонский – не человек Иисусовой молитвы; он, может, ее употреблял в какой-то уставной форме,

но это не его специфическая духовность. Есть другие, кто специфически направлен по Иисусовой молитве.

Вопрос только в том, чтобы **МОЛИТЬСЯ**; причем не молитвословить, а молиться, то есть быть в живом соотношении с Богом. И в конечном итоге, начнешь ли ты с уставной молитвы, с богослужения, с Иисусовой молитвы – человек должен прийти к молчанию. Не к такому мертвому молчанию, когда ничего не происходит, но к тому состоянию, где действительно «да молчит всякая плоть человека, да предстоит трепетом...» Это состояние живое, активное, не мертвое, не косное: и только изнутри глубокого молчания можно действительно молиться.

У кого-то из отцов есть высказывание, смысл которого: если не будет дана Иисусова молитва в момент смерти, то душа не найдет пути. Что об этом думать?

Я не помню этого высказывания, но сомневаюсь, чтобы речь шла об употреблении тех или иных слов. Например, старец Силуан говорит, что если человек раз в жизни всем естеством скажет: «Господи, помилуй!» – то Господь помилует. В этом смысле было бы очень странно думать, что если человек перед смертью не произнесет вот этих слов: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного», – то не найдет пути. Я не помню этой цитаты, ее контекста, поэтому не берусь растолковать, но думаю, что речь идет о крике души больше чем о словах, потому что Иисусова молитва ведь тоже когда-то появилась. Если взять раннюю пустыню – тогда употреблялись, больше чем Иисусова молитва, слова из 69-го псалма: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися...» (Пс.69,2) **Это** были первые слова пустыни. Иисусова молитва пришла потом целым сплетением обстоятельств. Это молитва евангельская, это молитва Вартимея, слепца, который кричал: «Иисусе, Сыне Давидов, помилуй меня!» (Мк.10:47). Вот ее корень. Вартимей знал Христа как Сына Давидова, мы знаем больше, и наше исповедание в первых словах более полное; но это крик слепого, крик, который рождается из глубины отчаяния, когда в нем вдруг блеснула надежда.

Но в течение, вероятно, более пятисот лет Иисусова молитва не была молитвой пустыни, во всяком случае она, не упоминается как постоянная, нормативная молитва, какой станет позже. Первое сколько-то достоверное упоминание мы находим в «Лестнице», это уже позже; в полном расцвете мы находим ее на Афоне, но это уже много позже. Я не думаю, что, скажем, Антоний Великий или Макарий, которые ее не употребляли в таком смысле, оказались обездоленными в час смерти.

Что представляет собой тайная молитва, что при ней испытывают, какое отличие от явной?

Я думаю, что должен вас отослать к писаниям святых отцов; но говоря очень коротко и без всякого опыта, могу сказать так. Истинная тайная молитва рождается в человеке, когда Дух Святой возбуждает в нас молитвенный дух и Дух Господень нам дает и слова, которые Он хочет от нас слышать; это учение апостола Павла, ничего нового в этом нет. И в этом, конечно, ее непостижимость. Это род молитвы, которой нельзя научиться, нельзя как бы из себя самого создать.

Я когда-то ставил подобный вопрос своему духовнику: «Как научиться чисто молиться?» Он мне ответил: «Стань молитвенным человеком – и будешь молиться». Это кажется полушуткой; но это значит: стань настолько членом Христовым, чтобы Дух Святой в тебе говорил слова, которые должны быть принесены Богу членом Его Тела, чтобы это была молитва Христа, внушаемая Духом.

А явная молитва, то есть та молитва, которую мы совершаем в храме или дома, – путь к ней. Потому что молитва литургическая и молитва частная подобны жерновам, которые нас мелят, мелят, мелят в начале с трудом, с болью, с криком, но которые рано или поздно могут нас перемолоть уже в такую муку, из которой можно сделать хлеб Христов.

Как человек убеждается, что он соединен с Богом, что это не игра его чувств? Как человеку не ошибиться в этом?..

Феофан Затворник указывает признаком того, что человек во Христе – горение и беспощадную решительность исполнять Его заповеди. Поэтому какие бы у вас ни были чувства, если нет

сознания: «Чего бы это мне ни стоило, я буду верен Христу», – ставьте все под вопрос; потому что чувства, конечно, навеваются всяко. Я не говорю сейчас о каком-то бесовском воздействии, а просто чувства у нас бывают естественные, самые лучшие, но не божественные. Вот первый критерий.

Второе – это тоска по Богу и желание молиться. Человек, который не хочет молиться, который читает молитвы по долгу, по уставу, но не тоскует по Богу, должен быть осторожен, когда вдруг на него находят какие-нибудь мистические переживания, и не спешить считать, что это от Бога.

Третий критерий как бы сборный, из Серафима Саровского и разных других писателей. Если в человеке есть свет, есть тепло, если в человеке есть то отношение ко Христу, о котором я только что сказал, если в человеке есть смирение и желание быть забытым, тогда можно сказать, что он на пути. Если есть надменность, гордость, сознание своего превосходства, если у него не ум холодный, а сердце холодное, то это не от Бога.

И наконец (но это, конечно, вопрос другого порядка), бывают поразительные моменты, когда человек достоверно знает, что с ним случилось нечто божественное. Я вам два примера дам.

Во время немецкой оккупации молодой человек шел ночью по Парижу, проходил по мосту. И вдруг его охватило такое чувство присутствия и величия Бога, что на этом пустом мосту он стал на колени и поклонился до земли. Вот это было нечто реальное, потому что он не был ни в храме, ни на молитве, ничем благочестивым в таком специальном смысле не занимался, – вдруг он стал перед Богом, вернее, Бог предстал перед ним.

Другой случай – тоже с молодым человеком, который уверовал во Христа, молился и искал правды Божией. И он мне рассказывал, как он ехал на автобусе и молился, прося Господа дать ему понять, что значит «вселение Святого Духа». И вдруг его охватило нечто: свет, тишина и любовь вдруг раскрыли его сердце любовью ко всему, ко всем обстоятельствам, ко всем людям, – любовью, которая в течение последующих пятидесяти лет в нем не умирала.

Но в конечном итоге две вещи. Во-первых, духовник должен следить за этим и ставить вопрос, и не давать нам зарываться и подниматься в небеса. Как св. Исаак Сирий говорит: «Если увидишь новонаначального поднимающегося к небу, схвати его за ноги и сбрось на землю, потому что чем выше он поднимется, тем больнее ему будет падать...» Очень важно – не гасить дух, не гасить в человеке надежду или сознание: да, действительно, Бог прост, близок, ласков, но помнить, что чем больше ты знаешь Бога, тем в тебе возрастает смирение и сознание того, кто ты такой, и как же Бог, великий и такой Святой, мог к тебе приблизиться. Смирение святых происходит не от того, что они заглядывали в свою душу и видели, до чего они плохи, а от того, что они видели величие Божие и только и могли пасть ниц. Это очень важно.

Для определенного рода мистики характерна душевная экзальтация. Можно ли усмотреть в ней «прелесть» в православном понимании слова?

Я думаю, можно сказать, что есть прелесть в том смысле, что очень легко «прельститься» такими всплесками души и искать этого, а не Самого Бога, то есть как бы употреблять мысль о Боге или то, что связано с Богом, для того чтобы прийти в такое настроение или состояние. Поэтому в православии мы настаиваем: не обращай внимания на то, что в тебе делается. В одном из «Четырех слов о молитве» Феофан Затворник говорит: «Если ты хочешь знать, хорошо ли ты молился, не ставь вопрос о том, что ты пережил, а ставь вопрос: после молитвы выросло ли в тебе желание быть более верным Христу и исполнять Его волю?..» Если да, ты хорошо молился, если у тебя были какие бы то ни было переживания, но этого не случилось, сомневайся в своих переживаниях. Твоя молитва не бесплодна, – никакая молитва не бывает бесплодной, но не привела тебя к тому, к чему она в идеале должна привести: к большей верности, большей решимости по отношению к исполнению воли Божией.

Часто встречаешься с такими периодами в жизни, которые характеризуются богооставленностью или которые можно назвать духовной смертью. В каком отношении

находится это состояние к смерти в более буквальном, обыкновенном смысле этого слова и есть ли какое-то значение этих состояний, кроме того, что пройдя их, человек становится другим, и в этом смысле они пополяют все несущественное в его душе?

Мне кажется, что эти состояния – назовем их, как вы назвали, богооставленностью – имеют разные причины. Бывают моменты, когда Бог отходит от нас и оставляет нас лицом к лицу с жизнью, – не потому что Он не хочет с нами общаться, а потому что пришло время без поддержки, без утешения, не Его одной силой, но нашей верностью идти тем же путем, который мы избрали или который Он нам указал. В молодые годы или на первых порах, когда мы открыли духовную жизнь, Бога, бывает: нам все дается, нас несет, словно челнок волной, с нашей стороны никакого усилия нет, будто на руках нас что-то несет. Бывают в жизни святых моменты, когда им, как чистый дар, дается что-то, чего они никак не могли бы сыскать сами. Но это – милость Божия, и если бы и продолжалось так, то все равно нашим достоянием не было бы; все это оставалось бы Божиими дарами, которые Он нам дает. Мы получаем от Него опытное знание того, что такое общение с Ним, что такое молитва, что такое созерцание, что такое молчание, что такое любовь, что такое братство, что такое Бог и т.д. А потом Бог говорит нам: «Теперь Я отойду. Останешься ли ты верен Мне или скажешь: «Нет! Я несогласен приложить труд. Ты меня неси, я сам не пойду!» Старое присловье пустыни говорит об этом: «Дай кровь и примешь Дух». Если то, что ты получил первоначально, для тебя оказалось драгоценностью, тогда стоит искать всю жизнь. Даже если только к концу жизни найдешь – все равно стоит всю жизнь искать, потому что без этого нельзя жить.

Это один аспект. Но есть другой: когда Бог нам очень близок, а мы слепы и не видим. Слепы из-за греховности – это просто; либо слепы, потому что чем-то ослеплены, либо потому что ожидаем одного и неспособны видеть другое. Вчерашний мой опыт молитвы был радостен; если сегодня, становясь на молитву, я начну искать вчерашнюю радость, я ее не найду и могу пройти мимо того, что Бог мне сегодня дает: может –

сокрушенность, может – трепет, может – страх, может – суд, и т. д. Бывает, что грех нас ослепляет, это понять просто. А бывает, что нас как-то ослепляет добро, но оторванное от Бога, добродетель как таковая. Я помню одну нашу лондонскую старушку, которая мне как-то сказала: «Почему вы мне не назовете все мои грехи, чтобы мне спастись, я не хочу погибнуть!» Я ответил: «Не беспокойтесь, грехи ваши вам Бог простит, а вот добродетели – не знаю!..» Потому что ее «добродетели» так дорого стоили окружающим, что все думали: хоть бы согрешила ты, но только немножко почеловечнее была!.. Вот один пример. Можно было бы это более серьезно развить, но я хочу одним мазком.

Есть еще богооставленность другого рода. Если мы действительно всерьез принимаем нашу приобщенность Христу, то все, что составляет историческую, земную участь Христа, может стать и быть нашим. Вспомните слова Спасителя Христа в вечер Его воскресения: "Как Отец Меня послал, так и Я посылаю вас..." (Ин.20,21) Это же было сказано 36 часов после смерти на кресте, после всей страстной седмицы; это было сказано после того, как Христос говорил ученикам: «Я вас посылаю, как овец среди волков...» (Мф.10,16) Это было сказано после разговора Спасителя с Иаковом и Иоанном на пути в Иерусалим, когда Он возвестил о Своей грядущей страсти и смерти и воскресении, а Иаков и Иоанн прошли мимо всего, что Христос сказал о Своих страстях и смерти и услышали только одно: что это кончится победой. И они забежали перед Ним и стали просить: «Когда Ты победишь, дай нам сесть одесную и ошуюю Тебя...» (Мк.10,37) Какой ценой это Ему достанется, они не заметили; заметили только то, что с ними может случиться. И Христос тогда им поставил вопрос: "Можете ли вы пить чашу, которую Я буду пить? Готовы ли вы креститься тем крещением, которым Я буду креститься?" (Мк.10,38) (Греческое слово, здесь употребленное, значит: погрузиться в то, во что Я буду погружен, с головой уйти в тот ужас, в который Я буду погружен). Вы согласны на это? И ученики ответили: «Да...» И Христос ответил обетованием: «Крещением, которым я крещусь, и вы креститесь; чашу,

которую Я пью, и вы будете пить, а сесть одесную Меня – кому Отец даст» (Мк.10,39–40). Это не значит вовсе, что и чашу выпьешь, и крещением будешь креститься – и все равно ничего не получишь; это, я думаю, можно так понять: **ты** будь верен, Бог-то верен будет...

И вот богооставленность может быть частью этой судьбы, когда мы с человеком или с людьми настолько готовы быть едиными, как Христос был един с людьми. Сойдя в ад человеческих отношений, во мрак человеческих сомнений, ужаса, мы можем оказаться, как Он, богооставленными. Но не в отрицательном смысле, в каком богооставленность является плодом греха; а в дивном смысле, в котором она является приобщенностью Христу. Как апостол Павел говорит: «Я восполняю в плоти моей недостающее страстям Христовым» – и не в физической плоти, а во всем естестве (Кол.1:24).

Так что когда мы чувствуем, что Бог от нас отошел, первый вопрос: есть ли между Ним и мною грех? Причем раскаянный грех, грех, который я ненавижу, которому не служу и не поклоняюсь, от Бога не отделяет. А то, из чего я сделал идол – и это может быть и преступление, и добродетель – меня может отделить. Вот первый вопрос: есть ли во мне что-то, что заменяет для меня Бога, что стоит между Ним и мной? Второе: если я могу честно сказать на первый вопрос: нет, в данный момент этого нет, то богооставленность – время, когда я могу Богу показать серьезность, искренность моей верности Ему. И третье (конечно, не надо спешить воображать, что мы собой представляем Христа, хотя это реальность): не несу ли я этот – о, малюсенький, в меру моих сил! – крест вместе со Христом? Не потому что я замечательный человек и Бог мне доверяет соучастие с Ним, а потому что я – член Тела Христова, просто христианин; не ради каких бы то ни было моих добродетелей и заслуг, а по природе моего христианства.

Вправе ли человек без конца просить помощи у Бога?

Во-первых, надо всегда помнить, что просительная молитва не является единственной формой молитвы, которая у нас есть. Если мы читаем молитвы святых, то делается совершенно ясно, что в некоторых случаях они просто пели свое восхищение

Богом; в других случаях они благодарили Его за все, чем полна их жизнь. Причем не всегда только за хорошее, но и за крестные моменты, за тяжелые моменты, в которых, с одной стороны, открывалась им собственная их глубина, и с другой стороны, открывалась и близость Божия, и Его готовность поддержать.

Есть еще другая форма молитвы, которая не совсем равнозначна просительной молитве о своих нуждах: это молитва о других. Мы обращаемся к Богу, как бы перед лицом Божиим держим человека (хотя, конечно, Бог и без нас не забывает его) и говорим: «Господи, Ты в мое сердце влил сострадание к этому человеку, озабоченность о нем, и вот я Тебе его приношу, – взгляни на него, благослови его...»

Но есть и просительные молитвы, где я сам оказываюсь в какой-нибудь нужде: или мне страшно, или какая-нибудь проблема передо мной. Во-первых, никогда не надо обращаться к Богу так: дескать, передо мной проблема, я сам ее и не умею решить, и неохота мне все силы на нее потратить, – **Ты** реши ее за меня... К этому часто сводится молитва людей, потому что гораздо проще просить Бога о помощи, чем сделать то, чего Он от нас ожидает. Знаете, есть русское присловье: неурожай от Бога, а голод от людей...

Но если к Богу относиться, как к родному, если знать, что Бог озабочен о нас, что Он сострадает нам, что Он нас любит, что Он внимателен, что у Него все свойства любящего, родного человек, почему к Нему не обратиться, почему бы Ему не сказать: «Я озадачен, я болен, у меня проблема – помоги мне...» – не снять проблему, не решить вопрос извне, а понять и исполнить, сделать самое лучшее, что можно сделать в этом отношении.

Я уже говорил, что есть молитва за других. Она очень важна, потому что то сострадание, то сочувствие, которое у нас бывает по отношению к другому человеку, конечно, может родиться от того, что он нам лично дорог; но порой такое сочувствие, сострадание, любовь рождаются из таких глубин, в которых действует Божия благодать, просвещающая сила. Мы вдруг оказываемся способны любить любовью, которая больше нас самих. И тогда конечно мы можем сказать: «Господи, мне

кажется, что **так** ему нужно, чтобы то или другое совершилось, чтобы то или другое вошло в его жизнь или вышло из его жизни...» Но нельзя ставить вопрос так: «Господи, я **знаю**, что ему полезно, а Ты непременно это сделай». Надо помнить, что Богу нельзя предписывать, что Он должен сделать, будто мы знаем лучше. И вот когда мы посреднической молитвой молимся Богу, это движение должно быть самым основным. Мы должны Богу принести эту нужду и сказать: «Господи, я Тебе ее вручаю, я Тебе передам тревогу, я хочу воспринять от Тебя Твой мир, Твое присутствие...»

Говорят, что нельзя просить Бога непрерывно о том же самом. Чистосердечно попроси один раз, а дальше «да будет воля Твоя»...

Да, но тут есть опасность. Часто мы говорим «Да будет воля Твоя» в конце какой-нибудь молитвы как бы в виде страховки. Я прошу об одном, потом говорю «Да будет воля Твоя» – и что бы ни случилось, я выиграл, потому что случилось либо по-моему, либо по-Божии, а я просил и того, и другого. Вы, может быть, добродетельнее меня, но я знаю, что не я один так реагирую: будто молитва – как зонтик на случай дождя. И очень важно, мне кажется, быть в состоянии сказать: «Вот, Господи, чего мне хочется. Мне кажется, что это самое лучшее, что может случиться, но я не все понимаю и не все знаю, и Ты реши так, чтобы было лучше...» Тут «да будет воля Твоя» начинает приобретать реальный, личный смысл. А иначе надо быть осторожным, как бы не употреблять очень святые слова в виде самозащиты, чтобы самому как бы не попасть впросак.

Теперь еще одно. Не мучить Бога одним и тем же прошением все время? Знаете, это не так просто. Если бы мы действительно верили Богу, могли бы Ему довериться, могли бы Ему сказать: «Господи, вот, моя мать сейчас заболела раком. Я полностью верю в Твою любовь, в Твое сострадание, в Твою заботливость, и я Тебе передаю заботу, а я буду заниматься всем материальным обеспечением», – это было бы, вероятно, идеально. Но у нас веры нехватает. И большей частью я советую людям, кого действительно нужда за душу схватила, сказать: «Господи, вот моя забота, вот моя тревога, вот моя

нужда, мой страх. Я Тебе все об этом скажу, и в Твою руку это предаю. Но прости, у меня не хватит доверия к Тебе, чтобы обратно не взять заботу и не начать снова волноваться и тревожиться». И оставь эту заботу в руке Божией столько, сколько можешь. А когда чувствуешь: нет, не могу, не могу, я должен волноваться, я должен с ума сходить, скажи: «Господи, прости, но я не могу быть спокойным, пока эта тревога только в Твоих руках; Я хочу ее в своих подержать». И Бог, вероятно, смотрит и улыбается, говорит: «Ну, помучься немножко... Это тоже знак твоей любви к этому человеку, знак твоей привязанности, доброй воли. Да, помучься, а потом в какой-то момент отдай все это Мне и научись Мне доверять хоть немножко...» Я, может быть, пессимистически отношусь, но говорю из собственного опыта, о себе больше, чем о других.

Как сочетать молитвенную жизнь и деятельность в миру, работу, научную деятельность?

В молитвенной жизни есть два аспекта. Можно ее сводить к молитвословию, к выполнению правил. Мой духовник, когда я был студентом последних курсов, дал мне молитвенное правило, которое занимало сверх моей нормальной работы восемь часов. Но через какое-то время, годика через два, он мне сказал: «Теперь что ты знаком с богослужебным строем, учишься молиться». Я сделал тот же опыт с одной старушкой у нас, монахиней, которую подверг тому же. Через годик я ее спросил: «Ну как, мать Антонина, с молитвой?» Она говорит: «Ну что, я выполняю свои восемь часов, потом крещусь, говорю: «Слава Тебе, Господи; теперь наконец помолиться можно». И вот мне кажется, что здесь различие, которое стоит делать, потому что есть вещи, которые невозможно совместить с какой-нибудь словесной молитвой. Когда вы находитесь в такой критической обстановке, где не можете располагать своим временем или распоряжаться им, то никакого вопроса нет: сейчас ты должен весь быть в деле. Но молитва, слава Богу, не заключается в молитвословии, а в целом строе души, жизни. Феофан Затворник в одном из своих писем говорит, что сознание о Боге и, значит, молитвенное предстояние перед Ним должно стать как бы болячкой. Когда у вас болит зуб, никакой

нужды нет весь день себе напоминать, что «болит зуб», – он болит и сам о себе напоминает, и на фоне этой боли вся жизнь проходит: все, что вы делаете, что читаете, что говорите. Вот так надо попробовать себя воспитать по отношению к Богу и к молитве, чтобы наше молитвенное предстояние перед Богом было в нашем сердце, в нашей душе. Скажем, когда утром кто-нибудь из нас получит либо трагическое, либо радостное известие, то весь день под тучей или озарен светом. Нам незачем вспоминать, что мы получили это известие: оно во мне. Так и с молитвой.

Поэтому можно заниматься научной работой, медицинской работой, исследованиями любого рода, отдавая все свое внимание и вместе – с каким-то живым чувством Бога. Этому надо и можно научиться; то есть, это или дается милостью Божией, или надо для этого как-то расчистить немножко путь; но это возможная вещь. И конечно, нельзя заниматься наукой двоящимся умом; нельзя делать одновременно трудную работу (я думаю о хирургии просто потому, что у каждого свое ремесло) и думать о Боге: надо думать о человеке, который перед вами. Во время войны я не мог себе позволить, занимаясь раненым, половиной ума о нем думать, а половиной ума молиться, потому что расплата-то не моя, **он** умрет от моих молитв. И поэтому мне кажется, что бывают моменты, когда Бог ожидает от нас, что мы не то что оставим Его, но в Его имя – отойдем от Него. Западный святой Викентий, который начал дело монахинь-сестер милосердия, в своем уставе написал: вы должны научиться оставлять Бога – Бога ради, т.е. оставлять богослужение, оставлять личную молитву, когда кто-то в чем-нибудь нуждается. Но вы можете иметь в сердце одно настроение или другое. Если вы подходите к этому человеку с благоговением или к этой работе с чувством, что сейчас прикасаетесь тайне того, что Господь Своими руками создал, на чем печать Его мудрости, Его путей, хотя вместе с тем и расстройство, которое человек внес в эту мудрость и эти пути, – вы можете все делать с каким-то внутренним молитвенным состоянием. И Иоанн Лествичник говорит, что если ты находишься в молитвенном экстазе и услышишь, что сосед по

келье просит чашу студеной воды, оставь свой молитвенный экстаз и дай ему воду, потому что твой молитвенный экстаз – дело частное, а дать ему чашу студеной воды – дело Божественное. Так что в этом есть такая добротная святоотеческая линия. Единственное, чего не надо делать, это что Феофан называет «скверноделание» или «пустоделание», то есть грех или просто суета мешают молитве. Но когда мы делаем что-то, что можем делать во имя Божие, то можем делать это с живым чувством и всем умом, и живое чувство может быть обращено к Богу, а не к предмету.

Есть и еще другое: голод по Богу порой так же важен, как активная молитва. Я знаю по себе, что когда я был врачом, иногда целый день приходилось именно работать и делать свое дело; и постепенно нарастало чувство: пришел бы вечер, настала бы ночь, чтобы побыть с Богом!.. Так же, как вы можете чувствовать по отношению к любимому человеку: вы весь день работаете вне дома, и чем больше длится это ваше отсутствие из дома, тем больше хочется вернуться и с ним, с ней, с ними побыть, просто побыть. И в течение дня есть это чувство нарастающего голода, нарастающей тоски, желания наконец встретиться и просто побыть вместе, рассказать что-нибудь, помолчать вместе...

Какова должна быть позиция христианина в современном мире, в его реалиях? Может ли быть позиция активная или возможен только внутренний путь, путь внутренней молитвы, близкой к исихазму?

Мне кажется, что одно другого не исключает. Вы, вероятно, помните, как Соловьев отозвался, когда ему говорили, что все должно сводиться к молитве. Он сказал: «Да, молиться надо при всяком деле, но дело тоже надо делать», – и примером он дал – с улыбкой – что верующий человек и перед едой молится, но помолвившись, садится за стол... Мне кажется, что это можно применять во всех областях жизни. С одной стороны, если мы не восчувствуем глубоко нужду окружающего нас мира, не будем о нем молиться, молиться кровно, с болью в сердце или с глубокой нежной любовью, то никакое наше дело впрок не пойдет; но с другой стороны, есть вещи, которые должны быть

сделаны, а не только поднесены Богу молитвенно. Вы помните, что в Евангелии сказано, что мы призваны быть светом мира: те, которые являются светом, должны идти туда, где темно; мы призваны быть солью, которая ограждает и спасает от гниения: мы должны быть там, где гниение. То же самое можно сказать о всяком месте, где нет веры, где нет надежды, где нет любви, где нет радости: мы должны быть везде, где чего-то нехватает в измерении истинного человечества и человечности; и мы должны активно участвовать во всем том, в чем мы можем участвовать без компромисса, без греха, не отрекаясь от своей веры и не предавая Христа.

Каким образом соотносится частная молитва подвижника с молитвой общины? Какое значение имеет молитва общины для молитвы подвижника-затворника?

С одной стороны, были подвижники и в древности и в более поздние времена, в частности – юродивые, которые молились в одиночку, в совершенном одиночестве и в совершенной оторванности физической, вещественной от окружающего мира стоя пред Богом. Это совершенно не значит, что у них не было общения. Серафим Саровский, например, был в затворе – и одновременно молился и за весь мир и за отдельных людей, нужду которых Бог ему открывал. То есть это не было одиночество в нашем понимании: будто он заперся и ни о ком больше не знает, ни о ком больше не слышит. С другой стороны, выражаясь языком Самарина, Церковь это организм любви. Собравшаяся община -это община людей, видящих друг во друге живую икону Христа, к которой они относятся с благоговением, с трепетом и молитвенно. Поэтому общая молитва является молитвой тела Христова, то есть Христова присутствия в среде этих людей, которые в себе носят какую-то печать самого Спасителя Христа. Но одно не отрывает от другого. Есть такие подвижники, которые в одиночку молились, есть такие, которые создавали общины, где все молились вместе. И есть скитское житие, например, преподобного Нила Сорского. Вокруг него было двенадцать монахов, каждый жил целую неделю в своей келье и молился в одиночку, и раз в неделю они собирались на совершение литургии , где они были

едины как тело Христово, совершали службу, которую, в сущности, совершает Сам Христос и в которую они вливались.

Бывает, что чисто физически нет возможности молиться дома, негде. Как таким людям поступать и как вести себя в семье и дома?

Во-первых, Амвросий Оптинский говорил кому-то: если у тебя ноги болят – сядь или ляг; Бог не в ноги, а в сердце смотрит... Молитвенное положение несомненно помогает; встать на молитву, собраться физически, класть поклоны, креститься, конечно, большая помощь. Но скажем, я был солдатом в течение достаточного времени, нас было сорок человек в помещении и, в общем, было очень неудобно молиться. Неудобно не в том смысле, что я стыдился, а потому что шум, гам и т.д. В таких случаях, я бы сказал: почему не лечь? Выучив молитвы наизусть, можно лечь благоговейно и лежа, как бы стоять перед Богом и читать молитвы или молиться по четкам.

К сожалению, часто даже стоя, спишь – настолько изнемогаешь...

Тогда надо с Богом быть простым. То есть, сказать: «Господи, Ты же видишь, до чего я устал – благослови!» – и заснуть; и знать, что Бог тебя благословил с лаской и любовью, потому что Он понимает, что у человека физические и даже душевные силы ограничены. Не надо пользоваться этим, чтобы не молиться, потому что тебе лень, это другое дело; эксплуатация усталости тоже бывает. Но я знаю по себе, что когда был врачом, я приходил иногда в час ночи, во мне никаких сил больше не было на молитву, и я крестился и говорил: «Господи, благослови!» – ложился с добрым намерением хотя бы лежа помолиться, и просыпался на следующее утро, не помолившись, потому что я разом исходил...

А бывают дни, когда полное оупение, когда нет желания контакта с Богом. Можно ли идти в храм? И вообще, как поступать?

Мне кажется, иногда мы можем делать вещи по вдохновению, а иногда по убеждению. Иногда мы молимся, потому что душа рвется к молитве; иногда мы можем стать

перед Богом и Ему правдиво и честно говорить о нашей преданности, хотя в данную минуту ее не переживаем... Наподобие того, как порой бывает: вернешься после тяжелой работы, и тебя кто-нибудь спросит: «А ты чувствуешь любовь ко мне?» – и в данную минуту ты ничего не можешь чувствовать кроме того, что у тебя болит все тело; но ты можешь сказать: «Нет, не чувствую, но я тебя люблю. Любовь вся тут, только я до нее добраться не могу».

Так и в церковь – иногда мы идем на крыльях, а иногда душа тупеет; и тут вопрос, конечно, личный. Иногда можно себе дать передышку. Знаете, кто-то из французов писал, что любовь редко умирает от голода, чаще от пресыщения... Бывает, что в какой-то момент мы слишком много – для нас, для нашей емкости – были в храме и начинаем тупеть и становимся бесчувственными, потому что больше не можем выдержать, что спим ли, ходим ли, сидим или едим, мы только и слышим дьяконское «Вонмем, премудрость» и т.д. В такие моменты, пожалуй, лучше сказать: нет, я сегодня не пойду, я очухаюсь, приду в себя... Но чаще можно просто сказать: да, я сейчас не чувствую ничего, но Бог остается Богом, я остаюсь христианином (христианкой), я пойду и поклонюсь Ему... И я должен сказать, что часто, если так пойти, то во время молитвы, просто носимые молитвами других, мы вдруг начинаем оживать. Но порой, мне кажется, надо дать себе передышку.

Когда христианская семья собирается на молитву, эта молитва может быть более или менее внимательна, более или менее глубока; здесь проявляется не только грех каждого члена, но некая духовная разделенность...

У меня нет опыта семейной молитвы, поэтому я не могу об этом говорить прямо, но я уверен, что для того чтобы можно было молиться вместе, надо тоже немножко молиться врозь. У каждого свой ритм: одни люди молятся медленно, другие быстро; если молиться вместе, надо держаться какой-то середины. Если каждый член семьи отдаст пять-десять минут тому, чтобы побыть с Богом и поговорить с Ним или своими словами, или словами святых, но своим темпом, потом можно

слиться в одну молитву. Но если люди стараются молиться только вместе, то ритм бывает такой, который никому не принадлежит, и гораздо труднее войти в глубину.

Второе, думаю, чему надо учиться – это молчать в Божием присутствии. И начинать молиться тогда, когда в тебе уже есть какая-то тишина, потому что молиться можно из глубины тишины, безмолвия; из суеты можно только произносить молитвенные слова. Конечно, Бог может совершить чудо, но речь не об этом. Надо употреблять свой ум и опыт для того, чтобы применять наставления, данные в пустыне, к городской пустыне. Иногда бывает гораздо более пустынно среди людей, чем когда никого нет.

Что вы скажете о совместной молитве в свободной форме и обучении молитве в такой форме?

Я в течение целого ряда лет устраивал не-литургические молитвенные собрания, чтобы научить людей молиться о реальности и реально. Мы собирались на определенную тему. Скажем: одна больничная ночь, как ее переживает больной. Я давал введение, потому что у меня есть в этом отношении какой-то опыт, описывал, как переживает тяжело больной человек приход сумерек, которые его окутывают одиночеством, как постепенно он в этом одиночестве переживает свою боль, свой страх и т.д. И эту тему я разбивал на отдельные участки, после представления такого участка мы молчали, потом я вслух говорил свободную молитву. Мы собирались так ежемесячно на час-полтора, и многие научились не только молиться своими словами и открывать душу Богу, но молиться за людей, не просто поминая имя человека и предоставляя Богу знать, что за этим, но этого человека представляя Богу, – не потому что Бог его не знает, а чтобы собственная молитва была конкретная, реальная. Так что я очень этому сочувствую.

Не может ли быть, что у каждого человека, как уникального творения, особого творения Божия, есть и свой уникальный путь молиться, общаться с Богом?

Я уверен, что это так. Во-первых, есть замечательное место в Книге Откровения, где говорится, что когда мир придет к концу, каждому человеку будет дано имя, которое только Бог и

этот человек знает. Это имя является тайной его личного и неповторимого общения с Богом. Конечно, мы до такой степени не доходим в течение своей жизни, сколько бы она ни длилась, но в основе это так: каждый из нас для Бога единственный и неповторимый, и поэтому каждый из нас с Богом общается, даже если употребляет «общие» слова, так, как никто не общается. Это мне кажется совершенно несомненным. Конечно, мы располагаем относительно малым количеством слов или образов. Я не говорю даже о написанных молитвах, а о том, что мы можем сами сказать. Но в каждое слово мы можем вложить весь свой внутренний опыт, все чувство. Даже когда мы говорим друг с другом, мы употребляем те же самые слова с разными людьми, но насколько они различны, когда идут от нашего сердца в сердце другого человека!..

Например, у меня был опыт общения с группой английских хиппи. В какой-то день они пришли и говорят: «Знаете, мы хотим молиться; не проведете ли с нами всенощное бдение, не поучите ли нас?» И мы десять часов промолились. Совсем неплохо, так-то говоря, чтобы группа молодежи из шестидесяти человек десять часов сряду молилась; это показывает, что они действительно молиться хотели. Причем мы, конечно, не совершали богослужение, потому что бессмысленно совершать православную всенощную для группы людей, которые вообще не знают, на чем они стоят. Но мы сделали так: нас было трое (двое – англичане), мы разделили время на три периода по три часа, а в интервалах, после каждого периода из трех часов, был кофе и хлеб; потому что все-таки это была длинная ночь, и они все пришли с работы или откуда-то... И мы вели так. Каждый из нас делал вступление на какую-то тему; потом был период молчания с полчаса, а потом такое размышление вслух, – то есть эта же тема разбивалась на маленькие предложения, над которыми каждый должен был подумать несколько минут и которые потом собирались в форме короткой молитвы.

Потом они пригласили, мы три дня провели вместе. Они поставили тему о святости. Мы три дня молились, сидели вместе, я вел беседы с ними, потом были вопросы, а потом, кто хотел, приходил ко мне со своими личными вопросами. И

сейчас целый ряд из них прибивается к Православной Церкви. Я их спрашивал – почему? Они говорят потому, что православные знают, во что они веруют, и потому что у вас в церкви есть молитва. Не приходится (как некоторые говорили) приносить молитву с собой, можно влиться в существующую молитву...

Если люди не получают ответа, они перестают молиться. Значит, буддисты, магометане получают ответ?..

Я думаю, что получают. Может быть, не такой ясный, явственной, какой получаем мы в молитве даже, скажем так, полусознательной, какой в лучшем случае является наша молитва. Но Господь есть Бог всех; Он всех зовет к спасению, над всеми трудится. Если Бог Сам не приблизился бы к неверующему, к язычнику или еретику, тот никогда не переменялся бы и не стал верующим, или христианином, или православным. Как сказано в Книге Откровения от лица Божия, «стою у двери и стучу...» (Откр.3,20) Бог стоит у двери каждого сердца, каждого ума, каждой жизни – событиями, встречами, словами, внутренним законом; вспомните место у апостола Павла, где он говорит, что язычники поступают правильно по закону, который написан у них в сердце. Есть соответствие между всяким человеком и Богом, Который его сотворил по Своему образу и подобию. То, что некоторые богословы называют «завет Бога с Адамом» – это соответствие, образ, который ни грех, ни что-либо не может просто уничтожить в человеке. И в какую-то свою меру – иногда в удивительную меру! – люди, да, получают ответ по чистоте своего сердца, по искренней своей устремленности, потому что они вседушно или изо всех сил ищут Бога, и Бог не уходит от ищущих Его. И если бы мы, христиане, были явлением Христа в жизни, тогда эти люди, услышав как-то, может быть, смутно, глас Божий, могли бы в нашей среде найти Живого Бога. Но к сожалению, и теперь, как и во времена апостола Павла, имя Божие хулится из-за нас.

Может ли молиться неверующий?

Для того чтобы молиться, нужно знать, что ты к кому-то обращаешься, что кто-то тебя слушает и слышит. Поэтому если неверующий последовательный, если он «знает» абсолютным

убеждением, нутром своим убежден, что Бога нет, то конечно, ему некому молиться...

А люди, которые просто не убеждены в том, что Бог есть?

Я вам отвечу рассказом. До революции жил в Петербурге барон Павел Николаевич Николаи. Он был студентом и дружил с человеком, который много лет спустя стал священником во Франции и которого я хорошо знал. Лев, его друг, был верующий, а барон Николаи никак не мог найти Бога и просто не знал даже, как Его искать, хотя голод у него был по Богу. У них были бесконечные разговоры, споры о вере. Раз во время летних каникул он шел по лесу в родной Финляндии, и душа его болела о том, что где-то должен же быть Бог... Он видел, какую роль Бог играет в жизни других, какое место занимает, какой свет идет от людей, истинно верующих в Него, а сам не мог до Бога дойти никаким образом. Он шел, шел, и вдруг остановился и воскликнул: «Господи, если Ты существуешь, докажи мне это!» – и вдруг в его сердце влился такой мир, влилась такая радость, что он понял: да, он встретил Бога.

Поэтому если человек теоретически верит в Бога, но опытно Его не знает, он может обратиться к этому неведомому Богу честно, добротнo, и сказать: «Я знаю, что Ты существуешь. Глядя на верующих, на их внутренний строй, на то, что они собой представляют, я должен признать, что есть такая сила, которая называется Святым Духом или Христом; глядя на их жизнь, я вижу, что они живут не так, как другие, что в них есть правда, добротность, целомудрие, возвышенность, готовность служить другим и жертвовать собой, как никто. Вот к чему сводится моя вера. И на основании этой веры я обращаюсь к Тебе, Господи. Ты знаешь меня, Ты знаешь мои нужды, знаешь мои страдания, знаешь все обо мне. Может быть, даже лучше, что у меня нет слов, чтобы с Тобой говорить; но вот я стою перед Тобой, – Ты меня благослови и невидимо будь со мной...»

Я не понимаю, как молиться за больных. Если болезнь дана Богом, то как молиться, чтобы Он ее отнял? Или как можно думать, что Бог попускает болезнь, и потом просить,

чтобы Он исцелил человека? Я не совсем понимаю, зачем люди болеют и почему мы молимся о них?

Вопрос о болезни, конечно, сложный. Дело не в том, чтобы понять, почему один человек болеет, а другой нет. Это можно оставить в стороне, мы этот вопрос не решим. Но что меня поражает в болезни: когда мы находимся перед лицом больного, есть целый ряд отдельных вопросов. Вот человек заболел. Он, может быть, заболел от физической причины, но несомненно, что его борьба за здоровье будет зависеть не только от того лечения, которое к нему применят. Я могу дать пример.

У нас был прихожанин, староста храма; он заболел раком. Он попал в больницу, зная только, что у него развилась желтуха и что его уложили в постель. Он мне сказал: «Какая скука! Столько мне надо еще в жизни сделать, а вот теперь я прикован к постели...» Я ему указал: «Сколько раз вы высказывали желание остановить время и **быть** вместо того, чтобы **делать**. Вы этого никогда не сделали, теперь это с вами случилось». Он на меня посмотрел: «Да, но я не знаю, что значит «быть»! Потому что мы все в движении; а вот как представить себе, что я просто **есть**, не делая ничего особенного, просто бытием живу?» Я ему тогда ответил: «Болезнь и смерть зависят от физических и от нравственных условий. Давайте оставим физические проблемы врачам; а нравственные – ваше дело. Вас могут загрызть насмерть все разрушающие чувства, которые в вас могут быть: злоба, горечь, мало ли что». А жизнь-то у него до того была очень трудная, он четыре года на Соловках провел и т.д. Он говорит: «А что же мне делать?» – «А вот давайте разбирать ваше отношение к себе и к людям, начиная с этого момента. Какие у вас отношения с самыми близкими людьми, что в них неладного?» И мы разбирали это, в течение нескольких месяцев переходя из пласта в пласт, все дальше вглубь не только времени и отношений, а вглубь его души. И пришел какой-то момент, когда он просто освободился от своего прошлого и от своего настоящего. Я помню, он лежал в постели прозрачный, со светящимися глазами, и мне сказал: «Как странно – я телом уже почти умер, и никогда не чувствовал

себя таким живым, как теперь». Вот это в своем роде было разрешением его болезни. Я ничего не мог сделать, чтобы снять с него рак, но с него что-то снялось, не моими усилиями, а внутренней правдой, которая ему позволила раскрыться до глубин и освободиться от всего.

Второе что мне хотелось бы сказать: часто человек хочет выздороветь, но не исцелиться. То есть человек хочет здоровья, чтобы вернуться к прежней жизни, но не исцеления в смысле цельности, которая ему позволит зажечь совершенно новой жизнью. Человек не готов как бы почувствовать, что болезнь, которая его держала, дай ей только развиться, его доведет до предела, который можно назвать смертью, он умрет. Если он теперь вернется к жизни, то это дар новой жизни, и он может жить только в новизне этой новой жизни. Сколько раз мы видим в Евангелии, что Спаситель ставит вопрос: «Хочешь ли исцелиться?» И нам кажется: кто же не хочет? Но речь не о том: хочешь ли ты, чтобы Я тебя вылечил от твоей теперешней болезни, а: чтобы Я тебя сделал целым?.. А это значит – умереть прошлому и начать жить в новизне. И это вопрос, который надо ставить людям, может быть, не в такой форме, но по существу.

И наконец (но такое суждение только святой может иметь), есть люди, которые внутренне созревают, вырастают, спасаются как бы только через болезнь, потому что до того их во все стороны раздирала суета. Я вспоминаю сейчас одного западного святого, который совершал множество чудес. Ему привезли тяжело больного и просили совершить над ним чудо. Он ответил: «Я буду молиться Богу три дня и тогда дам ответ». И на третий день он сказал: «Господь мне открыл, что я могу тебя исцелить, но открыл и то, что лучше для тебя остаться больным и пройти через болезнь и смерть в вечную жизнь, которой ты не можешь достигнуть иначе в той же мере...»

Вот то немного, что я могу сказать. Это не богословие, но, как некоторые из вас знают, я был врачом пятнадцать лет и переживал с больными больше чем... нет, не больше, но так же, как с тех пор, как священником стал и навещаю больных, встречаюсь с ними.

Почему псалтирь читают над умершим?

Мы читаем псалтирь над покойником, над усопшим, как бы выражая всю его жизнь, весь диапазон тех чувств, которые могли в нем быть: и покаянных, и ярых, и умиленных, и прекрасных, и темных, – все это мы приносим Богу как бы от его имени; мы не над ним читаем, а за него читаем, от него.

Когда молишься за усопших, бывает, что вспоминаются их грехи, и тогда молишься о прощении этих грехов, как будто они твои...

Я думаю, что Бог нам дает видеть или вспоминать грехи других людей для того, чтобы мы могли о них молиться. Если мы думали бы о людях, будто они чистое совершенство, что же мы с ними делать могли бы? А тут действительно мы вспоминаем одну вещь за другой и говорим: «Господи, помилуй!»

На Западе, особенно в протестантском мире, часто ставят вопрос о том, почему мы молимся о усопших, что это может им дать? Неужели я встаю перед Богом и говорю (я буду перефразировать по-своему, то есть на очень низком уровне): «Господи, Иван Иванович был, конечно, дрянь; но мы же с Тобой друзья, и он мой друг, ну брось,пусти его в рай!..» Часто протестанты так воспринимают нашу молитву за усопшего. Он ведь от этого лучше не делается, слишком поздно ему делаться лучшим, а вместе с тем о чем же я прошу?

Мне кажется, что тут есть ряд очень важных моментов. Во-первых, раз ты пришел молиться об усопшем, это означает, что он не напрасно жил на земле, что он в тебе родил живое чувство любви, дружбы, сострадания. Значит, он что-то сделал своей жизнью над тобой, что тебя с ним связывает; и твое предстояние, твоя молитва о нем – свидетельство перед Богом: да, он не напрасно жил. Может быть, он многое и другое сделал, но **это** он сделал положительное. На отпевании мы стоим со свечами. Конечно, прямое и справедливое объяснение в том, что мы стоим со свечами вокруг гроба, как мы стоим в пасхальную ночь на утрени, свидетельствуя о воскресении. Но мы свидетельствуем еще и о другом: что усопший был тоже хотя бы малой свечой во тьме нынешнего века. Если я его –

какой бы он ни был – мог полюбить и пожалеть, и теперь стоять за панихидой или на его похоронах, значит, он что-то родил во мне светлое, искру какую-то. Вот о чем мы говорим: «Господи, все знают, что у него были те или другие недостатки, но я свидетельствую, что не только недостатки были, он был искрой света для меня; и это не может пропасть». Мне кажется, что в этом основной, глубокий, сердцевинный смысл молитвы об усопших. А когда мы вспоминаем его грехи, то мы приносим Богу молитву уже конкретно: да, Господи, он был таким, сяким, он был этаким, но несмотря на это, смотри, что он надо мной сделал: я его полюбил... И мне кажется, что есть гораздо более глубокая, интимная связь между людьми, которые друг друга встретили. Я говорю не: прошли мимо друг друга, а: встретили.

Мне вспоминается рассказ из жизни хасидов об одном молодом раввине, Цусия. Он умел воздействовать потрясающим образом на всех людей, возбуждая в них покаяние, возбуждая в них новую жизнь. Его как-то спросили: что он делает?.. И он ответил: «Когда ко мне приходит человек и рассказывает о зле, которое в нем есть, или когда я его вижу, я спускаюсь ступень за ступенью до глубин его греха, там я связываю корень его души с корнем моей, и начинаю каяться в его грехах, потому что это мои грехи, это наши грехи. Что же человеку остается делать, как не каяться, поскольку я каюсь?..»

Такое отношение должно быть к усопшему, да и к живому человеку.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Большинство из нас вступает в ночь покоя; мы отложим тяготу дня, усталость, тревоги, напряжение, озабоченность. Мы отложим все это на пороге ночи и войдем в забытие. В этом забытии мы беззащитны; в течение этих ночных часов Один Господь может покрыть нас Своим крылом. Он силен оградить наши сердца против того, что может подняться из наших еще не очищенных, не просвещенных, не освященных глубин. Он силен оградить наши мысли, наши сновидения, спасти наши тела.

Мы войдем в ночной покой, но прежде – вспомним тех, кто вступает в ночь, полную тревоги.

В больнице или в комнате больного есть люди, которые не уснут, потому что им больно, потому что им страшно, потому что они в тревоге за любимых, из которых одни несут вместе с ними бремя их болезни, а другие осиротеют с их смертью.

Есть люди в одиночестве тюрьмы; некоторые из них молоды, и где-то за стенами есть девушка, которую они любят, есть их дети, их товарищи, есть свобода, была надежда – а теперь ничего не осталось.

Есть и такие тюрьмы, где ночи ужасны, где сейчас начнутся допросы; они тянутся долгие часы в сердцевине ночи; кого-то будут бить, кто-то подвергнется пыткам. Они вернутся в свои камеры обессиленными и вступят в день, в котором им не будет отрады, один страх перед грядущей ночью. Сейчас над ними замыкается ночь, страх окутывает их тело, их душу.

Кроме того, есть во всех городах ночь шумная, ночь кабаков, ночь азартных игр, ночь пьяницы, ночь, в которой юноши и девушки потеряют чистоту; ночь, когда супруги, позабыв любовь, охваченные только желанием, будут грубы друг с другом.

Есть люди, которые потеряют честь, и кому стыдно будет проснуться утром.

Есть и те, кто пользуется всем этим, кто спаивает, кто соблазняет, кто отравляет наркотиками, те, кто смеется демонским смехом, не понимая, что решается их вечная участь.

Тех – да сохранит Господь; но этих – да помилует их Бог!

И есть в этой ночи те, кто будет предстоять перед Богом: мать у изголовья ребенка; жена, муж возле умирающего супруга; есть все те, кто посвятит ночь молитве. Есть в ней мальчик, который в одиннадцать лет ушел из Москвы, сказав матери: «Бог зовет меня молиться в лесу». Прошло уже пять лет; он один в лесной чаще, среди снегов лютой русской зимы.

И сколько, сколько других! В этой ночи не уснет врач, и сиделка будет бороться со сном. Есть целый мир жизни и страдания, и надежды, и смерти... и радости, и Божественного присутствия; все это есть в этой ночи.

Прежде чем предаться отдыху, поблагодарим Бога за все, что Он нам посылает, и попросим, чтобы пока мы, забывши все, будем спать, Он помнил страждущие тела – как больного, так и проститутки; ребенка и старика; заключенного, которого допрашивают, как и того, кто его подвергает допросу; того, кто пользуется чужой слабостью, как и того, кто сломлен в своей слабости; того, кто стоит перед Богом в своей пламенной борьбе между жизнью и смертью мира. Пусть Он помянет всех в Своем Царстве, и пусть придет мир, и прощение, и милость. Пусть самый ужас станет не концом, а новым началом. Пусть Тот, Кто перед лицом предательства познал предельный ужас в Гефсиманской ночи, вспомнит всех тех, для кого эта ночь не станет ночью покоя и отдыха. Пусть помянет Он и нас, ранимых и беззащитных: мы предаемся в Его руку с верой, и с надеждой, в радости о том, что в меру своих сил мы любим Его, и что мы любимы Им вплоть до Креста и Воскресения. Аминь.

Примечания

¹ - Радиобеседы в религиозной программе русской службы Би-Би-Си. 1980–1981 гг. Публикация: Беседы о молитве. СПб.: Сатис, 1996.

² - Павел Николаевич Николаи, † 1919 .

³ - Митрополит Никодим (Ротов, † 1978), в то время – Ленинградский и Новгородский